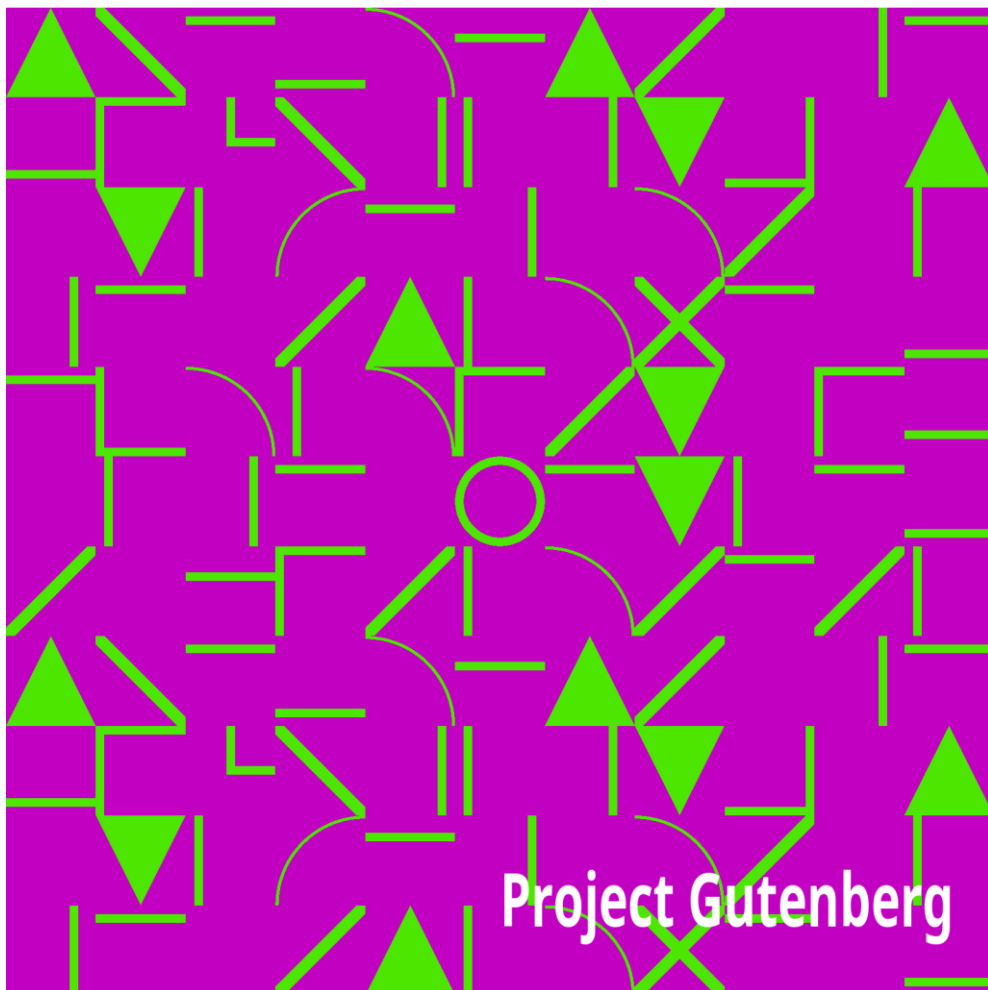

Мифы об американских героях. Исследование коренных религий Западного континента

Дэниел Г. Бринтон

**American Hero-Myths: A Study in the Native
Religions of the Western Continent**

Daniel G. Brinton

Электронная книга проекта "Гутенберг" Мифы об американских героях: исследование коренных религий Западного континента

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мифы об американских героях: исследование коренных религий Западного континента

Автор: Дэниел Г. Бринтон

Дата выхода: 1 февраля 2004 г. [Электронная книга № 11029]
Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры Дэвид Старнер, Инка Вайде и корректоры PG Distributed

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОЙ-МИФЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ КОРЕННЫХ РЕЛИГИЙ ЗАПАДНОГО КОНТИНЕНТА" ***

АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОЙ-МИФЫ.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРЕННЫХ РЕЛИГИЙ ЗАПАДНОГО КОНТИНЕНТА.

ДЭНИЕЛ Г. БРИНТОН, доктор медицины,

ЧЛЕН АМЕРИКАНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА; АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА АНТИКВАРОВ; ОБЩЕСТВА НУМИЗМАТОВ И АНТИКВАРОВ ФИЛЫ И ДР.; АВТОР КНИГ "МИФЫ НОВОГО СВЕТА"; "РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО" И ДР.

1882.

ЭЛИ К. ПРАЙСУ, ЭСКВАЙРУ, ПРЕЗИДЕНТУ ОБЩЕСТВА НУМИЗМАТИКИ И АНТИКВАРИАТА ФИЛАДЕЛЬФИИ, ЧЕЙ ПРОСВЕЩЕННЫЙ ИНТЕРЕС НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ И ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ СПОСОБСТВОВАЛ ПРОГРЕССУ ЗНАНИЙ, АВТОР С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот небольшой том является вкладом в сравнительное изучение религий. Это попытка представить в критически корректном свете некоторые фундаментальные концепции, которые можно найти в верованиях коренных племен Америки.

До сих пор в этой области делалось так мало, что она давала очень скудный урожай для целей общего изучения. Она еще даже не миновала той стадии, когда было признано различие между мифом и традицией. Почти все историки продолжают писать о некоторых американских богах-героях, как будто они были вождями племен в некую неопределенную эпоху, и попытки проследить миграции и принадлежность народов по сходству в таких историях происходят почти ежедневно. Насколько безосновательными и вводящими в заблуждение должны быть все подобные аргументы, является одной из моих задач.

В то же время я старался быть умеренным в применении интерпретаций мифологов. Я осознаю риск, которому подвергается человек, рассматривая каждую легенду как миф о свете или буре. Моим руководящим принципом было то, что когда одну и ту же очень необычную историю рассказывают несколько племен, совершенно разных по языку и местоположению, то вероятность того, что это не легенда, а миф, огромна и должна быть объяснена как таковая. Это спонтанное порождение ума, а не воспоминание об историческом событии.

Важность изучения мифов была наглядно продемонстрирована в последние годы, и методы их анализа были установлены с достаточной ясностью.

Давно прошло то время, по крайней мере среди мыслящих людей, когда на религиозные легенды низших рас смотрели как на тривиальные басни или как на выдумки Отца Лжи. Они не являются ни тем, ни другим. Они выражают в образах и происшествиях мнения этих рас по самым важным вопросам человеческой мысли, о происхождении и предназначении человека, его мотивах долга и основаниях надежды, а также об источнике, истории и судьбе всей внешней природы. Безусловно, искренние высказывания на эти темы даже скромных представителей человеческой расы заслуживают нашего самого уважительного внимания, и, возможно, мы обнаружим в их грубых повествованиях проблески ментального света, к которому их гордые арийские братья долго шли или еще не достигли.

Предубеждение против всех низших религий, вдохновленное притязаниями христианства на монополию на религиозную истину - притязаниями, ни в коем случае не выдвинутыми его основателем, - привело к крайней несправедливости по отношению к так называемым языческим религиям. Было приложено мало усилий для того, чтобы отличить их добрые от дурных наклонностей или даже понять их. Я не знаю ни единого случая на этом континенте тщательного и осмысленного изучения местной религии протестантским миссионером.

В области американской мифологии было проделано так мало реальной работы, что среди авторов преобладают очень разные мнения относительно ее интерпретации. Слишком многие из них применяют к нему поверхностные обобщения, такие как "гелиолатрия", "анимизм", "поклонение предкам", "примитивное философствование", и думают, что такой шаг раскроет все его тайны. Результатом стало то, что, хотя каждый удовлетворяет себя, он никого больше не убеждает.

Я пытался избежать любой подобной предвзятости и стремился обнаружить источник выбранных мною мифов, уделяя пристальное внимание двум моментам: во-первых, я должен получить точную первоначальную форму мифа путем строгого изучения авторитетных источников; и, во-вторых, я должен применить к нему современные методы мифологического и лингвистического анализа.

Первое из этих требований доставило мне немало хлопот. Источники по американской истории не только сильно различаются по достоинству, но и многие из них практически недоступны. У меня до сих пор хранится список книг первостепенной важности для этих исследований, которые я не смог найти ни в одной государственной или частной библиотеке Соединенных Штатов.

Я был свободен в приведении ссылок на утверждения в тексте. Растущий среди историков обычай не делать этого заслуживает сожаления в интересах правильного изучения. Лучшей альтернативой получить обвинение в педантизме, чем оставлять виноватыми тех, кто хочет проверить точность автора или продолжить линию расследования, которую он указывает.

С другой стороны, я проявлял умеренность в проведении сравнений с арийской, семитской, египетской и другими мифологиями Старого Света. Было бы легко заметить очевидное сходство в гораздо большей степени. Но я предпочел оставить это для тех, кто пишет об общей сравнительной мифологии. Такие параллелизмы для достижения удовлетворительных результатов должны проводиться только теми, кто изучал восточные религии в их первоначальных источниках, и поэтому их не следует вводить в заблуждение поверхностным сходством.

Термин "сравнительная мифология" едва ли простирается настолько далеко, чтобы охватить все, к чему я стремился. Профессиональный мифолог считает, что выполнил свою задачу, когда проследил миф через его трансформации в сюжете и языке вплоть до природных явлений, выражением которых он был. Эта внешняя история важна. Но гораздо глубже лежит изучение влияния мифа на индивидуальное и национальное сознание, на прогресс и судьбу тех, кто в него верил, другими словами, его истинного *религиозного* значения. Я также попытался принять это во внимание.

Обычно утверждается, что племена в интеллектуальном состоянии тех, с которыми я имею дело, основывают свою религию на поклонении внешним явлениям. В противовес этому я выдвигаю различные аргументы, чтобы показать, что их главный бог не отождествлялся с каким-либо объективным природным процессом, но был человеком по своей природе, благожелательным по характеру, его любили, а не боялись, и что его поклонение несло в себе зародыши развития доброжелательных эмоций и здоровых этических принципов.

Медиа, Пенсильвания, октябрь 1882г.

Содержание.

ГЛАВА I.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Какой-то вид Религии Встречается у всех людей -Классификации религий-Цель религий-Религии Обряда и Верования -Миф Вырастает из Первого из них - Намерения и значения мифа.

Процессы мифотворчества в Америке-Персонификация, Паронимы и Омонимы-Отозис-Полионимия-Генотеизм-Заимствования-Риторические фигуры-Абстрактные выражения-Эзотерические учения.

Очерки фундаментального американского мифа - Белый культурный герой и четыре брата - Интерпретация мифа -Сравнение с арийским мифом о Гермесе-С ариосемитским мифом о Кадме- С мифами об Осирисе - Миф о Девственной Матери -Интерпретация, подтвержденная таким образом.

ГЛАВА II.

БОГИ-ГЕРОИ АЛГОНКИНОВ И ИРОКЕЗОВ.

§1. Алгонкинский миф о Мичабо.

Миф о Гигантском кролике-Кролик создает Мир-Он женится на ондатре-Становится Всеобщим Отцом-Происхождение Мичабо-от Ваджашка, Мускусной крысы-Объяснение мифа-Бог Света как Бог Востока-Четыре Божественных Брата-Миф о Хуарочирисах-Создатели Дня-Состязания Мичабо со Своим Отцом и братом-Объяснение этого-Символический кремневый камень- Мичабо уничтожает Короля Змей-Значение этого мифа-Отношения Бога Света и Бога Ветра - Мичабо как Бог Вод и Плодородия - Представлен в виде Бородатого Мужчины.

§2. Ирокезский миф об Иоскехе.

Сотворение Земли-Чудесное рождение Иоскеха-Он побеждает своего Брата Тавискару-Создает и учит человечество-Посещает свой Народ-Его бабушка Атенсик-Иоскеха как отец своей Матери-Схожие концепции в египетских мифах-Происхождение Иоскеха и Атенсик-Иоскеха как Таронхиавакон, Сторонник Неба-Идентифицирован его брат Тавискара или Техотеннхиарон-Сходство с мифами алгонкинов.

ГЛАВА III.

БОГ-ГЕРОЙ ПЛЕМЕН АЦТЕКОВ.

§1. Два антагониста.

Состязание Кецалькоатля и Тецкатлипоки-Бог Света Кецалькоатль -Происхождение Его Имени - Титулы Тецкатлипоки -Отождествляются с Тьмой, Ночью и Мраком.

§2. Бог Кецалькоатль.

Миф о Четырех братьях - Четырех Солнцах и конфликте Стихий -Имена Четырех Братьев.

§3. Кецалькоатль, Герой Тулы.

Тула, Город Солнца - Кем были толтеки?--Тлапаллан и Шалак - Рождение Бога-Героя - Его Девственная Мать Чималматль - Его Чудесное зачатие -Ацтлан, Страна Семи пещер, и Колхуакан, Изогнутая гора -Дева Шочитль и Розовый сад Богов -Кецалькоатль в роли Белого и Бородатого Незнакомца.

Слава Владыки Тулы-Хитрость колдуна Тецкатлипоки-Волшебное зеркало и Мистический напиток-Объяснение мифа-Обещание омоложения-Товейо и Девушка-Фокусы Тецкатлипоки-Отъезд Кецалькоатля из Тулы-Кецалькоатль в Чолуле -Его смерть или уход-Небесная игра в мяч и тигровую шкуру-Кецалькоатль как планета Венера.

§4. Кецалькоатль как Повелитель Ветров.

Владыка Четырех Ветров -Его Символы, Колесо Ветров, Пятиугольник и Крест -Близкая связь с Богами Дождя и Вод-Изобретатель Календаря-Бог Плодородия и зачатия-Рекомендует сексуальную аскезу-Фаллические символы-Бог торговцев-Покровитель воров -Его Пиктографические изображения.

§5. Возвращение Кецалькоатля.

Его ожидаемое повторное появление - Беспокойство Монтесумы -Его обращение к Кортесу- Общее ожидание-Объяснение его предсказанного возвращения.

ГЛАВА IV.

БОГИ-ГЕРОИ МАЙЯ.

Цивилизация майя - Откуда она возникла -Дублирует традиции

§1. Культурный герой Ицамна.

Ицамна как Правитель, Священник и Учитель - Как Главный Бог и Создатель Мира - Предполагаемый миф Лас Касаса о Христе - Четыре Бакаба-Ицамна как Повелитель Ветров и Дождей- Символ Креста - Как Повелитель Света и Дня - Происхождение его Различных имен.

§2. Культурный герой Кукулькан.

Кукулькан как связанный с календарем-Значение имени-Миф о Четырех братьях-Счастлирое правление Кукулькана и чудесное исчезновение-Связь с Кецалькоатлем-Мифология ацтеков и майя-Кукулькан, Божество майя -Ожидаемое возвращение Бога-героя-Пророчества майя -Их объяснение.

ГЛАВА V.

ГЕРОЙ-БОГ КИЧУА ВИРАКОЧА.

Виракоча как первопричина-Его имя Илла Тиччи-Молитвы Квичуа-Другие имена и титулы Виракочи-Его Поклонение Истинному монотеизму-Миф о четырех братьях -Миф о братьях- близнецах.

Виракоча как Тунапа, Тот, кто Совершенствуется - Различные случаи из Его жизни- Отношение к Манко Капаку - Он исчезает на Западе.

Виракоча поднимается из озера Титикака и направляется на Запад-Происхождение Его имени- Он был представлен Белым и бородатым-Миф о Конне и Пачакамаке-Контис Виракоча- Пророчества перуанских провидцев, которых Белые люди называли Виракочами-Сходство с мифами ацтеков.

ГЛАВА VI.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ТИПИЧНОГО ГЕРОЯ-МИФА.

Типичный миф, встречающийся во многих частях Континента - Трудности в его отслеживании - Религиозная эволюция в Америке Аналогична эволюции в Старом Свете - Провал христианства среди красной расы.

Культурный миф тараско из Мехоакана - Миф о киче из Гватемалы.--Вотанский миф о цендалах из Чьяпаса; - Фрагмент мифа о миксе; -Бог-герой муйсков из Новой Гранады; - Из рода тупи-гуаранай в Парагвае и Бразилии; -Мифы о дене из Британской Америки.

Поклонение Солнцу в Америке-Зародыши прогресса в американских религиях-Взаимосвязь религии и морали-Бог Света Как нравственное и благотворное творение-Его поклонение возвышало-Моральное состояние туземных обществ до завоевания-Прогресс в определении идеи Бога в Перу, Мексике и на Юкатане-Ошибочные утверждения о морали туземцев-Эволюция их этических принципов.

Указатель.

АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОЙ-МИФЫ.

ГЛАВА I.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

КАКОЙ-ТО ВИД РЕЛИГИИ ВСТРЕЧАЕТСЯ У ВСЕХ ЛЮДЕЙ -КЛАССИФИКАЦИИ РЕЛИГИЙ-ЦЕЛЬ РЕЛИГИЙ-РЕЛИГИИ ОБРЯДА И ВЕРОУЧЕНИЯ -МИФ ВЫРАСТАЕТ ИЗ ПЕРВОГО ИЗ НИХ - НАМЕРЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ МИФА.

ПРОЦЕССЫ МИФОТВОРЧЕСТВА В АМЕРИКЕ-ПЕРСОНИФИКАЦИЯ. ПАРОНИМЫ И ОМОНИМЫ-ОТОЗИС-ПОЛИОНОМИЯ-ГЕНОТЕИЗМ-ЗАИМСТВОВАНИЕ-РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ-АБСТРАКТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ. ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ.

ОЧЕРКИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО АМЕРИКАНСКОГО МИФА - БЕЛЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ И ЧЕТЫРЕ БРАТА -ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФА -СРАВНЕНИЕ С АРИЙСКИМ МИФОМ О ГЕРМЕСЕ-С АРИОСЕМИТСКИМ МИФОМ О КАДМЕ- С ОСИРИЙСКИМИ МИФАМИ - МИФ О ДЕВСТВЕННОЙ МАТЕРИ -ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПОДТВЕРЖДЕННАЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ.

Было время, и это было не так уж давно, когда некоторые утверждали, что существуют племена людей без какой-либо религии; в наши дни предпринимаются попытки показать, что чувство, побуждающее к этому, распространено даже среди животных.

Это изменение мнения произошло частично из-за расширения определения религии. Теперь считается, что оно означает любую веру в духовные или сверхъестественные силы. Некоторые ученые люди говорят, что нам лучше отказаться от слова "религия", чтобы нас не поняли неправильно. Они предпочли бы использовать "даймонизм", или "сверхъестественность", или другой подобный новый термин; но ни один из них не кажется мне настолько широким и точно определяющим то, что я подразумеваю под "религией".

Теперь все согласны с тем, что в этом очень широком смысле та или иная религия существует в каждом человеческом сообществе.^[1]

Часто предпринимались попытки классифицировать эти различные религии под несколькими общими заголовками. Схема Огюста Конта все еще имеет сторонников. Он учил, что человек начинает с фетишизма, переходит к политеизму и, наконец, поднимается к монотеизму. В настоящее время все более популярной является теория о том, что простейшей и низшей

формой религии является индивидуальная; над ней стоят национальные религии; и на вершине - универсальные, или мировые религии.

Схема Конта не выдержала критики. Она искусственна и бесплодна. Посмотрите на христианство. Это высшая из всех религий, но это не монотеизм. Взгляните на буддизм. В чистом виде это даже не теизм. Вторая классификация более плодотворна для исторических целей.

Психолог, однако, задается вопросом о сущности, истинной цели религий. Это по-разному определяется двумя великими школами мысли.

Все религии, говорит идеалист, - это попытки, бедные или благородные, сознательные или слепые, развить Идею Бога в душе человека.

Нет, отвечает рационалист, это просто попытка человеческого разума сформулировать Теорию вещей; поначалу религия была ранней натурфилософской системой; позже она становится моральной философией. Объясните Вселенную с помощью физических законов, укажите, что источником и целью этики являются отношения людей, и у нас больше не будет религий, да они нам и не нужны.

Первый ответ слишком неосязаем, второй - слишком узок. Грубый дикарь не философствует о явлениях; просвещенный ученик видит в них лишь взаимодействующие силы: однако и те, и другие могут быть глубоко религиозными. Мораль также не может быть принята в качестве критерия религий. Кровавые сцены в мексиканском теокалли были милосердны по сравнению с теми, что происходили в пыточных камерах инквизиции. И все же религия Иисуса была намного выше религии Уицилопочтли.

То, что я считаю сутью, принципом жизнеспособности в религии, и во всех религиях, - это *их предполагаемый контроль над судьбой человека*, его благом или горем, его хорошим или плохим состоянием здесь или после, каким бы оно ни было. Бесконечно глубоко укоренившись в чувстве личности, религия была признана в начале и будет признана в конце как единственный нерушимый союзник в борьбе за индивидуальное существование. В глубине души все молитвы направлены на сохранение, бремя всех литаний - это мольба о Жизни.

Этой цели, этих благ добивались культы всего мира с помощью одной из двух теорий.

Та, которая характеризует самые ранние и грубые религии, учит, что человек избегает опасностей и обеспечивает безопасность, совершая определенные действия или избегая их. Он может верить в тот или иной миф, он может поклоняться одному или многим богам; это неважно; но он не должен нарушать аскезу или священный танец, он не должен прикасаться к тому, что является *табу*, иначе он в опасности. Жизнь этих культов - это Действие, их выражение - Обряд.

Высшие религии признают неэффективность простого Действия. Они основывают свои притязания на вере. Они устанавливают догмы, ментальное принятие которых - единственное, что необходимо. У них мифология переходит в теологию; действие измеряется его мотивом, формула - верой, стоящей за ним. Их жизнь - это Символ веры.

Миф находит энергичный и благоприятный рост только в первой из этих форм. Только там воображение верующего свободно, только там оно не сковано уже определенным символом.

Для изучающего религии Миф представляет интерес не как инфантильная попытка философствовать, а поскольку он иллюстрирует интимные и непосредственные отношения, которые религия, в которой он вырос, имела к индивидуальной жизни. Рассмотренная таким образом, она раскрывает неизбежные судьбы людей и наций, связанные с их формами поклонения.

Эти общие соображения, как мне представляется, необходимы для правильного понимания исследования, которое я собираюсь провести. Она касается некоторых религий, которые были развиты на американском континенте до его открытия. Моя цель - представить на их основе серию мифов, удивительно схожих по своим чертам, и посмотреть, можно ли найти им какое-нибудь простое и общее объяснение.

Процессы мифотворчества среди американских племен были во многом такими же, как и в других местах. Сейчас они слишком общеизвестны, чтобы нуждаться в описании здесь, за исключением нескольких, которые я нашел особенно заметными.

В основе всех мифов лежит ментальный процесс *персонификации*, который находит выражение в риторической фигуре *просопопеи*. Определение этого, однако, должно быть расширено от простого представления неодушевленных вещей как одушевленных, чтобы включить также представление иррациональных существ как рациональных, как в "мифах о животных", наиболее распространенной форме религиозной истории среди первобытных людей.

Некоторые языки предпочитают эти формы персонификации гораздо больше, чем другие, и большинство американских языков делают это заметно благодаря широким грамматическим различиям, которые они проводят между одушевленными и неодушевленными объектами, и эти различия неизменно должны соблюдаться. Они не могут сказать "лодка движется", не уточнив, является ли лодка одушевленным объектом или нет, или же ее следует считать одушевленной в риторических целях во время выступления.

Звуки слов оказали большую помощь в создании мифов. Имена и словосочетания, в чем-то схожие по звучанию, *паронимы*, как их называют грамматикки, могут быть приняты или ошибочно приняты одно за другое. Опять же, многие мифы проистекают из *омонимии*, то есть одинаковости звучания слов при различии в значении. Таким образом, *коатльна* языке ацтеков - это слово, часто встречающееся в именах божеств. Оно имеет три совершенно разных значения, а именно: змея, гость и близнецы. Итак, что бы из этого ни подразумевалось изначально, последующие поколения наверняка в большей или меньшей степени неправильно поняли бы его, и возникли бы мифы, объясняющие несколько возможных интерпретаций этого слова - что, как мы видим, на самом деле и имело место.

С этим тесно связано то, что было названо *отозом*. Это замена знакомого слова на архаичное или иностранное, имеющее похожее звучание, но совершенно иное значение. Это очень распространенное явление, которое легко приводит к мифотворчеству. Например, недалеко от Чаттануги есть пещера, которая у индейцев чероки называется Ник-а-джак. Белые поселенцы превратили его в Негра Джека и подготовили рассказ о каком-то беглом рабе, чтобы объяснить это прозвище. Оно также может встречаться на том же языке. На алгонкинском диалекте *мисси вабу* означает "великий свет зари"; а обычного крупного кролика называли *миссабо*; в какой-то период точное значение первых слов было утрачено, и множество интересных мифов о

рассвете были перенесены на предполагаемого огромного кролика! Редко можно встретить более яркий пример того, как ухудшение языка влияет на мифологию.

Ацтлан, мифическая земля, откуда, как говорили, пришли племена, говорящие на языке ацтеков, и от которой они получили свое название, означает "место белизны"; но это слово было похоже на *ацтатлан*, что означало бы "место цапель", некое место, где эти птицы любили собираться, от *ацтатль*, цапля, и в последующие века это последнее, как более простое и конкретное значение, стало преобладать и было принято создателями мифов.

Полиономия - еще одна процедура, часто встречающаяся в этих мифах. У божества есть несколько или много титулов; тот или иной из них становится заметным и, в конце концов, заслоняет в конкретном мифе или местности первоначальную личность героя сказки. В Америке это наиболее очевидно в Перу.

Сродни этому то, что профессор . Макс Мюллер назвал *генотеизмом*. В этом ментальном процессе один бог или одна форма бога возвышается над всеми остальными и даже обращается к нему как к единственному, абсолютному и верховному божеству. Подобные выражения не следует толковать буквально как свидетельства монотеизма, просто в тот конкретный момент разум верующего был настолько наполнен силой и величием божества, к которому он взывал, что он применял к нему эти превосходные степени, как к великому правителю. На следующий день он мог бы применить их к другому божеству без всякого лицемерия или чувства логического противоречия. Примеры этого распространены в молитвах ацтеков, которые сохранились.

Одна трудность, встречающаяся в арийской мифологии, чрезвычайно редка в Америке, а именно принятие иностранных имен. Имя собственное, не имеющее определенного конкретного значения в языке людей, которые его использовали, почти не имеет аналогов в красной расе. Слово без значения было чем-то совершенно чуждым их образу мышления. Один из наших самых выдающихся учеников[2] справедливо сказал: "Каждый индийский синтез - не исключая имен людей и мест - должен сохранять осознание своих корней и должен не только иметь значение, но и быть составлен таким образом, чтобы с точностью передавать это значение всем, кто говорит на языке, к которому он принадлежит". Следовательно, имена их божеств почти всегда можно интерпретировать, хотя по приведенным выше причинам наиболее очевидная и актуальная интерпретация не во всех случаях является правильной.

Поскольку иностранные имена не были приняты, мифология одного племени очень редко влияла на мифологию другого. Как правило, все религии были племенными или национальными, и у их приверженцев не было желания распространять их. Среди красной расы было мало прозелитического духа. Можно указать на некоторые исключения из этого утверждения в монархиях ацтеков и Перу. Некоторые заимствования, по-видимому, были сделаны либо майя, либо у них самих; и миф о героях ирокезов имеет так много черт мифа об алгонкинах, что трудно поверить, что он существовал полностью независимо от него. Но в целом идентичности, часто встречающиеся в американских мифах, более справедливо приписываются сходству окружения и впечатлений, чем какой-либо другой причине.

Разнообразие и запутанности американской мифологии в значительной степени способствовало то восхищение, которое более развитые нации испытывали от риторических фигур, метафор и сравнений, а также от выражений усиления и гиперболы. Те, кто воображает,

что в этих языках было мало ресурсов или что их конкретная форма запечатлелась в сознании в результате изучения абстрактного, говорят без знания. Достаточно взглянуть на неисчерпаемую синонимию ацтекского языка, как она изложена Олмосом или Саагуном, или на его способность правильно передавать тонкости схоластической теологии, чтобы увидеть, насколько широко распространено любое подобное мнение. И то, что верно для ацтеков, в не меньшей степени верно для квичуа и других языков.

Я приведу пример, когда сам английский язык не дотягивает до тонкости кечуа в обращении с метафизическим принципом. *Кей* на кичуа выражает реальное бытие вещей, *essentia*; как, *рунап кайнин*, бытие человеческой расы, человечества абстрактно; но чтобы передать идею действительного бытия, *экзистенции* как объединенной с *сущностью*, мы должны добавить приставку *каска*н, и, таким образом, имеем *рунап-каска-кайнин*, что строго означает "сущность бытия вообще, как существующая в человечестве". [3] Я сомневаюсь, что сам диалект немецкой метафизики, после всей его разработки, мог бы в равной степени дать термин для этой концепции. Более того, в квичуа в этом примере нет ничего натянутого и иностранного; он совершенно чист и находится в полном согласии с гениальностью языка.

Я прилагаю некоторые усилия, чтобы подчеркнуть этот факт, поскольку он важен для оценки религиозных идей расы. Мы не должны думать, что у нас есть основания для скептицизма, если время от времени сталкиваемся с некоторыми из них, которые поражают нас своей тонкостью. Это вполне соответствует психологии и языкам расы, которую мы изучаем.

Тем не менее, по всей Америке, как и в большинстве других частей света, преподавание религиозных догматов было двояким: одно было популярным, другое - для посвященных, эзотерической и экзотерической доктриной. Усердно культивировалось различие в диалекте, своего рода "священный язык" использовался для сокрытия тайн веры. Некоторые лингвисты считают, что эти диалекты являются архаичными формами языка, память о которых сохранялась в церемониальных обрядах; другие утверждают, что они были просто аффектацией выражения и образуют своего рода сленг, основанный на повседневном языке и распространенный среди посвященных. Я склоняюсь к последнему, как к правильному мнению, во многих случаях.

Как бы там ни было, такой священный диалект встречается почти у всех племен. Есть фрагменты этого языка у культурных народов Мексики, Юкатана и Перу; а на другом конце шкалы мы можем привести пример гуайми из Дариена, голых дикарей, но чьи "блюстители закона", как нам говорят, преподавали "доктрины своей религии на особом наречии, изобретенном специально для этой цели и сильно отличающемся от обычного языка". [4]

Это становится дополнительной трудностью при анализе мифов, поскольку имена божеств и местностей не только были выражены в высшей степени метафорично, но иногда они были затемнены искусственным произношением, придуманным для сокрытия их точного происхождения.

У коренных племен этого континента было много мифов, и среди них был один, который был настолько заметным и повторялся с такими странно похожими чертами в отдаленных друг от друга местностях, что он годами привлекал мое внимание, и я был вынужден представить его так, как это происходит у нескольких народов, удаленных друг от друга как географически, так и с точки зрения культуры. Этот миф повествует о национальном герое, их мифическом цивилизаторе и учителе племени, которого в то же время часто отождествляли с верховным

божеством и творцом мира. Это фундаментальный миф очень большого числа американских племен, и от его признания и интерпретации зависит правильное понимание большей части их мифологии и религиозной жизни.

В общих чертах эта легенда сводится к тому, что в какое-то чрезвычайно отдаленное время это божество принимало активное участие в сотворении мира и в приспособлении его для обитания человека, и, возможно, само сформировало или призвало расу. Во всяком случае, его интерес к ее развитию был таков, что он лично появился среди предков нации и научил их полезным искусствам, дал им кукурузу или другие пищевые растения, посвятил их в тайны их религиозных обрядов, сформулировал законы, которые регулировали их социальные отношения, и, направив их таким образом на путь саморазвития, он покинул их, не претерпев смерти, но каким-то образом исчезнув из поля их зрения. Поэтому почти все ожидали, что когда-нибудь он вернется.

Обстоятельства, сопровождавшие рождение этих богов-героев, имеют большое сходство. Как правило, каждый из них является близнецом или одним из четырех братьев, рожденных одновременно; как правило, ценой жизни их матери, которая является девственницей или, по крайней мере, никогда не была оплодотворена смертным мужчиной. Герой склонен вступать в конфликт со своим братом или одним из своих братьев, и получившаяся в результате долгая и отчаянная борьба, в результате которой вселенная часто подвергалась повторяющимся разрушениям, составляет одну из ведущих тем мифотворцев. Поединок обычно не происходит - я полагаю, вообще не происходит, когда мы можем добраться до подлинной исконной формы мифа - между морально добрым и злым духом, хотя, несомненно, один более дружелюбен и благоприятствует благополучию человека, чем другой.

Лучший из двух, истинный герой-бог, в конце концов торжествует, хотя национальный темперамент по-разному представлял это. Во всяком случае, он не покинул свой народ, и хотя он отсутствует и, возможно, на некоторое время изгнан своим могущественным противником, он обязательно рано или поздно вернется.

Место его рождения почти всегда находится на Востоке; оттуда он впервые пришел, когда появился как человек среди людей; туда он вернулся, когда исчез; и там он все еще живет, ожидая назначенного времени для своего повторного появления.

Всякий раз, когда описывается личная внешность этого бога-героя, она, как ни странно, представляется представителем белой расы, человеком светлого цвета лица, с длинной ниспадающей бородой, с густыми волосами и одетым в просторные одежды свободного покроя. Этот экстраординарный факт, естественно, наводит на серьезные подозрения, что эти истории были выдуманы после того, как белые достигли берегов Америки, и почти все историки по этому поводу категорически отвергли их подлинность. Но самое тщательное изучение их источников положительно опровергает это мнение. Существуют неопровержимые доказательства того, что эти мифы и этот идеал бога-героя были хорошо известны и широко распространены в Америке задолго до того, как кто-либо из миллионов ее жителей когда-либо видел белого человека. Нет никаких трудностей и в объяснении этого, если мы избавим эти фигуры от причудливых одеяний, в которые их облачило религиозное воображение, и узнаем, на каких явлениях они основаны, и какие физические процессы, истории которых они воплощают. Чтобы показать это, я предложу в самых кратких выражениях свою интерпретацию их основных деталей.

Самая важная из всех вещей в жизни - это *Свет*. Первобытный дикарь чувствовал это и, олицетворяя это, сделал Свет своим главным богом. Начало дня служило, по аналогии, началом мира. Свет приходит раньше солнца, порождает его, так сказать, творит его. Следовательно, Бог Света - это не Бог Солнца, а его Предшественник и Творец.

Свет появляется на Востоке и, таким образом, определяет эту кардинальную точку, а по ней расположены остальные. Эти точки, как незаменимые ориентиры для кочующих орд, с древнейших времен стали персонифицироваться как важные божества и отождествлялись с ветрами, которые дули от них, как боги ветра и дождя. Это объясняет четырех братьев, которые были не чем иным, как четырьмя сторонами света, а их мать, которая умирает, производя их на свет, - это восточный свет, который вскоре теряется в наступающем дне. Восток, как их лидер, также считался повелителем ветров и, следовательно, богом воздуха и дождя. Поскольку Восток и Запад более непосредственно связаны с приходом и уходом света, они являются близнецами, один из которых посылает великолепное дневное светило, которое другой подстерегает, чтобы завоевать. И все же бог света не убит. Солнце взойдет снова в неумещающей славе, и он жив, хотя и отсутствует.

С помощью зрения и света мы видим и учимся. Следовательно, нет ничего более естественного, чем приписывать богу света ранний прогресс в искусстве домашней и общественной жизни. Таким образом, свет стал персонифицироваться как воплощение культуры и знаний, мудрости, а также мира и процветания, которые необходимы для роста знаний.

Светлый цвет лица этих героев - не что иное, как отсылка к белому свету утренней зари. Их пышные волосы и борода - это солнечные лучи, исходящие от его сияющего лица. Их свободные и просторные одежды символизируют окутывание небосвода светом и ветрами.

Эта интерпретация не является сколько-нибудь натянутой, а просто является той, которая в арийской мифологии сейчас общепринята для подобных мифологических творений. Так, в греческих Фебе и Персее, в тевтонском Лифе и в норвежском Бальдре мы также имеем благодетельных богов-героев, отличающихся светлым цветом лица и пышными золотистыми локонами. "Как среди темных, так и среди светлых рас, среди тех, кто отмечен черными волосами и темными глазами, они демонстрируют один и тот же неизменный тип голубоглазых героев, чьи золотые локоны ниспадают на плечи, а лица сияют, как в свете только что взшедшего солнца".[5]

И повсюду история этих героев - это история борьбы с каким-нибудь могущественным врагом, каким-нибудь темным демоном или драконом, но так же часто и с кем-нибудь из членов их собственной семьи, братом или отцом.

Отождествление Бога Света с божеством ветров также прослеживается в арийской мифологии. Гермес для греков был изобретателем алфавита, музыки, выращивания олив, мер и весов и других гуманных искусств. Он также был посланником богов, другими словами, бризом, ветрами, воздухом в движении. Его имя Гермес, Гермейас, является всего лишь транслитерацией санскритского Сарамеяс, под которым он появляется в ведических песнях как сын Сарамы, Зари. Даже его образ мастера-вора и святого-покровителя легкомысленной знати, почерпнутый из того, как ветры проникают в каждую щель дома, полностью повторен в образе мексиканского бога-героя Кецалькоатля, который также был покровителем воров. Я мог бы продолжить сравнение еще дальше, поскольку Сарамеяс происходит от корня *sar*, "ползать",

откуда *серпо*, змей, ползучий, так что имя Кецалькоатль можно точно перевести как "чудесный змей". В названии, истории и функциях сохраняется параллелизм во всем.

Или мы можем найти другой знакомый миф, частично арийский, частично семитский, в котором присутствуют многие из тех же очертаний. Аргивяне-фиванцы приписывали Кадму основание своего города и государства. Он собрал их предков в общину, дал им законы, изобрел алфавит из шестнадцати букв, научил их искусству выплавки металлов, основал оракулов и ввел поклонение Дионисию, или принципу воспроизводства. Впоследствии он покинул их и некоторое время жил с другими народами, и в конце концов не умер, а был превращен в дракона и перенесен Зевсом в Элизион.

Родина этого культурного героя находилась где-то далеко на востоке Греции, где-то в "пурпурной стране" (Финикия); его матерью была "далекая сверкающая" (Телефасса); он был одним из четырех детей, а его сестрой была Европа, Заря, которую Зевс схватил и унес на запад в образе белого быка. Кадм пытается вернуть ее и отправляется в путь, следуя за движением солнца на запад. "Не может быть покоя, пока потерянная не будет найдена снова. Солнце должно двигаться на запад, пока оно снова не увидит прекрасные оттенки, которые радовали его взор утром".^[6] Поэтому Кадм покидает пурпурную страну, чтобы продолжить свои поиски. Это труд и борьба. Ему приходится сражаться с драконьим потомством Ареса и бандами вооруженных людей, которые появляются из посеянных зубов дракона, то есть из облаков и мрака затянутого тучами неба. Он побеждает и получает награду, но не возвращает свою сестру.

Когда мы обнаруживаем, что имя Кадм - это просто семитское слово *кедем*, восток, и обращаем внимание на весь этот мифический антураж, мы видим, что эта легенда - всего лишь слегка завуалированный рассказ о местном источнике и распространении дневного света, а также о преимуществах, которые люди извлекают из него. Кадм принес буквы алфавита с востока в Грецию по той же причине, по которой в древнем мифе майя Ицамна, "сын матери утра", принес иероглифы письменности майя также с востока на Юкатан - потому что и те, и другие представляют свет, при помощи которого мы видим и учимся.

Египетская мифология предлагает не меньше аналогий в поддержку такой интерпретации американских мифов, чем истории об арийских богах.

Небесный свет оплодотворяет деву, от которой рождается бог солнца, чья жизнь - это долгое состязание со своим братом-близнецом. Последний побеждает, но его победа преходяща, ибо свет, хотя и побежден и изгнан тьмой, не может быть убит и обязательно вернется с рассветом, к великой радости сынов человеческих. Эту историю египтяне с удовольствием повторяли под бесчисленными масками. Основа и смысл одни и те же, независимо от того, являются ли действующие лица Осирисом, Исидой и Сетом, Птахом, Хапи и Девственной Королевой или многими другими действующими лицами этой драмы. Там тоже, среди коричневой расы людей, бог света считался человеком не их собственного оттенка, а "светлого цвета, белого или желтого", с миловидным лицом, яркими глазами и золотистыми волосами. И снова именно он изобрел календарь, обучил искусствам, установил ритуалы, раскрыл лечебные свойства растений, рекомендовал мир и снова был назван одним из братьев сторон света.^[7]

История о деве-матери указывает в Америке, как и в старом свете, на представление о заре, порождающей солнце. Это был один из самых распространенных мифов на обоих континентах,

и в период развития человеческой мысли, когда чудеса считались частью порядка вещей, в это было нетрудно поверить. У перуанцев, например, были большие заведения, где в строгом уединении содержались "девы солнца". Если кто-то из них нарушал свой обет целомудрия, она и ее товарищ-преступник немедленно предавались смерти; но если она утверждала, что ребенок, которого она родила, имел божественное происхождение, и обратное не могло быть доказано, то ее чествовали как королеву, а плод ее чрева причисляли к принцам, как сына солнца. Так, в надписи в Фивах, в храме богини-девственницы Мат, мы читаем, где она говорит о себе: "Одежды моей никто не поднимал; плод, который я принесла, был порожден солнцем".[8]

Я не возьму на себя смелость сказать, что было бы легко провести параллель между каждым событием в этих американских мифах о героях, каждой чертой характера персонажей, которых они представляют, и другими, взятыми из арийских и египетских легенд, давно знакомых студентам, и которые теперь полностью признаны не имеющими ничего общего с историей, а чистыми творениями религиозного воображения, воздействующего на природные процессы, связанные с надеждами и страхами людей.

Если это так, то не пора ли нам раз и навсегда выбросить эти американские мифы из сферы исторических традиций? Зачем нам пытаться сделать царя Ицамны, просвещенного правителя Кецалькоатля, культурной нации тольтеков, когда есть неопровержимые доказательства того, что все это - абсолютно беспочвенный вымысел мифологии? Далее следует понимать, что тот, кто использует эти имена в историческом смысле, выдает незнание предмета, которым он занимается, что, будь это в более известной области арийских или египетских знаний, сразу же обличило бы его в том, что он не заслуживает звания ученого.

В европейской истории прошли те времена, когда было допустимо создавать примитивные хроники на основе сказок и природных мифов. Наука сравнительной мифологии придала этим почтенным историям иную, хотя и не менее благородную интерпретацию. Сколько еще мы должны ждать, чтобы увидеть те же каноны критики, примененные к продуктам религиозной фантазии красной расы?

Более того, если будет показано, что мифы американских народов поддаются последовательной интерпретации с помощью принципов сравнительной мифологии, пусть будет признано, что их нельзя отбрасывать ни потому, что они напоминают некоторые из тех, что были знакомы их европейским завоевателям, ни потому, что это сходство не означает, что они исторически произошли один от другого. Каждый из них представляет собой независимый рост, но поскольку каждый из них является отражением общей психической природы одних и тех же явлений, для их передачи были приняты одни и те же формы выражения.

[Сноска 1: Полагаю, я не зайду слишком далеко, сказав "все согласны"; поскольку я думаю, что последнее исследование этого предмета, проведенное Густавом Роскоффом, развеивает сомнения сэра Джона Лаббока, а также грубые высказывания автора книги "*Крафт и Стофф*" и подобных компиляций. Gustav Roskoff, *Das Religionswesen der Rohesten Naturvölker*, Leipzig, 1880.]

[Сноска 2: Дж. Хаммонд Трамбулл, *О составе индийских географических названий*, стр. 3 (Хартфорд, 1870).]

[Footnote 3: "El ser existente de hombre, que es el modo de estar el primer ser que es la essentia que en Dios y los Angeles y el hombre es modo personal." Diego Gonzalez Holguin, *Vocabulario de la Lengua Qqichua, o del Inca; sub voce, Cay*. (Ciudad de los Reyes, 1608.)]

[Footnote 4: Franco, *Noticia de los Indios Guaymies y de sus Costumbres*, p. 20, in Pinart, *Coleccion de Linguistica y Etnografia Americana*. Том. iv.]

[Сноска 5: Сэр Джордж У. Кокс, *Введение в науку сравнительной мифологии и фольклора*, стр. 17.]

[Сноска 6: сэр Джордж У. Кокс, *Там же.*, стр. 76.]

[Сноска 7: См. д-р К.П. Тиле, *История египетской религии*, стр. 93, 95, 99 и др.]

[Сноска 8: "Τον ερον χιτωνα ουδεις απεχαλυφεν ον εγω χαρπον ετεχαν, ηλιος εγενετο." (Греч.: тонна chitona Имон apechaluphen oudeis на charpon эго etechan, aelios egeneto.)]" Прокла, которого цитирует теле, уби suprá, стр. 204, прим.]

ГЛАВА II.

БОГИ-ГЕРОИ АЛГОНКИНОВ И ИРОКЕЗОВ.

§1. Алгонкинский миф о Мичабо.

МИФ О ГИГАНТСКОМ КРОЛИКЕ-КРОЛИК СОЗДАЕТ МИР-ОН ЖЕНИТСЯ НА ОНДАТРЕ-СТАНОВИТСЯ ОТЦОМ ВСЕГО СУЩЕГО-ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИЧАБО-ИЗ ВАДЖАШКА, ОНДАТРЫ-ОБЪЯСНЕНИЕ МИФА-БОГ СВЕТА КАК БОГ ВОСТОКА-ЧЕТЫРЕ БОЖЕСТВЕННЫХ БРАТА-МИФ О ХУАРОЧИРИСАХ-СОЗДАТЕЛИ ДНЯ-СОСТЯЗАНИЯ МИЧАБО Со СВОИМ ОТЦОМ И БРАТОМ-ОБЪЯСНЕНИЕ ЭТОГО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ КРЕМНЕВЫЙ КАМЕНЬ-МИЧАБО УНИЧТОЖАЕТ КОРОЛЯ ЗМЕЙ-ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО МИФА-ОТНОШЕНИЯ БОГА СВЕТА И ВЕТРА - БОГ - МИЧАБО КАК БОГ ВОД И ПЛОДОРОДИЯ - ПРЕДСТАВЛЕН В ВИДЕ БОРОДАТОГО МУЖЧИНЫ.

§2. Ирокезский миф об Иоскехе.

СОТВОРЕНИЕ ЗЕМЛИ -ЧУДЕСНОЕ РОЖДЕНИЕ ИОСКЕХА-ОН ПОБЕЖДАЕТ СВОЕГО БРАТА ТАВИСКАРУ-СОЗДАЕТ И УЧИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО-ПОСЕЩАЕТ СВОЙ НАРОД-ЕГО БАБУШКА АТЕНСИК-ИОСКЕХА КАК ОТЕЦ СВОЕЙ МАТЕРИ-СХОЖИЕ КОНЦЕПЦИИ В ЕГИПЕТСКИХ МИФАХ-ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИОСКЕХА И АТЕНСИК-ИОСКЕХА КАК ТАРОНХИАВАКОН, СТОРОННИК НЕБА-ИДЕНТИФИЦИРОВАН ЕГО БРАТ ТАВИСКАРА ИЛИ ТЕХОТЕННХИАРОН-СХОДСТВО С МИФАМИ АЛГОНКИНОВ.

Почти вся эта обширная территория, лежащая между Гудзоновым заливом и рекой Саванна, а также рекой Миссисипи и Атлантическим побережьем, была заселена в эпоху открытия представителями двух языковых семей - алгонкинами и ирокезами. Они находились примерно на одном уровне культуры, но сильно различались по темпераменту и радикально по языку. И все же их религиозные представления не отличались.

§1. Алгонкинский миф о Мичабо.

Среди всех племен алгонкинов, мифы которых сохранились, мы находим много рассказов о некоем Гигантском кролике, которому приписывались всевозможные способности. Он был

повелителем всех животных; он был учителем, который первым обучил людей искусству рыбной ловли и охоты; он посвятил алгонкинов в тайны их религиозных обрядов; он научил их рисованию картинками и толкованию снов; более того, он был изначальным предком не только их нации, но и всей человеческой расы, и, фактически, был не кем иным, как самим изначальным Творцом, создавшим землю и давшим жизнь всему, что на ней есть.

Услышав все это о таком неблагородном и слабом животном, как кролик, неудивительно, что первые миссионеры и путешественники говорили о подобных баснях с нескрываемым презрением и никогда не упоминали о них без оправдания за то, что они фиксируют столь явные банальности.

И все же мне кажется, что под этими, казалось бы, слабыми историями скрывалась глубокая правда, понимание которой было в значительной степени утрачено самими туземцами, но можно показать, что по своему происхождению она была благородным мифом, излагающим в не лишенных достоинства образах непрерывный и могучий ритм природы в смене дня и ночи, лета и зимы, бури и солнечного сияния.

Я процитирую несколько из этих историй, рассказанных древними авторитетами, не добавляя ничего, чтобы смягчить их грубую простоту, а затем посмотрю, не дает ли эта бесперспективная руда, подвергнутая лингвистическому анализу, чистого золота подлинной мифологии.

Начало всего, согласно оттавам и другим северным алгонкинам, было в период, когда бескрайние воды покрывали лицо земли. По этому бесконечному океану плыл плот, на котором обитало множество видов животных, капитаном и вождем которых был Мичабо, Гигантский Кролик. Они страстно желали земли, на которой могли бы жить, поэтому этот могучий кролик приказал бобру нырнуть и вытащить ему совсем маленький кусочек грязи. Бобр повиновался и долго оставался внизу, даже так, что вынырнул совершенно обессиленный, но доложил, что не достиг дна. Затем Кролик послал вниз выдру, но и она вернулась почти мертвой и безуспешно. Велико было разочарование компании на плоту, ибо кто был у них лучшим ныряльщиком, чем бобр и выдра?

В разгар их отчаяния (самка) выхуоли вышла вперед и объявила о своей готовности предпринять попытку. Ее предложение было воспринято с насмешкой, но поскольку в чрезвычайной ситуации плохая помощь лучше, чем ее отсутствие, Кролик дал ей разрешение, и она нырнула вниз. Она тоже оставалась там долго, очень долго, целый день и ночь, и они сочли ее погибшей. Но в конце концов она всплыла на поверхность, без сознания, кверху брюхом, как мертвая. Они поспешно втащили ее на плот и осмотрели одну за другой лапы. В последней из четырех они нашли маленькое пятнышко грязи. Победа! Этого было достаточно. Выхуоль вскоре была восстановлена, и Гигантский Кролик, применив свою творческую силу, сформировал маленький кусочек почвы, и по мере того, как он формировал его, он рос и разрастался, превратившись в остров, в гору, в страну, в эту великую землю, на которой мы все обитаем. Пока он рос, Кролик ходил вокруг него, чтобы посмотреть, какой он большой; и история добавляла, что он все еще не удовлетворен; все еще он продолжает свое путешествие и свой труд, вечно обходя землю и увеличивая ее все больше и больше.

Животные на плоту вскоре нашли пристанище на новой земле. Но она еще не была покрыта лесами, а люди еще не родились. Гигантский кролик сформировал деревья, пуская свои стрелы в почву, которая превратилась в стволы деревьев, и, пронзив их другими стрелами, они

превратились в ветви; а что касается людей, некоторые говорили, что он сформировал их из мертвых тел определенных животных, которые со временем стали "тотемами" племен алгонкинов; но другая и, вероятно, более древняя и правдивая история заключалась в том, что он женился на ондатре, оказавшей ему такую услугу, и от этого союза родились предки различных рас человечества, населяющих землю.

Не пренебрегал он и детьми, которых таким образом привел в созданный им мир. Внимательно изучив, как паук раскидывает свою паутину, чтобы ловить мух, он изобрел искусство вязания сетей для ловли рыбы и научил этому своих потомков; кусочки самородной меди, найденные на берегах озера Верхнее, он взял из своей сокровищницы внутри земли, где он иногда живет. Именно он является Хозяином Жизни, и если он является во сне человеку, находящемуся в опасности, это верный признак счастливого спасения. Он дарует удачу в охоте, и поэтому охотники взывают к нему и предлагают табак и другие лакомства, кладя их в расщелины скал или на отдельные валуны. Хотя его называют Гигантским Кроликом, о нем всегда говорят как о человеке, возможно, великане или полубоге, но явно как о человеке по своей природе, могучем отце или старшем брате расы.^[1]

Таков национальный миф о сотворении мира племенами алгонкин, как он был передан нам во фрагментах теми, кто впервые услышал его. Имеет ли он какое-либо значение? Неужели это нечто большее, чем ребяческая басня дикарей?

Давайте посмотрим, не исказили ли некоторые из тех бессознательных речевых приемов, о которых я упоминал во вводной главе, истинный миф о природе. Возможно, эти общие процессы языка, персонификации и отозиса, должным образом принятые во внимание, позволят нам вернуть этому повествованию его первоначальный смысл.

На языке алгонкинов слово, обозначающее гигантского кролика, - *Missabos*, образованное от *митчи* или *мисси*, большой, и *вабос*, кролик. Но существует целый класс родственных слов, обозначающих совершенно разные восприятия, которые звучат очень похоже на *wabos*. Они происходят от общего корня *ваб*, который образует такие слова с родственным значением, как *ваби*, он видит, *вабан*, восток, *вабиш*, белый, *бидабан* (*бид-вабан*), рассвет, *вабан*, дневной свет, *вассейя*, свет и многие другие. Вот где мы должны искать истинное значение названия *Миссабос*. Первоначально оно означало Великий Свет, Могущественного Провидца, Восток, Зарю - которые, как вам будет угодно, все отчетливо относят к единой изначальной идее, Несущей Свет и Зрение, знание и жизнь. Со временем это значение стало затемняться, и идея кролика, чье название, вероятно, произошло от того же корня, поскольку северными зимами его мех становится белым, была заменена, и таким образом миф о свете вырожден в басню о животных.

Я полагаю, что подобный анализ объяснит ту роль, которую ондатра играет в этой истории. Именно она поднимает пылинку со дна первобытного океана, и из этой пылинки тот, кого мы сейчас видим, был Владыкой Света и Дня, сформировал мир, и впоследствии она становится матерью его сыновей. Слово, обозначающее ондатру на алгонкинском языке, - *wajashk*, первая буква которого часто пропускается, как в *nin nod-ajashkwe*, "Я охочусь на ондатру". Но это почти слово, обозначающее грязь, мокрую землю, грунт, *аджишки*. Нет никаких разумных сомнений, но и здесь снова вступили в действие отозис и персонификация, которые придали форму и название животного первоначальному простому утверждению.

Это утверждение состояло в том, что из влажной грязи, высушенной солнечным светом, образовалась твердая земля; и снова, что эта влажная почва была согрета и удобрена солнечным светом, так что из нее зародилась органическая жизнь, даже сам человек, который во многих мифологиях является "рожденным землей", *homo ab humo, homo chamaigenes*.^[2]

Итак, вот какую интерпретацию космогонического мифа об алгонкинах я могу предложить. Кто-нибудь возражает, что она слишком утонченна для этих грубых дикарей или что в ней слишком много воспоминаний об учениях старого света? Мой ответ заключается в том, что ни ранние путешественники, которые записали это, ни, вероятно, туземцы, которые рассказали им, не понимали его значения, и что оно никогда не было объяснено до тех пор, пока к нему здесь не подошли с помощью современных методов анализа. Следовательно, невозможно приписать ему что-либо иное, кроме коренного и спонтанного происхождения в какой-то отдаленный период истории племени алгонкинов.

После ночной тьмы человек впервые узнает о своем местонахождении по свету, загорающемуся на Востоке; блуждая, как и первобытный человек, по непроходимым лесам без проводника, Восток стал для него первой и наиболее важной из неподвижных точек пространства; рядом с ним были расположены Запад, Север, Юг; от него распространялся желанный рассвет; в нем родилось великолепное солнце; он был полон обещаний и наставлений; поэтому он стал для него домом богов жизни, света и мудрости.

Поскольку четыре стороны света определяются фиксированными физическими отношениями, общими для человека повсюду, и тесно связаны с его повседневными движениями и благополучием, они стали выдающимися фигурами почти во всех ранних мифах и персонифицировались как божества. Ветры были классифицированы как исходящие от них, и на многих языках названия сторон света совпадают с названиями ветров, которые дуют от них. Восток, однако, имеет преимущество по отношению к другим странам, поскольку это не только дом восточного ветра, но также света и зари. Следовательно, он достиг заметного преобладания в мифах; он был либо величайшим, мудрейшим и старейшим из четырех братьев, которые посредством персонификации представляли стороны света и четыре ветра, либо Бог Света был отделен от четверки и появляется как пятый персонаж, управляющий остальными четырьмя, и фактически являющийся верховным правителем как духовного, так и человеческого миров.

Таковы были ментальные процессы, происходившие в сознании алгонкинов, и породившие два цикла мифов, в одном из которых Вабун, или Мичабо, изображался как один из четырех братьев, чьи имена соответствуют сторонам света, а второй ставил его выше их всех.

Четыре брата - выдающиеся персонажи алгонкинских легенд, и мы обнаружим, что они с необычайной частотой встречаются в мифологии всех американских народов. Действительно, я мог бы легко указать на них также в ранних религиозных концепциях Египта и Индии, Греции и Китая и многих других стран старого света, но я оставляю эти сравнения для тех, кто желает рассмотреть принципы общей мифологии.

Согласно наиболее общепринятой легенде, эти четыре брата были четвероногими - родились в одно время, - и их мать умерла, производя их на свет. Разные племена дают им разные названия, но обычно они идентичны четырем сторонам света или чему-то, связанному с ними. Вабун - Восток, Кабун-Запад, Кабибонокка - Север и Шавано-Юг - таковы, на обычном языке

переводчиков, названия, применяемые к ним. Вабун был вождем и предводительницей и возлагал на своих братьев их различные обязанности, особенно по разгону ветров.

Это были примитивные и главные божества расы алгонкинов во всех частях территории, которую они населяли. Когда еще в 1610 году капитан Арголл посетил племена, которые тогда владели берегами реки Потомак, и поинтересовался их религией, они ответили: "Всего у нас пять богов; наш главный бог часто является нам в виде огромного зайца; остальные четыре не имеют видимой формы, но на самом деле являются четырьмя ветрами, которые поддерживают четыре стороны света".[3]

Здесь мы видим, что Вабун, Восток, отличался от Мичабо (*missi-wabun*), и естественным и прозрачным процессом, когда восточный свет был отделен от восточного ветра, первоначальное число четыре было увеличено до пяти. Точно такая же дифференциация произошла, как я покажу, в Мексике, в случае с Кецалькоатлем, как показано в его *Йоэле*, или Колесе Ветров, которое было его священной пентаграммой.

Или я еще раз проиллюстрирую это развитие событий на примере мифа индейцев уарочири с побережья Перу. Они рассказали, что в начале времен на горе Кондоркото было пять яиц. Со временем эти яйца раскрылись, и из них вышли пять соколов, которые были не кем иным, как Создателем всего сущего Париакакой и его братьями, четырьмя ветрами. С помощью своей магической силы они превратились в людей и странствовали по миру, творя чудеса, и со временем стали богами этого народа.[4]

Эти поразительные сходства показывают, с каким поразительным единообразием религиозное чувство развивается в местностях, наиболее удаленных друг от друга.

Возвращаясь к Мичабо, двойная природа, таким образом, назначила его Богом Света, а также Богом Ветров, штормов и дождей, которые они приносят, что привело к созданию двух циклов мифов, которые представляют его в этих двух разных аспектах. В едином он есть, как бог света, сила, побеждающая тьму, несущая тепло и солнечный свет на землю и знания людям. Он был покровителем охотников, поскольку они нуждаются в свете, чтобы направлять свой путь, и всегда должны ориентироваться по сторонам света.

Утренняя звезда, которая в определенное время года предвещает рассвет, была для него священной, и у оджибвеев она называется *Вабананг*, от *Вабан*, восток. Лучи света - это его слуги и посланники. Находясь на крайнем востоке, "в месте, где земля обрывается", наблюдая в своем врачебном домике или проводя время за рыбной ловлей в бескрайнем океане, который со всех сторон окружает землю, Мичабо посылает этих посланцев, которых в мифе называют *Гиджигуаи*, что означает "те, кто творит день", и они освещают мир. Он никогда не отождествлялся с солнцем, и не предполагалось, что он должен был пребывать в нем, но он явно олицетворяет свет.[5]

В одной из версий мифа он - внук Луны, его отец - Западный Ветер, а его мать, девушка, чудесным образом оплодотворенная попутным ветерком, умирает в момент его рождения. Но он не нуждался в заботе родителей, ибо родился могучим и со всеми знаниями, которых только возможно достичь.[6] Он немедленно напал на своего отца, и завязалась долгая и отчаянная борьба. "Это началось в горах. Запад был вынужден уступить. Его сын возил его по рекам, горам и озерам, и, наконец, он добрался до края мира. "Держись! - крикнул он. - Сын мой, ты знаешь

мою силу и то, что убить меня невозможно". Битва прекратилась, Запад признал превосходство своего могучего сына.^[7]

Едва ли возможно ошибиться, распознав под этой тонкой завесой образов описание повседневной борьбы между светом и тьмой, днем и ночью. Дева - это заря, из девственного лона которой восходит солнце во всей полноте своей славы и могущества, но с его приходом сама заря исчезает и умирает. Битва длится весь день, начиная с того момента, как первые лучи позолотят вершины гор, и продолжается до тех пор, пока Запад не окажется на краю света. Как вечер предшествует утру, так и о Западе, фигурально выражаясь, можно сказать, что он оплодотворяет Рассвет.

В другой форме истории Запад был олицетворен как кремень и брат-близнец Мичабо. Вражда между ними была ожесточенной, а соперничество долгим и ужасным. Лицо земли было изрыто бороздами могучих сражающихся, и индейцы указывали на огромные валуны в прериях как на оружие, которым метали друг в друга разъяренные братья. Наконец Мичабо овладел своим собратом-близнецом и разломал его на куски. Он разбросал обломки по земле, и из них выросли плодоносящие лозы.

Миф, который, подобно этому, представляет кремневый камень как каким-то образом связанный с древними созидательными силами природы, встречается и в других местностях американского континента, очень удаленных от родины алгонкинов. В календаре ацтеков день и бог Текпатль, Кремень, занимал видное положение. Согласно их мифам, такой камень упал с небес в начале всего сущего и разбился на тысячу шестьсот осколков, каждый из которых стал богом. Хун-пик-ток, Восемь тысяч кремней, у майя и Тох у киче указывают на ту же ассоциацию.^[8]

Вероятно, ассоциация идей не была связана с кремнем как огнеупорным камнем, хотя тот факт, что кусок кремня, пораженный конкрецией пирита, испускает искру, не был чем-то неизвестным. Но кремень повсеместно использовался для изготовления наконечников стрел и копий. Вспышки света, молнии, все, что стремительно проносилось и наносило яростные удары, сравнивалось с летящей стрелой или свистящим копьём. Особенно это относилось к феномену молнии. Вера в то, что с каждым ударом грома с неба падает камень, отражена в нашем слове "молния", и даже несмотря на это, вульгаристы во многих странах указывают на определенные формы камней как происходящие из этого источника. Как освежающий дождь, сопровождающий порыв грома, вселяет новую жизнь в растительность и покрывает землю, иссушенную летней засухой, листьями и травой, так и утверждение в мифе о том, что осколки кремня выросли в плодоносящие лозы, является очевидной фигурой речи, которая изначально выражала оплодотворяющий эффект летних ливней.

В этом мифе Мичабо, Бог Света, был представлен туземному сознанию как все еще сражающийся с силами Тьмы, но уже не с ночной тьмой, а с тьмой тяжелых и мрачных облаков, которые заволакивают небо и закрывают дневной свет. Его оружие - молния и раскаты грома, и победа, которой он достигает, обращена на благо созданного им мира.

Это еще более четко изложено в мифе оджибвей. В нем говорится, что в древности жил могучий змей, царь всех змей, чей дом находился в Великих озерах. Увеличив уровень воды с помощью своей магической силы, он начал затоплять землю и угрожал ее полному затоплению. Затем Мичабо поднялся со своего ложа с восходом солнца, напал на огромную рептилию и убил ее

броском своего дротика. Он снял с него шкуру и, облачившись в этот трофей завоевания, прогнал всех остальных змей на юг.[9] Поскольку именно на юге, в стране оджибуэев, молнию в последний раз видят осенью, и поскольку алгонкины, как в своем языке, так и в пиктографии, привыкли уподоблять молнию в ее зигзагообразном ходе извилистому движению змеи,[10] метеорологический характер этого мифа очень очевиден.

Таким образом, мы видим, что Мичабо, бог-герой алгонкинов, был одновременно богом света и дня, ветров и дождей, а также создателем, наставником и наставницей человечества. Происхождение его имени безошибочно показывает, что самая ранняя форма, под которой он существовал в мифологии, была как бог света. Позже он стал более известен как бог ветров и бурь, герой небесной войны воздушных течений.

Это в точности то же самое изменение, которое мы можем проследить в ранних трансформациях арийской религии. Там также древний бог неба и света Дьяус, некогда общий для всех членов индоевропейской семьи, уступил место более активным божествам, Индре, Зевсу и Одину, божествам бури и ветра, которые, в конце концов, являются всего лишь другими аспектами древнего божества, и занял его место в религиозном смысле.[11] Для понимания ранней мифологии важно понять этот двойной характер и оценить, насколько естественно одно сливается с другим и возникает из него.

Почти во всех известных религиях *птица* считается символом неба, облаков и ветров. Поэтому неудивительно, что алгонкины считали птиц, особенно певчих, особо священными для Мичабо. Он был их отцом и защитником. Он сам посылал восточный ветер из своего дома с восходом солнца; но он назначил сову создавать северный ветер, который дует из царств тьмы и холода; в то время как тот, что дует с солнечного юга, посылается бабочкой.[12]

Таким образом, Мичабо иногда был богом света, иногда - ветров, а поскольку они приносят дождь, о нем также иногда говорили как о божестве вод. Говорили, что он вычерпал бассейны озер и построил водопады в реках, чтобы там были рыбные заповедники и бобровые плотины.[13]

В качестве учителя и наставницы именно он указал предкам индейцев на корни и растения, пригодные в пищу и имеющие лекарственную ценность; он дал им огонь и рекомендовал никогда не допускать, чтобы он полностью угасал в их деревнях; священные обряды того, что называется *медай* или обычным религиозным церемониалом, были определены и преподаны им; маис был его даром, а приятное искусство курения - его изобретением.[14]

Любопытное дополнение к этой истории было рассказано первым шведским поселенцам на реке Делавер племенем алгонкинов, населявшим ее берега. Они рассказали, что их различным искусствам домашней жизни и охоты давным-давно научил их один почтенный и красноречивый человек, который пришел к ним издалека и, проинструктировав их о том, что им было желательно знать, он отбыл не в другую область и не естественной смертью, а вознесшись на небо. Они добавили, что этот древний и благодетельный учитель *носил длинную бороду*. [15] Мы могли бы заподозрить, что об этой последней черте подумали после того, как увидели бородатых европейцев, если бы она не встречалась так часто в мифах по всему континенту и в произведениях искусства, созданных задолго до открытия, что ей следовало бы найти другое объяснение. Что это такое, я расскажу, когда перейду к более южным мифам, героями которых часто были "белые и бородатые мужчины с Востока".

§2. *Ирокезский миф об Иоскехе*. [16]

Самый древний миф ирокезов представляет эту землю покрытой водой, в которой обитали водные животные и чудовища глубин. Высоко над ним были небеса, населенные сверхъестественными существами. В определенное время одна из них, женщина по имени Атенсик, бросилась через разлом в небе и упала на землю. Что привело ее к этому поступку, было описано по-разному. Некоторые говорили, что это было сделано для того, чтобы вернуть ее собаку, которая провалилась, преследуя медведя. Другие рассказывали, что те, кто жил в верхнем мире, питались плодами определенного дерева; что мужу Атенсик, когда он был болен, приснилось, что для выздоровления ему нужно срубить это дерево; и что, когда Атенсик нанесла по нему удар своим каменным топором, дерево внезапно провалилось сквозь пол неба, и она бросилась вслед за ним.

Однако произошло событие, она упала с небес в первозданные воды. Там черепаха предложила ей свою широкую спину в качестве места отдыха, пока из небольшого количества грязи, принесенной ей лягушкой, бобром или каким-либо другим животным, она с помощью волшебной силы не образовала сухую землю, на которой могла жить.

В момент падения с неба она была беременна, и в положенный срок у нее родилась дочь, имя которой, к сожалению, в легенде не сохранилось. Эта дочь достигла зрелости и зачала, не видя мужчины, ибо ни один из них еще не был создан. Продуктом ее чрева были близнецы, и еще до рождения один из них выдал свою беспокойную и злую натуру, отказавшись родиться обычным способом, но настаивая на прорыве через родительский бок (или подмышку). Он так и сделал, но это стоило его матери жизни. Ее тело было похоронено, и из него выросли различные растения, которые потребовались новой земле, чтобы приспособить ее для обитания человека. Из ее головы выросла тыквенная лоза, из груди - кукуруза, из конечностей - бобы и другие полезные растения.

Тем временем два брата выросли. Одного звали Иоскеха. Он обошел землю, которая в то время была засушливой и безводной, и вызвал источники и озера, и образовал сверкающие ручьи и широкие реки. Но его брат, беспокойный Тавискара, тот, чье упрямство стало причиной смерти их матери, создал огромную лягушку, которая проглотила всю воду и оставила землю такой же сухой, как прежде. Куропатка сообщила об этом Иоскехе, и он немедленно отправился в страну своего брата, ибо они разделили землю между собой.

Вскоре он подошел к гигантской лягушке и, проткнув ей бок (или подмышку), снова пустил воду своим обычным путем. Затем дух его матери открыл Иоскехе, что Тавискара намеревался убить его путем предательства. Поэтому, когда братья встретились, что вскоре и произошло, было очевидно, что вот-вот начнется смертельная схватка.

Так вот, они были не людьми, а богами, которых на самом деле невозможно было убить, и даже казалось, что их обоих нельзя было убить, кроме как с помощью одного особого вещества, секрета, который каждый хранил сам. Поскольку, следовательно, состязание с обычным оружием было бы тщетным и бесполезным, они договорились рассказать друг другу, что для каждого было роковым орудием войны. Иоскеха признал, что для него ветка дикой розы (или, по другой версии, мешок, наполненный кукурузой) была опаснее всего остального; а Тавискара рассказал, что только рог оленя может достать до жизненно важной части его тела.

Они прекратили состязания, и Тавискара, воспользовавшись первым удобным случаем, яростно набросился на своего брата с веткой дикой розы и бил его до тех пор, пока тот не лег как мертвый; но, быстро придя в себя, Иоскеха набросился на Тавискару с оленьим рогом и нанес ему удар в бок, отчего из раны ручьями потекла кровь. Незадачливый воин бежал с поля боя, спеша на запад, и пока он бежал, капли его крови, упавшие на землю, превратились в кремневые камешки. Иоскеха не пощадил его, но, поспешив за ним, в конце концов убил его. Однако на самом деле он не убил его, потому что, как я уже сказал, это были существа, которые не могли умереть; и, фактически, Тавискара был просто изгнан с земли и вынужден жить на дальнем западе, где он стал правителем духов умерших. Они отправляются туда, чтобы поселиться, когда оставляют здесь свои тела.

Иоскеха, вернувшись, мирно посвятил себя заселению земли. Он открыл пещеру, которая существовала в земле, и позволил выйти из нее всем разновидностям животных, населяющих леса и прерии. Чтобы людям было легче поймать их, он ранил всех в лапы, кроме волка, который увернулся от его удара; по этой причине этого зверя поймать труднее всего. Затем он создал людей и дал им жизнь, а также обучил их искусству добывания огня, которому он сам научился у большой черепахи. Более того, он научил их выращивать кукурузу, и на самом деле именно сам Иоскеха придает плодородие почве, и благодаря его щедрости и доброте урожайность возрастает во сто крат.

Они также не предполагали, что он был далеким, невидимым, неприступным богом. Нет, он всегда был под рукой с наставлениями и помощью. Если бы урожай был неурожайным, его увидели бы в начале сезона, исхудавшего от беспокойства за свой народ, держащего в руке пожухлый кукурузный початок. Когда охотник выходил за дичью, он просил помощи у Иоскеха, который, будь у него такое намерение, подстерегал бы на пути жирных животных. Он присутствовал на их деревенских празднествах и принимал участие в их веселье.

Однажды, в 1640 году, когда оспа опустошала деревни гуронов, отец Лалемант рассказал нам, что один индеец сказал, что ему явился красивый юноша внушительного роста и обратился к нему со следующими словами: "Не бойся; я - повелитель земли, которого вы, гуроны, почитаете под именем *Иоскеха*. Французы ошибочно называют меня Иисусом, потому что они не знают меня. Мне больно видеть эпидемию, которая уничтожает мой народ, и я пришел, чтобы рассказать вам о ее причинах и способах устранения. Его причина - присутствие этих незнакомцев; и его средство - изгнать эти черные одежды (миссионеров), напиться определенной воды, о которой я вам расскажу, и устроить праздник в мою честь, который должен продолжаться всю ночь, до рассвета".

Дом Иоскеха находится на дальнем Востоке, в той части горизонта, где восходит солнце. Там у него есть хижина, и там он живет со своей бабушкой, мудрой Атенсик. Она женщина, обладающая удивительной магической силой и способная принимать любой облик, какой ей заблагорассудится. В ее руках судьба всех человеческих жизней, и в то время как Иоскеха заботится о житейских делах, именно она назначает время смерти и заботится обо всем, что связано с окончанием существования. Поэтому ее боялись не совсем как зловредного божества, но как той, чье дело связано с тем, что является самым страшным и мрачным.

Рассказывали, что однажды четверо отважных молодых людей решили отправиться на восход солнца и посетить великого Иоскеху. Они добрались до его хижины и нашли его там одного. Он принял их приветливо, и они приятно беседовали, но в определенный момент он приказал им

спрятаться, так как приближалась его бабушка. Они поспешно спрятались, и сразу же вошел Атенсик. Ее магическое чутье предупредило ее о присутствии гостей, и она приняла облик красивой девушки, одетой в яркие одежды, ее шею и руки украшали ошейники и браслеты из вампума. Она спросила о гостях, но Иоскеха, желая спасти их, лукаво ответил, что не понимает, что она имела в виду. Она отправилась на их поиски, когда он вызвал их из укрытия и приказал им бежать, и таким образом они спаслись.

Об Иоскехе говорили, что он играл роль мужа своей бабушки. Другими словами, миф представляет собой зародыш той концепции, которую пытались выразить жрецы древнего Египта, когда они учили, что Осирис был "своим собственным отцом и своим собственным сыном", что он был "самозарождающимся единым", даже что он был "отцом своей собственной матери". Это грубо материалистические выражения, но они совершенно понятны изучающему мифологию. Они предназначены для того, чтобы донести до сознания самообновляющуюся силу жизни в природе, примером которой является посев, зима и лето, засушливые и дождливые сезоны и особенно закат и восход солнца. Они являются отголосками в душе человека непрерывного ритма действий природы и становятся единственными гарантами его надежд на бессмертную жизнь.^[17]

Давайте посмотрим на имена в рассматриваемом нами мифе, чтобы убедиться в этом. *Иоскеха* на онейдском диалекте ирокезов является безличной глагольной формой третьего лица единственного числа и буквально означает "вот-вот побелеет", то есть станет светом, рассветет. *Атенсик* происходит от корня *ауен*, вода, и буквально означает "та, кто в воде".^[18] Смысл истории в том, что шар света ежедневно поднимается из бескрайних вод, которые должны окружать землю, и ему предшествует рассвет, который исчезает, как только встает солнце. Каждый день солнце исчезает в этих водах, чтобы снова подняться из них следующим утром. Поскольку приближение солнца вызывает рассвет, сказать, что солнечный бог был отцом своей собственной матери, мужем своей бабушки, было просто грубым способом заявить об этом.

О положении Иоскеха в мифологии свидетельствует и другое имя, под которым он был, возможно, еще более знаком большинству ирокезов. Это *Таронхиавакон*, который также является глагольной формой третьего лица с двойным знаком и буквально означает "Он держит (или подпирает) небо двумя руками".^[19] Другими словами, он почти связан с древнеарийским *Dyâus*, Небом, небеса, особенно Небо днем.

Значение конфликта с его братом-близнецом также ясно просматривается в двух именах, которые последний также носит в легендах. Одно из них - то, что я привел, *Тавискара*, которое, без сомнения, связано с корнем *тиокарас*, "темнеет". Другой - *Техотеннхиарон*, корнем слова которого является *каннхиа*, кремь. Это имя он получил потому, что в битве со своим братом капли крови, стекавшие из его ран, превратились в кремни.^[20] Здесь кремь имел то же значение, на которое я уже указывал в алгонкинском мифе, и, следовательно, мы обнаруживаем абсолютную идентичность мифологической концепции и символики двух народов.

Могли ли эти мифы быть исторически идентичными? В это трудно не поверить. И все же эти народы были злейшими врагами. Их языки совершенно непохожи. Эти же сходства проявляются на таких обширных территориях и между народами, столь удаленными друг от друга и имеющими такую разную культуру, что теория параллелизма развития, в конце концов, является более правдоподобным объяснением.

Впечатления, которые природные явления производят на умы людей, находящихся на одинаковых этапах развития культуры, очень похожи. Возникают одни и те же мысли, и одни и те же выражения напрашиваются сами собой, чтобы передать эти мысли в устной речи. Это часто проявляется в идентичности выражений между мастерами-поэтами одного поколения и между одновременными мыслителями во всех отраслях знания. Еще более вероятно, что это происходит в примитивных и некультурных условиях, где сразу же принимаются наиболее очевидные формы выражения, а ресурсы разума неизбежно ограничены. Это простое и разумное объяснение поразительного сходства, преобладающего в умственных продуктах низших ступеней цивилизации, и устраняет необходимость предполагать историческое происхождение одного из них от другого или обоих от общего источника.

[Сноска 1: Авторы, у которых я позаимствовал этот миф, - Николя Перро, *"Воспоминания о Мерсе"*, *"Кустумы и религия семилетней Америки"*, написанные интеллигентным мирянином, который жил среди туземцев с 1665 по 1699 год; и *"Различные отношения иезуитов"*, особенно за 1667 и 1670 годы.]

[Сноска 2: Г-н Дж. Хаммонд Трамбалл указал, что в алгонкинском языке слова, обозначающие отца, *ош*, мать, *окас* и землю, *охке* (наррагансетский диалект), могут быть образованы, согласно обычным правилам алгонкинской грамматики, от одного и того же глагольного корня, означающего "выходить из". (Примечание к книге Роджера Уильямса *"Ключ к языку Америки"*, стр. 56). Таким образом, земля была, на их языке, прародительницей расы, и что может быть естественнее, чем то, что она стала таковой и в мифе?]

[Сноска 3: Уильям Стрейчи, *История путешествия в Виргинию*, стр. 98.]

[Сноска 4: Доктор Франсиско де Авила, *Повествование об ошибках и ложных богах индейцев Уарочири* (1608). Этот интересный документ был частично переведен мистером К.Б. Маркхэмом и опубликован в одном из томов серии "Общество Хаклюита".]

[Сноска 5: См. Х.Р. Скулкрафт, *Индейские племена*, том v, стр. 418, 419. *Отношения иезуитов*, 1634, с. 14, 1637, с. 46.]

[Сноска 6: На оджибвейском диалекте алгонкинов слово, обозначающее день, небо или рай, - *гиджиг*. Это же слово как глагол означает быть взрослым, созреть (из плодов), быть законченным, завершенным. Преподобный Фредерик Барага, *Словарь языка олчипве*, Цинциннати, 1853. Похоже, это соответствует утверждению из мифа.]

[Сноска 7: Его превосходительство Скулкрафт, *Алгические исследования*, том i, стр. 135 и далее.]

[Footnote 8: Brasseur de Bourbourg, *Dissertation sur les Mythes de l'Antiquite Americaine*, svii.]

[Сноска 9: Х.Р. Скулкрафт, *Алгические исследования*, том i, стр. 179, Vol. ii, стр. 117. Слово *анимикиг* на языке оджибвей означает "гремит и сверкает молния"; в мифах этого племени говорится, что Западный Ветер создается анимики, Громом. (Там же. *Индейские племена*, том v, стр. 420.)]

[Сноска 10: Когда отец Бутэ был среди алгонкинов в 1637 году, они объяснили ему молнию как "огромную змею, которую изрыгает манито". (*Relation de la Nouvelle France*, 1637, стр. 53.)

Согласно Джону Таннеру, символом молнии в пиктографии оджибвей была гремучая змея. (Повествование, стр. 351.)]

[Сноска 11: Эта трансформация хорошо изложена в книге м-ра Чарльза Фрэнсиса Кири "Очерки первобытных верований индоевропейских рас" (Лондон, 1882), главы, iv, vii. Он отмечает: "Ветер - это гораздо более физическое и менее абстрактное понятие, чем небо или небеса; это также более изменчивое явление; и по причине обоих этих рекомендаций бог ветра вытеснил более древнего Дьяуса. * * * Точно так же, как главный бог Греции, снизойдя до божества бури, не удовлетворился тем, чтобы оставаться только им, но снова превратился в некое подобие более древнего Дьяуса, так и Один вобрал в себя почти все качества, которые по праву принадлежат высшему богу. И все же он сделал это, не отбросив своей истинной природы. Он был небом так же, как и ветром; он был Всеотцем, обнимающим всю землю и вззирающим сверху на человечество".]

[Сноска 12: Х.Р. Скулкрафт, *Алгические исследования*, Том i, стр. 216. *Индейские племена*, том v, стр. 420.]

[Footnote 13: "Michabou, le Dieu des Eaux," etc. Шарлевуа, *Исторический журнал*, стр. 281 (Париж, 1721).]

[Сноска 14: Джон Таннер, *Рассказ о пленении и приключениях*, стр. 351. Скулкрафт, *Индейские племена*, том v, стр. 420 и др.]

[Сноска 15: Томас Кампаниус (Холм), *Описание провинции Новая Швеция*, книга iii, глава xi. Кампаниус не называет имени бога-героя, но не может быть сомнений, что это был "Великий заяц".]

[Сноска 16: Источники, из которых я черпаю элементы ирокезского героя-мифа об Иоскехе, в основном следующие: *Отношения Новой Франции*, 1636, 1640, 1671 и т.д. Сагард, *История Канады*, стр. 451, 452 (Париж, 1636); Дэвид Кьюсик, *Древняя история шести наций*, и рукописные материалы, любезно предоставленные мне Горацио Хейлом, эсквайром, который тщательно изучил историю ирокезов и их диалекты.]

[Сноска 17: Такие эпитеты были обычными в египетской религии для большинства богов плодородия. Амон, называемый в некоторых надписях "душой Осириса", получил свое имя от корней *тп*, "оплодотворять", "порождать". В карнакских надписях его также называют "мужем своей матери". Это тоже было любимое прозвище Хема, которое было формой Хороса. См. д-р К.П. Тиле, *История египетской религии*, стр. 124, 146. 149, 150 и т.д.]

[Сноска 18: Я проанализировал эти слова в примечании к другой работе, и мне нет необходимости повторять этот вопрос здесь, тем более что я не знаю, подвергалась ли сомнению этимология. См. *Мифы Нового Света*, 2-е изд., стр. 183, примечание.]

[Сноска 19: Тщательный анализ этого имени дан отцом Дж.А. Куоком, вероятно, лучшим из ныне живущих авторитетов по ирокезам, в его *Словаре ирокезского языка*, стр. 180 (Монреаль, 1882). И здесь ирокезы в точности следовали линии мышления древних египтян. Шу в религии Гелиополиса олицетворял космический свет и теплоту, оживляющий, созидаящий принцип. Именно он, как сказано в надписях, "поддерживает небеса", и он изображен на памятниках как человек с воздетыми руками, который поддерживает небесный свод, потому что это

промежуточный свет, отделяющий землю от неба. Шу также был богом ветров; в отрывке из "Книги мертвых" он говорит: "Я - Шу, который гонит ветры вперед, к границам небес, к границам земли, даже к границам космоса". Опять же, как и Иоскеха, Шу, как говорят, зачал себя в утробе своей матери, Ну или Нун, которая была, как и Атенсик, богиней воды, небесного океана, изначального моря. Тиле, *История египетской религии*, стр. 84-86.]

[[Сноска 20](#): Куок, *Словарь ирокезского языка*, стр. 180, который дает полный анализ названия.]

ГЛАВА III.

БОГ-ГЕРОЙ ПЛЕМЕН АЦТЕКОВ.

[§1. Два антагониста.](#)

СОСТЯЗАНИЕ КЕЦАЛЬКОАТЛЯ И ТЕЦКАТЛИПОКИ-БОГ СВЕТА КЕЦАЛЬКОАТЛЬ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГО ИМЕНИ -ТИТУЛЫ ТЕЦКАТЛИПОКИ -ОТОЖДЕСТВЛЯЮТСЯ С ТЬМОЙ, НОЧЬЮ И МРАКОМ.

[§2. Бог Кецалькоатль.](#)

МИФ О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ - ЧЕТЫРЕХ СОЛНЦАХ И КОНФЛИКТЕ СТИХИЙ -ИМЕНА ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ.

[§3. Кецалькоатль, Герой Тулы.](#)

ТУЛА, ГОРОД СОЛНЦА -КЕМ БЫЛИ ТОЛТЕКИ?--ТЛАПАЛЛАН И ШАЛАК - РОЖДЕНИЕ БОГА-ГЕРОЯ - ЕГО ДЕВСТВЕННАЯ МАТЬ ЧИМАЛМАТЛЬ - ЕГО ЧУДЕСНОЕ ЗАЧАТИЕ -АЦТЛАН, СТРАНА СЕМИ ПЕЩЕР, И КОЛХУАКАН, ИЗОГНУТАЯ ГОРА -ДЕВА ШОЧИТЛЬ И РОЗОВЫЙ САД БОГОВ - КЕЦАЛЬКОАТЛЬ В РОЛИ БЕЛОГО И БОРОДАТОГО НЕЗНАКОМЦА.

СЛАВА ВЛАДЫКИ ТУЛЫ-ХИТРОСТЬ КОЛДУНА ТЕЦКАТЛИПОКИ-ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО И МИСТИЧЕСКИЙ НАПИТОК-ОБЪЯСНЕНИЕ МИФА-ОБЕЩАНИЕ ОМОЛОЖЕНИЯ-ТОВЕЙО И ДЕВУШКА-ФОКУСЫ ТЕЦКАТЛИПОКИ-ОТЪЕЗД КЕЦАЛЬКОАТЛЯ ИЗ ТУЛЫ-КЕЦАЛЬКОАТЛЬ В ЧОЛУЛЕ -ЕГО СМЕРТЬ ИЛИ УХОД-НЕБЕСНАЯ ИГРА В МЯЧ И ТИГРОВУЮ ШКУРУ-КЕЦАЛЬКОАТЛЬ В ОБРАЗЕ ПЛАНЕТЫ ВЕНЕРА.

[§4. Кецалькоатль как Повелитель Ветров.](#)

ВЛАДЫКА ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ -ЕГО СИМВОЛЫ КОЛЕСО ВЕТРОВ, ПЯТИУГОЛЬНИК И КРЕСТ- БЛИЗКАЯ СВЯЗЬ С БОГАМИ ДОЖДЯ И ВОД-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КАЛЕНДАРЯ-БОГ ПЛОДОРОДИЯ И ЗАЧАТИЯ-РЕКОМЕНДУЕТ СЕКСУАЛЬНУЮ АСКЕЗУ-ФАЛЛИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ-БОГ ТОРГОВЦЕВ- ПОКРОВИТЕЛЬ ВОРОВ-ЕГО ПИКТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ.

[§5. Возвращение Кецалькоатля.](#)

ЕГО ОЖИДАЕМОЕ ПОВТОРНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ - БЕСПОКОЙСТВО МОНТЕСУМЫ -ЕГО ОБРАЩЕНИЕ К КОРТЕСУ-ОБЩЕЕ ОЖИДАНИЕ-ОБЪЯСНЕНИЕ ЕГО ПРЕДСКАЗАННОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ.

Теперь я перейду от диких охотничьих племен, населявших берега Великих озер и твердыни северных лесов, к той культурной расе, столица которой находилась в долине Мехико и чьи рассеянные колонии были обнаружены на берегах обоих океанов от устьев Рио-Гранде и Хила на юге, почти до Панамского перешейка. Они широко известны как ацтеки или мексиканцы, и

общим для всех них языком был *науатль*, их собственное слово, означающее "приятное звучание".

Их мифология сохранилась в большей полноте, чем у любого другого американского народа, и по этой причине я могу более подробно изложить элементы их героического мифа, который, действительно, может быть принят за наиболее совершенный тип из тех, что я собрал в этом томе.

§1. Два антагониста.

Культурным героем ацтеков был Кецалькоатль, а ведущей драмой, центральным мифом во всей обширной и запутанной теологии племен, говорящих на науатль, было его долгое состязание с тескатлипокой, "состязание, - замечает выдающийся мексиканский антиквар, - которое стало основным элементом религии науатль и причиной ее изменений и которое существенно повлияло на судьбы этой расы с самых ранних эпох до момента ее уничтожения".^[1]

Объяснения, которые были предложены этой борьбе, варьировались в зависимости от теорий авторов, выдвигавших их. Это рассматривалось как простой исторический факт; как фигура речи, представляющая борьбу за превосходство между двумя расами; как астрономическое утверждение, относящееся к взаимному положению планет Венера и Луна; как конфликт между христианством, введенным святым Фомой, и местным язычеством; и как имеющий другие значения, не менее неудовлетворительные или абсурдные.

Сопоставляя его с другими американскими мифами о героях, мы увидим, что в нем представлены, по сути, те же черты, и, несомненно, его следует объяснять тем же способом. Все они - прозрачные истории простых людей, призванные выразить в понятных терминах повседневную борьбу, которая всегда продолжается между Днем и Ночью, между Светом и Тьмой, между Бурей и Солнечным светом.

Как и все герои света, Кецалькоатль отождествляется с Востоком. Он родился там и прибыл оттуда, и поэтому Лас Касас и другие говорят о нем как о выходе с Юкатана или как о высадившемся на берегах Мексиканского залива из какой-то неизвестной страны. Его день рождения назывался Се Акатль, Одна Трость, и под этим именем его часто знают. Но этот знак Востока в символике ацтеков.^[2] В мифе о сотворении солнца и луны, представленном Саагуном,^[3] добровольная жертва попадает в жертвенный огонь, который разожгли боги. Они знают, что он взойдет как солнце, но они не знают, в какой части горизонта это будет. Кто-то смотрит в одну сторону, кто-то в другую, но Кецалькоатль неотрывно смотрит на Восток и первым видит Шар Света и приветствует его. У него светлый цвет лица, густые волосы и окладистая борода, граничащая с рыжей,^[4] как и все герои рассвета, и, подобно им, он был преподавателем искусств и выступал за мир и мягкие законы.

Его имя символично и может иметь несколько одинаково справедливых толкований. Первая его часть, *quetzalli*, буквально означает большое, красивое зеленое перо, которое очень высоко ценилось туземцами. Отсюда оно стало означать в смысле прилагательного "драгоценный", "прекрасный", "любимый", "достойный восхищения". Птицей, от которой были получены эти перья, был *кецаль-момотль* (*tototl*, bird), и орнитологи называют его *Trogon splendens*.

Последняя часть имени, *коатль*, имеет у ацтеков три совершенно разных значения. Оно означает гостя, также близнецов и, наконец, как синкопированная форма *коуатля*, змеи.

Метафорически, *коуатль* означал нечто таинственное и, следовательно, сверхъестественное существо, бога. Таким образом, Монтесума, когда он построил храм в городе Мехико, посвященный всему сонму божеств, обычный Пантеон, назвал его *Коатекалли*, Дом Змеи.[5]

С помощью этих различных значений можно хорошо обосновать несколько различных переводов этого имени, и, вероятно, даже для туземцев оно имело разные значения в разное время. Я склонен полагать, что первоначальный смысл был тем, который отстаивал Бесерра в семнадцатом веке и принял Вейтия в восемнадцатом, оба компетентные ученые-ацтекведы.[6] Они переводят Кецалькоатля как "восхитительный близнец", и хотя их представление о том, что это относится к апостолу Фоме Дидиму, не соответствует моим взглядам, я считаю, что они были правы в своей этимологии. Имеется в виду дублирующая природа Бога Света, видимая в заходящем и восходящем солнце, солнце сегодняшнего и вчерашнего дня, одно и то же, но разное. Это имеет свои параллели во многих других мифологиях.[7]

Правильность этого предположения, по-видимому, подтверждается преобладающим среди ацтеков суеверием о близнецах, которое поразительно иллюстрирует единообразие мифологических представлений во всем мире. Все читатели знакомы с близнецами Ромулом и Ремом из римской истории, одному из которых было суждено уничтожить своего деда Амулия; с Эдипом и Телефосом, чей отец Лайос был предупрежден, что его убьет один из его детей; с Тесеем и Пиритусом, первому из которых было суждено стать причиной самоубийства его отца Эгея; и со многими другими подобными мифами. Без сомнения, их можно проследить до простых выражений того факта, что утро и вечер одного дня могут наступить только тогда, когда предыдущий день уже прошел; образно выраженных утверждением, что любой день должен уничтожить своего предшественника. Это привело к появлению историй о "роковых детях", которые мы так часто находим в арийской мифологии.[8]

Ацтеки были грубой и кровожадной расой и без угрызений совести следовали своим суевериям. Основываясь, без сомнения, на этом мифическом выражении естественного явления, они верили, что если оставить близнецов в живых, то один или другой из них убьет и съест своего отца или мать; следовательно, у них было в обычае, когда такие появлялись на свет, уничтожать одного из них.[9]

Мы увидим, что, как в алгонкинской истории Мичабо пытался убить своего отца, Западный Ветер, так и Кецалькоатль находился в постоянной войне со своим отцом, Тецкатлипока-Камаштли, Духом Тьмы. Воздействие этого часто повторяемого мифа на умы суеверных туземцев привело их к жестокому детоубийству, о котором я уже упоминал.

Однако было естественно, что более обычное значение "пернатый или птица-змей" стало популярным, и при написании рисунка в качестве ребуса имени Кецалькоатль часто использовалось сочетание змеи с перьями или другой частью птицы.

Он также был известен под другими именами, поскольку, как и все выдающиеся боги в ранних мифологиях, он носил различные титулы в соответствии с особым атрибутом или функцией, которая занимала первостепенное место в сознании верующего. Одним из них было *Papachtic*, "Тот с развевающимися локонами" - слово, которое испанцы сократили до Рара и считали родственным их титулу папы римского. Это, однако, чисто науатльское слово,[10] и относится к пышным волосам, которые ему всегда приписывали и которые, как и его пышная борода, на

самом деле были символом солнечных лучей, ореолом или великолепием света, окружавшим его лицо.

Его светлое лицо, как обычно, излучало свет. Это сочетание идей было настолько знакомо мексиканцам, что во время солнечного затмения они искали самых белых мужчин и женщин, которых могли найти, и приносили их в жертву, чтобы умиротворить солнце.[11]

Его противник, Тецкатлипока, был самой возвышенной фигурой в пантеоне ацтеков. Он возвышался над всеми другими богами, как и Юпитер на Олимпе. К нему обращались как к творцу неба и земли, присутствующему в каждом месте, как к единственному правителю мира, как к невидимому и всеведущему.

Многочисленные титулы, которыми к нему обращались, иллюстрируют то почитание, с которым к нему относились. Его самым распространенным именем в молитвах было *Титлакауан*, Мы - его рабы. Как считалось, вечно юный, он был Тельпочтли, Юноша; столь же могущественный и непоколебимый, он был *Мойокоятзин*, Решительный Деятель;[12] столь же требовательный в поклонении, *Моненеги*, Тот, Кто Требует Молитв; как повелитель расы, *Тейокояни*, Создатель Людей, и *Тейматини*, Избавитель Людей. Поскольку он был ревнивым и ужасным, богом, наславшим на людей язвы, голод и отвратительные болезни, ужасным божеством, разжигавшим войны и раздоры, его называли *Яоцин*, Заклятый Враг, *Яотль некок*, Враг обеих Сторон, *Мокекелоа*, Насмешник, *Незауальпилли*, Господь, который Постится, *Тламатцинкатль*, Тот, Кто Принуждает к Покаянию; и таким же темным, невидимым и непостижимым, он был *Йоалли эхекатль*, Ночной Ветер.[13]

Говорили, что он создан из разреженного воздуха и тьмы; и когда его видели люди, это было как тень, лишенная субстанции. Он единственный из всех богов бросил вызов натиску времени, всегда был молод и силен и не старел с годами.[14] Кто мог надеяться на победу против такого врага?

Название "Тецкатлипока" имеет странное значение. Оно означает Дымящееся зеркало. Эта странная метафора получила различные объяснения. Зеркала, использовавшиеся ацтеками, представляли собой полированные пластины из обсидиана, обтесанные до круглой формы. Существовала разновидность этого черного камня, называвшаяся *тецкапоктли*, дымчатый зеркальный камень, и из него иногда делали его изображения.[15] Это, однако, кажется слишком тривиальным объяснением.

Другие утверждали, что Тецкатлипока, несомненно, дух тьмы и ночи, по своему значению отсылает к луне, которая висит в небе подобно яркому круглому зеркалу, хотя и частично затуманенному тем, что туземцы принимали за дым.[16]

Однако я склонен полагать, что упомянутое зеркало - это первое и самое знакомое из всех, поверхность воды, а дым - это туман, который по ночам поднимается над озерами и реками, как настоящий дым в неподвижном воздухе.

Как повелитель тьмы и ночи, Тецкатлипока должен был посылать сны и призраков мрака, и для него были священными те животные, которые бродят по ночам, такие как скунс и койот.[17]

Таким образом, его имена, различные атрибуты, священные животные и мифы объединяются в определении этого божества как примитивного олицетворения Тьмы, будь то буря или ночь.[18]

Это дополнительно подтверждается распространенными представлениями о его случайном появлении на земле. Это всегда происходило ночью во мраке леса. Охотник услышал бы звук, подобный треску падающих деревьев, который был бы не чем иным, как могучим дыханием гигантской фигуры бога во время его ночных прогулок. Если бы охотник был робок, он бы тут же умер, увидев устрашающее присутствие бога; но если бы у него было неустрашимое сердце, и он бросился бы на него и обхватил за талию, бог был бы беспомощен и даровал бы ему все, что он пожелает. "Проси, что тебе заблагорассудится, - сказало бы плененное божество, - и это твое. Только не забудь освободить меня до восхода солнца. Потому что я должен уйти до того, как он появится".[19]

§2. Бог Кецалькоатль.

В древнем и чисто мифическом повествовании Кецалькоатль - один из четырех божественных братьев, подобных ему богов, рожденных на крайнем, или тринадцатом небе от бесконечного и несотворенного божества, которое в своих мужских проявлениях было известно как *Тонака текутли*, Владыка нашего Существования, и *Цин теотль*, Бог Начала, а в женских - как *Тонака чууатль*, Царица нашего Существования, *Хочикецаль*, Прекрасная Роза, *Читлаллику*, окруженный Звездами, или Млечный Путь, *Читлалатонак*, согревающая Звезда, или Утро, и *Чикоме коатль*, Семь Змей.[20]

Обычный перевод *Тонака текутли* - "Бог нашего Существования", от *пасанака*, *плоть*, текутли, вождь или лорд. На самом деле это имеет более тонкий смысл. *Наса* не применяется к съедобному мясу - это выражается словом *лопоас* - но это плоть наших собственных тел, нашей жизни, существования. См. *Анализы Куаутитлана*, стр. 18, примечание.]

Из этих четырех братьев двое были черный и красный Тецкатлипока, а четвертым был Уицилопочтли, Левша, божество, почитаемое в Мехико больше всех остальных. Тецкатлипока - ибо два имени быстро сливаются в одно по мере развития мифа - был невероятно мудр; он знал все мысли и сердца, мог заглянуть во все места и отличался силой и предусмотрительностью.

В определенное время четыре брата собрались вместе и посоветовались относительно сотворения вещей. Работа была оставлена Кецалькоатлю и Уицилопочтли. Сначала они сотворили огонь, затем половину солнца, небеса, воды и некую огромную рыбу в них, называемую Чипактли, а из ее плоти - твердую землю. Первыми смертными были мужчина Чипактонал и женщина Оксомуко,[21] и чтобы у рожденного у них сына могла быть жена, четыре бога сделали ее для него из волоса, сорванного с головы их божественной матери Шочикецаль.

Теперь началась борьба между двумя братьями, Тецкатлипокой и Кецалькоатлем, которой было суждено раз за разом разрушать мир со всеми его обитателями и ввергнуть даже небесные светила в общую погибель.

Половинка солнца, созданная Кецалькоатлем, освещала мир, но слабо, и четверо богов собрались вместе, чтобы посоветоваться о добавлении к ней еще одной половины. Не дожидаясь их решения, Тецкатлипока превратился в солнце, после чего другие боги наполнили мир великанами, которые могли вырывать деревья своими руками. Когда прошла эпоха продолжительностью тринадцать раз по пятьдесят два года, Кецалькоатль схватил огромную палку и ударом ее сбросил Тецкатлипоку с неба в воду, а сам стал солнцем. Падший бог превратился в тигра и вышел из волн, чтобы напасть и пожрать великанов, которыми его братья

с завистью наполнили мир, который он освещал с неба. После этого он перешел на ночное небо и стал созвездием Большой Медведицы.

Целую эпоху земля процветала под властью Кецалькоатля как солнца, но Тецкатлипока просто выжидал своего часа, и эпоха закончилась, он появился в образе тигра и нанес Кецалькоатлю такой удар лапой, что сбросил его с небес. Свергнутый бог отомстил за себя, пронесшись по земле с таким сильным торнадо, что оно уничтожило всех жителей, за исключением нескольких, и они превратились в обезьян. Затем его победоносный брат поместил на небеса в виде солнца Тлалока, бога тьмы, воды и дождей, но спустя половину эпохи Кецалькоатль излил на землю огненный поток, изгнал Тлалока с неба и поместил вместо него в виде солнца богиню Чалчиутликуэ в Изумрудной Юбке, жену Тлалока. В ее время дожди так лили на землю, что все люди утонули или превратились в рыб, и, наконец, сами небеса пали, и солнце и звезды погасли.

Затем два брата, чья борьба привела к этим разрушениям, объединили свои усилия и снова воздвигли небо, установив его на двух могучих деревьях, Зеркальном Дереве (*тескакуауитль*) и Прекрасном Большом Розовом дереве (*кецальвейшочитль*), на котором с тех пор надежнопокоятся вогнутые небеса; хотя, возможно, мы узнаем их лучше, если отбросим метафору и назовем их "зеркальным морем" и "цветущей землей", на одном из которых покоится горизонт, в каком бы месте он ни находился. направление, в котором мы можем искать.

Снова четверо братьев встретились вместе, чтобы обеспечить солнцем теперь уже затемненную землю. Они действительно решили создать одного, но такого, который поедает бы сердца и пил кровь жертв, и на земле должны были быть войны, чтобы эти жертвы могли быть получены для жертвоприношения. Затем Кецалькоатль развел большой костер и взял своего сына - своего сына, рожденного от его собственной плоти, без помощи женщины, - и бросил его в пламя, откуда он поднялся в небо как солнце, освещающее мир. Когда Бог Света зажигает пламя зари на восточном небе, вскоре солнце выходит из-за горизонта и восходит на небеса. Тлалок, бог вод, последовал за ним и бросил в пылающий пепел погребального костра своего сына, который взошел как луна.

Тецкатлипока задумал заселить землю, и поэтому он ударил палкой по определенной скале, и из нее вышли четыреста варваров (*чичимеков*).^[22] Однако некие пять богинь, которых он уже создал на восьмом небе, спустились и убили эти четыреста, всех, кроме трех. Эти богини также умерли до появления солнца, но появились снова из оставленных ими одежд. То же самое сделали четыреста чичимеков, и они собрались сжечь одну из пяти богинь по имени Коатликуэ, Которую Обошел Змей, потому что было обнаружено, что она беременна, хотя еще и не замужем. Но на самом деле она была безупречной девственницей и не знала ни одного мужчины. Она положила себе на грудь несколько белых перьев, и через них бог Уицилопочтли вошел в ее тело, чтобы родиться заново. Поэтому, когда четыреста человек собрались вместе, чтобы сжечь ее, бог вышел во всеоружии и убил их всех до единого.

Нетрудно догадаться, кто эти четыреста юношей, убитых до восхода солнца, которым суждено быть возвращенными к жизни и снова уничтоженными. Тонка завеса метафоры, которая, таким образом, скрывает от нашего разума картину мириад звезд, каждое утро гаснущих в растущем свете, но каждый вечер возвращающихся на свои назначенные места. И если какие-либо сомнения и оставались, то они устраняются прямым утверждением в "отголоске этой традиции, сохраненной киче Гватемалы", где ясно сказано, что четыреста юношей, преданных

смерти Сипакной и возвращенных к жизни Хунхун Ахпу, "поднялись в небо и стали звездами небесными".[23]

Действительно, те же самые древние люди, объяснениям которых я следил, добавили, что четыреста человек, которых создал Тецкатлипока, все еще продолжали жить на третьем небе и были его стражами. Они были пяти цветов: желтого, черного, белого, синего и красного, что в символике их языка означало, что они были распределены вокруг зенита и по каждой из четырех сторон света.[24]

Эти мудрецы также не предполагали, что борьба темного Тескатлипоки за власть над Богом Света прекратилась; нет, они знали, что он выжидал своего часа с определенной целью и твердой уверенностью в успехе. Они знали, что на втором небе были некие ужасные женщины, без плоти и костей, которых звали Ужасные, или Худые Метательницы Дротиков, которые ждали там конца этого мира, когда они спустятся и съедят все человечество.[25] На вопрос о времени этого разрушения они ответили, что относительно дня или времени года они этого не знают, но это будет, "когда Тецкатлипока украдет солнце с небес для себя"; другими словами, когда вечная ночь опустится на Вселенную.[26]

Миф, который я здесь вкратце изложил, является выдающимся в космогонии ацтеков и известен как миф о Эпохах Мира или Солнцах. Было широко распространено мнение, что настоящее время является пятой эпохой или периодом мировой истории; что оно уже претерпело четыре разрушения по различным причинам и что нынешний период также завершится еще одной подобной катастрофой. Причинами такого всеобщего разрушения были великое наводнение, всемирный пожар, ужасные торнадо и голод, землетрясения и дикие звери, и, следовательно, Эпохи, Солнца или Периоды были названы соответственно, по их окончаниям, эпохами Воды, Огня, Воздуха и Земли. Поскольку мы не знаем судьбы пятого, нынешнего, у него пока нет названия.

Я не буду пытаться вдаваться в подробности этого мифа, тем более что недавно он был детально проанализирован мексиканским антикваром Чаверо.[27] Я просто укажу, что он слишком тесно отождествляется с великим множеством подобных мифов, чтобы нам было позволено искать его происхождение исключительно на мексиканской или даже американской земле. Мы можем обратиться к туалати, которые живут в Орегоне, и они расскажут нам о четырех сотворениях и разрушениях человечества; о том, как в конце первой эпохи все человеческие существа превратились в звезды; в конце второй они стали камнями; в конце третьей - в рыб; а в конце четвертой они исчезли, уступив место племенам, которые сейчас населяют мир.[28] Или мы можем прочитать клинописные надписи древнего Вавилона и найти указанные там четыре уничтожения расы, такие как наводнение, дикие звери, голод и мор.[29]

Объяснение, которое я должен дать этим совпадениям - которое легко можно было бы увеличить - состоит в том, что число четыре было выбрано в качестве числа четырех сторон света, и что пятая, или нынешняя, эпоха, в которой мы живем, управляется правителем четырех точек, Духом Света, который, как считалось, управляет ими, как, фактически, ранняя заря, определяя пространственные отношения, действует как проводник и управляющий движениями людей.

Во всей мифологии, традициях и обычаях ацтеков мы можем обнаружить этот древний миф о четырех братьях, четырех предках их расы или четырех вождях, которые привели своих

прародителей к их соответствующим жилищам. Грубые горцы Мезтитлана, которые с особым рвением поклонялись Тескатлипоке и Кецалькоатлю и начертали гигантскими фигурами священные пять точек, символ последнего, на краю огромной пропасти в своей стране, дали символические названия первобытной четверке:

Иксуин, Тот, у кого четыре лица.

Хьюитек-Патл, древний кремень.

Тенетемический, губной камень, который убивает.

Нанакатлзаци, Тот, кто говорит, опьяненный ядовитым грибом, называется *нанакатл*.

Эти четыре брата, согласно мифу, были рождены богиней Хьютонанцин, что означает "наша великая, древняя мать", и не по-сыновьи ополчились на нее и убили, принеся в жертву Солнцу и предложив свое сердце этому божеству.^[30] Другими словами, это старая история о сторонах света, определяемых на рассвете Рассветом, восточным полярным сиянием, которое теряется в Солнце или приносится в жертву Ему при его появлении.

Я подозреваю, что из этих четырех братьев первый, Иксуин, "тот, кто смотрит в четыре стороны" или "имеет четыре лица", - не кто иной, как Кецалькоатль,^[31] в то время как Древний Кремень, вероятно, Тецкатлипока, что приводит миф в необычайно тесную связь с мифом об ирокезах, приведенным на предыдущей странице.

Другой миф ацтеков описывает этих четырех братьев или первобытных героев следующим образом:

Huitzilopochtli.

Уицнахуа.

Itztlacoliuhqui.

Пантекатль.

Из этих причин доктор Шульц-Селлак выдвигает правдоподобные предположения о том, что Ицтлаколиуки, название определенной формы головного убора, было еще одним титулом Кецалькоатля; и что Пантекатль был одним из имен Тецкатлипоки.^[32] Если это так, то перед нами другая версия того же мифа.

§3. Кецалькоатль, Герой Тулы.

Но мысли расы ацтеков были сосредоточены не на божестве Кецалькоатле, таинственном создателе видимого мира, а на Кецалькоатле, верховном жреце славного города Толлан (Тула), учителе искусств, мудром законодателе, добродетельном принце, мастере-строителе и милосердном судье.

Здесь, опять же, хотя сцена перенесена с небес на землю и из циклов других миров в не столь отдаленную дату, история по-прежнему повествует о его состязании с Тецкатлипокой и о коварстве этого врага, ныне превратившегося в могущественного мага и ревнивого соперника, чтобы лишить его собственности и изгнать из знаменитого Толлана.

Никто, сведущий в метафорах мифологии, не может быть введен в заблуждение тонкой завесой местного колорита, которая окружает миф в его земной и исторической форме. Помимо того,

что это всего лишь повторение или продолжение подлинного древнего рассказа о конфликте дня и ночи, света и тьмы, который я уже приводил, названия Толлан достаточно, чтобы указать на место и силы, с которыми имеет дело история. Ибо этот Толлан, где правил Кецалькоатль, ни в коем случае не является, как предполагают некоторые, маленьким городком Тула, все еще живым, примерно в дюжине лиг к северо-западу от города Мехико; и не был он, как обычно говорится в легенде, в какой-то неопределенной местности на расстоянии от шестисот до тысячи лиг к северо-западу от этого города; и еще не в Азии, как утверждают некоторые антиквары; и, на самом деле, нигде в этом утомленном мире; но это было, как следует из названия и как давным-давно перевел его местный историк Тезозомок'а, где обитали древние люди. яркое солнце живет там, где вечно правит бог света, пока этот шар находится в небе. Толлан - это всего лишь синкопированная форма *Тонатлана*, Места Солнца.[33]

Стоит несколько подробнее изучить местонахождение и характер этого чудесного города Толлан, поскольку это место, о котором мы слышим в древнейших мифах и легендах многих и разных рас. Не только ацтеки, но и майя Юкатана, а также киче и какчикели Гватемалы в скорбных песнях оплакивали потерю этой прекрасной земли и считали ее разрушение обычной отправной точкой в своих летописях.[34] Пусть они пожалеют об этом, ибо больше никогда не найдут ничего подобного. В той стране урожай кукурузы никогда не падал, и колосья вырастали длиной с человеческую руку; у хлопка лопались стручки, не только белые, но, естественно, всех прекрасных цветов, алых, зеленых, синих, оранжевых, каких угодно; тыквы невозможно было обхватить руками; птицы с прекрасным оперением наполняли воздух мелодичным пением. Здесь никогда не было ни нужды, ни бедности. Здесь были все богатства мира, дома, построенные из серебра и драгоценного нефрита, из розового перламутра и лазурной бирюзы. Слуги великого царя Кецалькоатля были искусны во всех видах искусств; когда он посылал их вперед, они летели в любую часть мира с бесконечной скоростью; и его указы провозглашались с вершины горы Цацитепек, Холма Крика, глашатаями с таким могучим голосом, что их можно было услышать за сотню лиг.[35] Его слуги и ученики назывались "Сынами Солнца" и "Сынами Облаков".[36]

Где же тогда находилась эта чудесная земля и чудесный город? Где это может быть, как не там, где Бог Света восседает на своем троне, где всегда присутствует животворящее солнце, где находятся дневные обитатели и где вся природа радуется великолепию его лучей?

Но это больше, чем в одном месте. Это может быть в самых верхних небесах, где рождается свет и легко плывут пушистые облака; или на западе, где солнце опускается на свое ложе в кровавом великолепии; или на востоке, за пурпурной кромкой моря, откуда оно поднимается отдохнувшим, как великан, чтобы продолжить свой путь; или в подземном мире, где оно проводит ночь.

Поэтому в древней легенде Чакчикеля говорится: "Там, где восходит солнце, есть один Тулан; другой находится в подземном мире; еще один там, где заходит солнце; и есть еще один, и там обитает Бог. Итак, о дети мои, существует четыре Тулана, как говорили нам древние люди".[37]

Самые почитаемые традиции расы майя утверждали, что они переселились из "Толлана в Зуйве". "Оттуда пришли мы вместе, - говорится в мифе киче, - там был общий прародитель нашей расы, оттуда произошли мы, из среды людей яки, чей бог Йолкуат Кецалькоатль".[38] Этот Толлан, безусловно, не что иное, как обитель Кецалькоатля, названного в ацтекской

рукописи *Зивена вицкатль*, слово неопределенного происхождения, но применяемое к высшим небесам.

Там, где Кецалькоатль наконец удалился и откуда его ожидали возвращения, все еще был Толлан - Толлан Тлапаллан, - и Монтесума, когда услышал о прибытии испанцев, воскликнул: "Это Кецалькоатль, вернувшийся из Тулы".

Города, избравшие его своим божеством-покровителем, были названы в честь того, чем он, как предполагалось, правил. Таким образом, у нас есть Толлан и Толланцинко ("за Толланом") в долине Мехико, а пирамида Чолула называлась "Толлан-Чололлан", как и многие другие толланы и тула среди колоний науатль.

Уроженцев города Тула называли, по его названию, *толтеками*, что просто означает "те, кто живет в Толлане". И кем, позвольте спросить, были эти толтеки?

Они достаточно долго витали вокруг зари американской истории. Им приписывалась не только примитивная культура Центральной Америки и Мексики, но и земель далеко на севере и даже земляных сооружений в долине Огайо. Настало время отвести им подобающее место, и это среди чисто сказочных творений воображения, среди великанов и фей, гномов и сильфид и других подобных воображаемых существ, которых любил создавать народный разум во все века и у всех народов.

Толтек, *Toltecatl*,^[39] что в более поздние времена стало означать искусного ремесленника, означает, как я уже говорил, жителя Толлана - Города Солнца - другими словами, Дитя Света. Без метафоры, сначала это означало один из далеко пробивающихся, ярких солнечных лучей. Об этом свидетельствует не только содержание всего мифа, но и конкретно и ясно силы, приписываемые древним толтекам. Как непосредственных подданных Бога Света, их называли "Теми, кто летает целый день без отдыха",^[40] и о них говорили, что они обладали способностью мгновенно достигать даже очень отдаленных мест. Когда сам Бог Света уходит, они тоже исчезают, и их город остается необитаемым и опустошенным.

В некоторых, и я считаю их оригинальными версиями мифа, они вообще не составляют нацию, а являются просто учениками или слугами Кецалькоатля.^[41] Они обладают всеми чертами существ, обладающих сверхъестественными способностями. Они были астрологами и некромантами, прекрасными поэтами и философами, художниками, каких не найти больше нигде в мире, и такими строителями, что на протяжении тысячи лиг остатки их городов, храмов и крепостей устилали землю. "Когда мне случалось, - говорит отец Дюран, - спрашивать индейца, кто прорубил этот перевал в горах, или кто открыл тот источник воды, или кто построил те старые развалины, ответом было: "Толтеки, ученики папы"". ^[42]

Они были высокого роста, превосходя обычную расу людей, и в том, что они прожили сотни лет, не было ничего необычного. Такова была их энергия, что они не позволяли жить среди себя ни одному ленивцу, и, подобно своему хозяину, они были искусны во всех сферах жизни и добродетельны, неподвластные смертным. По цвету лица они описываются как светлые, как и их лидер, и как обычно олицетворения света, и не в меньшей степени среди темных рас людей.^[43]

Когда Кецалькоатль покинул Толлан, большинство толтеков уже погибло из-за хитростей Тецкатлипоки, а те, кто выжил, как говорили, исчезли после его отъезда. Город был опустошен,

и что стало с его оставшимися жителями, никто не знал. Но сама эта неопределенность предоставила благоприятную возможность различным народам, некоторые из которых говорили на науатль и некоторых других языках, заявить о своем происхождении от этой таинственной, древней и удивительной расы.

Этот вопрос действительно кажется трудным. Когда Бог Света исчезает с неба, лишенный своих лучей и своей славы, где же яркие лучи, стремительные отблески света, которые прежде заливали землю сиянием? Ушел, ушел, мы не знаем куда.

Говорили, что первоначальная родина тольтеков находилась в Тлапаллане - той самой Красной Земле, в которую, согласно легенде, вернулся Кецалькоатль; только первая была известна как Старый Тлапаллан - Хюэ Тлапаллан - как та, из которой он и они вышли. В других мифах это Место называется Песчаным, Халак, что является очевидной отсылкой к песчаной морской отмели, тому самому месту, где, как говорилось, в последний раз видели Кецалькоатля, за которым восходит солнце и ниже которого оно опускается. Туда он вернулся, когда его изгнали из Толлана, и много лет мирно правил своими вассалами.[44]

Мы не можем перепутать этого тлапаллана ни со старым, ни с новым. Купается ли он в пурпуре и золоте восходящего солнца или в багрянце и гвоздике его заката, он всегда был, как говорит нам Саагун со всей необходимой отчетливостью, "городом Солнца", домом света и красок, откуда пришел их вождь Кецалькоатль и куда его призвали вернуться.[45]

Происхождение земного Кецалькоатля приводится по-разному; один цикл легенд повествует о его рождении в Толлане каким-то необычным образом; во втором цикле утверждается, что он родился не в какой-либо стране, известной ацтекам, а пришел к ним чужаком.

Из предыдущего цикла, вероятно, одной из старейших версий является то, что он был сыном или потомком самого Тецкатлипоки под именем Камаштли. Это был отчет, предоставленный канцлеру Рамиресу,[46] и, по словам Торквемады, это была каноническая доктрина, которой учили в священном городе Чололлан, центре поклонения Кецалькоатлю.[47] Это прозрачная метафора, и ее можно было бы сравнить с сотней подобных выражений в мифах других народов. Ночь порождает День, тьма ведет к свету, и, хотя таким образом они находятся в отношениях отца и сына, борьба между ними продолжается вечно.

Другой миф представляет его как непосредственного сына Всеотца Тонаки текутли под его титулом Читлаллатонак, Утро, от земной девушки из Толлана. В том городе жили три сестры, одну из которых, незапятнанную девственницу, звали Чималман. Однажды, когда они были вместе, им явился бог. Две сестры Чималмана были до смерти напуганы его ужасным присутствием, но на нее он вдохнул дыхание жизни, и она сразу же зачала. Сын, которого она родила, стоил ей жизни, но это был божественный Кецалькоатль по имени *Топильцин*, Наш Сын, и, начиная с года его рождения, *Се Акатль*, Одна Тростинка. Как только он родился, он обрел дар речи, рассудок и мудрость. Что касается его матери, то, погибнув на земле, она была перенесена на небеса, где ей было дано почетное имя Чальчихуицли, Драгоценный Камень Жертвоприношения.[48]

Это также, очевидно, древняя и простая фигура речи для выражения того, что дыхание утра возвещает рассвет, который приносит солнце и исчезает при этом.

Девственная мать Чималман, согласно другой легенде, забеременела, проглотив нефрит или драгоценный зеленый камень (*чальчихуитль*);[49] в то время как другой утверждал, что она была не девственницей, а женой Камаштли (Тескатлипоки);[50] или, опять же, что она была второй женой того почтенного старика, который был отцом семи сыновей, от которых произошли все племена, говорящие на языке науатль, и несколько, которые на нем не говорили (Отоми, Тараскос), были потомками.[51] Это последнее окупит анализ.

По всей Мексике и Центральной Америке постоянно всплывает эта легенда о Семи Сыновьях, Семи Племенах, Семи Пещерах, из которых они вышли, или о Семи городах, где они жили. Эту землю ацтеки называли своим бывшим местом обитания. Она располагалась на некотором неопределенном расстоянии к северу или северо-западу - в том же направлении, что и Толлан. Название этой земли имело большое значение. Она называлась Белой или Светлой Землей, *Ацтлан*. [52] Посреди него располагалась гора или холм Колуакан Божественный, *Теокулакан*. [53] У подножия этого холма были Семь Пещер, *Чикомосток*, откуда вышли семь племен со своими соответствующими богами, включая Кецалькоатля, Уицилопочтли и Тецкатлипока. Там продолжала жить их мать, ожидая их возвращения.

Тео происходит от *теотль*, бог, божество. Описание в тексте отношений земли и воды в этой мифической стране также взято из работы Дюрана.

Владыку этой земли и отца семи сыновей называют по-разному и расплывчато. Одна легенда называет его Белым Змеем Облаков, или Близнецом Белого Облака, *Истак Мишкоатль*. [54] Кем бы он ни был, мы вряд ли можем перепутать гору, на которой он жил. *Колхуакан* означает изогнутую гору. Это не что иное, как Небесный Холм, изгибающийся со всех сторон до горизонта; на нем во все времена обитали боги, и с него они приходили на помощь людям, которым оказывали благосклонность. Абсолютно такое же название было применено чокто к мифическому холму, с которого, по их словам, их предки впервые вышли на дневной свет. Они называют это *Нане Вайя*, Изогнутый Холм [55]. Такая идентичность метафорических выражений оставляет мало места для обсуждения.

Если бы это было так, другие мифы, окружающие мистическую гору, казалось бы, рассеяли бы сомнения. Как нам сообщили, Колхуакан продолжал оставаться резиденцией великой Матери Богов. В нем она обитала, ожидая их возвращения с земли. Никто не может полностью взобраться на гору, потому что от середины до вершины она покрыта мелким и скользким песком; но у нее есть то волшебное свойство, что тот, кто поднимается на нее, каким бы старым он ни был, снова молодеет по мере того, как он поднимается, и таким образом восстанавливается первозданная энергия. Счастливые обитатели вокруг него, однако, не нуждаются в том, чтобы его молодость восстанавливала силы; ибо в этой стране никто не стареет и не знает возмутительного действия лет. [56]

Следовательно, когда утверждалось, что Кецалькоатль был сыном Владыки Семи Пещер, это было не более чем вариацией легенды, которая выдавала его за сына Владыки Высоких Небес. Они оба означают одно и то же. Чималман, которая фигурирует в обоих мифах как его мать, связывает их вместе и клеймит как идентичных, в то время как Мишкоатль - это всего лишь другое имя Тецкатлипоки.

Такая интерпретация, если она верна, привела бы к исключению из истории всей истории о Семи Городах или Пещерах и мнимом переселении из них. На самом деле, неоднократные

попытки хронистов определить местоположение этих сказочных резиденций не привели ни к какому результату, кроме вызывающего восхищение беспорядка и неразберихи. Искать их местонахождение так же тщетно, как искать их в Эдемском саду или на острове Авалон. Им нет и никогда не было места в этой подлунной сфере, но они принадлежат к тому эфирному миру, который создает фантазия и рисует воображение.

Более прозаичный отчет, чем любой из вышеперечисленных, дает историк Альва Икстлильшочитль, настолько прозаичный, что, возможно, в нем есть какие-то крупницы реального факта.^[57] Он рассказывает нам, что король Толлана Текпанкальцин влюбился в дочь одного из своих подданных, девушку по имени Шочитль, Роза. Ее отец был первым, кто собрал мед с растения магуэй, и под предлогом покупки этого лакомства король часто посылал за Шочитль. Он совершил ее обольщение и спрятал в розовом саду на горе, где она родила маленького сына, к великому гневу отца. Составив гороскоп младенца, придворный астролог обнаружил все признаки того, что он должен стать последним королем Толлана и стать свидетелем разрушения монархии толтеков. Его звали *Меконецин*, Сын Магуэя, и в свое время он стал царем, и предсказание исполнилось.^[58]

Однако в некоторых моментах это, казалось бы, историческое повествование имеет подозрительное сходство с подлинным мифом, сохранившимся до нас в некоем ацтекском манускрипте, известном как *Codex Telleriano-Remensis*. Этот документ рассказывает о том, как Кецалькоатль, Тецкатлипока и их братья сначала были богами и обитали в виде звезд на небесах. Они проводили свое время в Раю, в Розовом саду, *Шочитликакан* ("где растут розы"); но однажды они начали срывать розы с большого Розового дерева в центре сада, и Тонака-текутли, разгневанный их поступком, швырнул их на землю, где они жили как смертные.

Значение этого мифа применительно к ежедневному спуску солнца и звезд от зенита к горизонту слишком очевидно, чтобы нуждаться в специальных комментариях; а совпадения с розовым садом на горе (в одном случае это Небесный холм, в другом - предполагаемая земная возвышенность), с которой происходит Кецалькоатль, и гневом родителя, по-видимому, указывают на то, что предполагаемая историческая связь Икстлильшочитля - всего лишь миф, облаченный в исторические одежды.

Второй цикл легенд отрицает какое-либо чудесное происхождение героя Толлана. Лас Касас рассказывает о своем прибытии с Востока, из какой-то части Юкатана, как он думает, с несколькими последователями,^[59] традиция, которая также с определенностью повторяется местным историком Альвой Икстлильшочитлем, но оставляет местность неопределенной.^[60] Историк Вейтия, с другой стороны, описывает его как прибывшего с Севера взрослого мужчину, высокого роста, с белой кожей и окладистой бородой, босого и с непокрытой головой, одетого в длинную белую мантию, усыпанную красными крестами, и с посохом в руке.^[61]

Каким бы ни было происхождение Кецалькоатля, был ли он ребенком от чудесного зачатия или же взрослым чужеземцем, прибывшим из какой-то далекой страны, все рассказы сходятся в том, что касается величия и чистоты его характера, а также великолепия Толлана при его правлении. Его храм был разделен на четыре помещения: одно на Востоке, желтое с золотом; одно на Западе, голубое с бирюзой и нефритом; одно на юге, белое с жемчугом и ракушками, и одно на Севере, красное с кровавиками; таким образом, символизируя четыре стороны света и четыре четверти мира, над которыми властвует свет.^[62]

Посреди Толлана протекала великая река, и на этой реке или над ней находился дом Кецалькоатля. Каждую ночь в полночь он спускался в эту реку, чтобы искупаться, и место его омовения называлось "В Расписной вазе" или "В Драгоценных Водах".[63] Ибо Шар Света каждую ночь погружается в воды Мирового Потока, и окрашенные заходящим солнцем облака окружают место его омовений.

Я уже говорил, что история Кецалькоатля в Толлане - это всего лишь продолжение конфликта двух первобытных богов-братьев. Это все еще неумолимый Тецкатлипока преследует его и в конце концов побеждает. Но есть одно существенное отличие: в то время как в битве стихий, изображенной в более старом мифе, преобладают взаимное насилие и попеременное разрушение, во всех этих более поздних мифах Кецалькоатль не предпринимает никаких усилий для защиты, почти не протестует, но принимает свое поражение как веление Судьбы, которому бесполезно сопротивляться. Он видит, как вокруг него гибнут его люди, а прекрасный город погружается в руины, но он знает, что это рука Судьбы, и готовится встретить неизбежное со всем стоицизмом и достоинством, на какие только способен.

В первом случае это угасание света темнотой бури и ночи, изображаемое как борьба; в другом - постепенное и спокойное, но верное и неизбежное угасание солнца, когда оно бесшумно опускается за западный горизонт.

Историю о тонкости Тецкатлипоки рассказывают по-разному. В том, что вполне может быть самой старой и простой версией, говорится, что в своем облике Камаштли он поймал оленя с двумя головами, который, пока он хранил его, приносил ему удачу на войне; но, встретившись с одной из пяти созданных им богинь, он родил сына, и из-за этого поступка потерял свою удачу. Его сыном был Кецалькоатль по прозвищу Се Акатль, и он стал владыкой Толлана и знаменитым воином. В течение многих лет он правил городом и, наконец, начал строить очень большой храм. Однажды, когда он был занятого строительством, к нему пришел Тецкатлипока и сказал, что недалеко от Гондураса, в местечке под названием Тлапаллан, для него готов дом, и он должен покинуть Толлан и отправиться туда, чтобы жить и умереть. Кецалькоатль ответил, что небеса и звезды уже предупредили его, что через четыре года он должен уйти отсюда, и что он подчинится. Прошло время, и он взял с собой всех жителей Тулы, и некоторых он оставил в Чолуле, от которых произошли ее жители, и некоторых он поселил в провинции Кускатан, а других - в Семпоале, и, наконец, он добрался до Тлапаллана, и в тот самый день, когда он прибыл туда, он заболел и умер. Что касается Тулы, то она оставалась без жителя в течение девяти лет.[64]

Более подробный отчет дает автор *"Анналов Куаухтитлана"*, произведения, написанного очень давно на языке ацтеков. Он заверяет своих читателей, что его повествование об этих конкретных событиях подробно и точно записано на основе старейших и наиболее достоверных традиций. Вот это: --

Когда те, кто выступал против Кецалькоатля, не преуспели в своих замыслах, они призвали себе на помощь демона или колдуна по имени Тецкатлипока и его помощников. Он сказал: "Мы дадим ему выпить, чтобы притупить его разум, и покажем ему его собственное лицо в зеркале, и он наверняка погибнет". Затем Тецкатлипока сварил из магуи опьяняющий напиток, *пульке*, и, взяв зеркало, завернул его в кроличью шкурку и отправился в дом Кецалькоатля.

"Идите и скажите своему хозяину, - сказал он слугам, - что я пришел показать ему его собственную плоть".

"Что это?" - спросил Кецалькоатль, когда послание было доставлено. "Как он называет мою собственную плоть?" Пойди и спроси его.

Но Тецкатлипока отказался. "Я пришел повидать не вас, а вашего господина", - сказал он слугам. Затем его впустили, и Кецалькоатль сказал:

"Добро пожаловать, юноша, ты много беспокоился. Откуда ты пришел? Что это, моя плоть, которую ты хотел мне показать?"

"Мой господин и священник, - ответил юноша, - я родом со склона горы Ноноалько. Взгляни теперь на свою плоть; познай себя; увидь себя таким, каким тебя видят другие", - и с этими словами он протянул ему зеркало.

Как только Кецалькоатль увидел свое лицо в зеркале, он воскликнул:

"Как это возможно, что мои подданные могут смотреть на меня без страха? Вполне возможно, что они убегут от меня. Как может человек оставаться среди них, такой покрытый гнилыми язвами, с морщинистым лицом и отвратительным видом, как у меня? Меня больше никто не увидит; я больше не буду пугать свой народ".

Затем Тецкатлипока ушел посоветоваться и, вернувшись, сказал:

"Мой господин и повелитель, воспользуйся умением своего слуги. Я пришел утешить тебя. Иди к своему народу. Я скрою твои недостатки с помощью искусства".

"Делай, что тебе заблагорассудится", - ответил Кецалькоатль. "Я посмотрю, какой будет моя судьба".

Тецкатлипока выкрасил свои щеки в зеленый цвет и губы в красный. Лоб он покрасил в желтый цвет и, взяв перья птицы *кечоль*, сделал из них бороду. Кецалькоатль оглядел себя в зеркале, порадовался своей внешности и немедленно отправился повидать свой народ.

Тецкатлипока удалился, чтобы придумать еще один позорный план. Вместе со своими слугами он выпил крепкой *пульке*, которую сам сварил, и снова пришел во дворец правителя Толлана. Им было отказано во въезде, и они спросили свою страну. Они ответили, что они с горы Святого Священника, с холма Толлан. Когда Кецалькоатль услышал это, он приказал впустить их и спросил, зачем они пришли. Они предложили ему *пульке*, но он отказался, сказав, что болен и, более того, что это ослабит его рассудок и может привести к его смерти. Они уговаривали его окунуть в нее только кончик пальца, чтобы попробовать; он подчинился, но даже такое малое количество волшебного напитка лишило его самообладания, и, взяв чашу, он сделал полный глоток и опьянел. Тогда эти порочные люди высмеяли его и закричали:

- Теперь ты чувствуешь себя прекрасно, сын мой; спой нам песню; пой, достойный священник.

Вслед за этим Кецалькоатль начал петь следующее:

"Мой прелестный дом, мой коралловый дом,
я называю его Закуаном по имени;

И должен ли я покинуть его, как ты говоришь?

О боже, о я, и ах, как мне не стыдно".[65]

Поскольку пары спиртного еще больше помутили его рассудок, он позвал своих слуг и приказал им поспешить к его сестре Кецальпетлатль, которая жила на горе Ноноалько, и привести ее, чтобы она тоже смогла отведать божественного напитка. Слуги поспешили прочь и сказали его сестре:

"Благородная леди, мы пришли за тобой. Верховный жрец Кецалькоатль ждет тебя. Он желает, чтобы ты переехала и жила с ним".

Она немедленно повиновалась и пошла с ними. По прибытии Кецалькоатль усадил ее рядом с собой и напоил волшебным пульке. Она сразу же почувствовала его влияние, и Кецалькоатль начал петь в пьяной манере:

"Сестра моя, возлюбленная моя,
Кецаль-петлатль-цин,
Пойдем со мной, выпьем со мной,
Это не грех, не грех, не грех".

Вскоре они были так пьяны, что забыли обо всем разумном; они не читали молитв, не ходили в баню и заснули прямо на полу.[66]

Действительно, печальным был Кецалькоатль на следующее утро.

"Я согрешил, - сказал он, - пятно на моем имени никогда не будет стерто. Я не гожусь править этим народом. Пусть они построят для меня жилище глубоко под землей; пусть они закопают в землю мои яркие сокровища; пусть они бросят сверкающее золото и сверкающие камни в святой источник, где я принимаю свое ежедневное омовение".

Все это было сделано, и Кецалькоатль провел четыре дня в своей подземной гробнице. Когда он вышел, то заплакал и сказал своим последователям, что для него пришло время отправиться в Тлапаллан, Красную Землю, Тлиллан, Темную Землю, и Тлатлаллан, Огненную Землю - все названия одной местности.

Он двигался на восток, пока не пришел к месту, где сходятся небо, земля и вода.[67] Там его слуги сложили погребальный костер, и он бросился в огонь. Когда его тело сгорело, его сердце вознеслось к небесам и через четыре дня стало планетой Венера.[68]

То, что в этой выдумке есть глубокое моральное значение, увидят все; но я придерживаюсь мнения, что это случайно. Средства, которые Тецкатлипока использует для извлечения Кецалькоатля, относятся к двум событиям, отмечающим закат дня. Солнце отражается длинной полосой лучей в поверхностных водах озера или моря; оно теряет силу своих лучей и теряет бодрость; в то время как вечерние туманы, влажность приближающегося выпадения росы и собирающиеся облака затемняют его мощь и предвещают угасание, которое вскоре поглотит яркое светило. Как Кецалькоатль бросал свое сверкающее золото и драгоценные камни в воду, где он совершал свое ночное омовение, или закапывал их в подземных тайниках, так и солнце скрывает его величие под водой или в далеких холмах, в которых он, кажется, тонет. Когда он исчезает в определенное время года, Вечерняя Звезда ярко сияет среди медленных и угасающих лучей, поднимаясь, так сказать, из угасающих огней заката.

На это могут возразить, что легенда повествует о путешествии Кецалькоатля на Восток, а не на закат. Объяснение этого очевидного противоречия несложно. Мудрецы ацтеков когда-то задавали себе вопрос о том, как солнце, которое, кажется, заходит на Западе, может взойти на следующее утро на Востоке? Мунго Парк рассказывает нам, что когда он задал арабам пустыни эту головоломку, они ответили, что вопрос был легкомысленным и ребяческим, поскольку полностью выходил за рамки возможностей человеческого разума. Ацтеки так не думали и разработали определенную теорию, которая преодолела эту трудность. Дело было в том, что на самом деле солнце только приближается к зениту, а затем возвращается на Восток, откуда оно началось. То, что мы, по-видимому, видим как солнце между зенитом и западным горизонтом, на самом деле не само светило, а лишь его *яркость*, одна из его случайностей, а не его субстанция, если пользоваться терминами метафизики. Следовательно, для ацтекского астронома и мудреца дом солнца всегда находится на Востоке.^[69]

Нам нет необходимости прибегать даже к этому объяснению. Солнце, действительно, скрывается на Западе; но его путешествие обязательно должно быть на Восток, потому что именно оттуда он всегда выходит каждое утро. Бог Света обязательно должен ежедневно возвращаться к тому месту, откуда он стартовал.

Символы зеркала и мистического напитка прекрасно знакомы в арийских мифах о солнце. Наиболее известная из историй, относящихся к первой, - это прозрачная история о Нарциссе, вынужденном Немезидой влюбиться в свой собственный образ, отраженный в водах, и изнывать от неудовлетворенной тоски; или, как рассказывает Павсаний, потеряв свою сестру-близнеца (утренние сумерки), он потратил свою жизнь на то, чтобы отметить сходство своих черт с чертами своей ушедшей возлюбленной. "Солнце, когда оно смотрит вниз на свое собственное лицо, отраженное в озере или море, наконец опускается или умирает, все еще глядя на него".^[70]

Некоторые более поздние авторы говорят, что напиток, который выпил Кецалькоатль, должен был даровать бессмертие. Об этом не говорится в самых ранних версиях мифа. Напиток полезен для здоровья и опьяняет, и вызывает желание отправиться на поиски Тлапаллана, но не более того. Оно не наделяет, в отличие от Сомы из Вед, бесконечной жизнью.

Тем не менее, существует еще один миф, который поддерживает эту точку зрения и объясняет ее. Он был рассказан в провинции Мезтитлан, горной стране к северо-западу от провинции Вера-Крус. Его жители говорили на языке науатль, но никогда не подчинялись Монтесумам. Их главным богом был Тецкатлипока, и о нем рассказывали, что однажды он убил Ометочтли (Двух Кроликов), бога вина, по просьбе последнего, полагая, что таким образом он станет бессмертным, и что все остальные, кто пил напиток, которым он руководил, умрут. Его смерть, добавили они, действительно была подобна оцепенению пьяницы, который после того, как его летаргия прошла, встает здоровым. В этом смысле обновления жизни после смерти он руководил местным календарем, отсчетом лет, начинающимся с Тохтли, Кролика.^[71] Таким образом, мы видим, что это миф о смене времен года и о том, что природа снова пробуждается к жизни после холодных месяцев, принесенных холодными дождями поздней осени. Принцип плодородия сам по себе вечен, в то время как каждый индивидуум должен погибать. Бог вина в Мексике, как и в Греции, един с таинственной силой воспроизводства.

Ни один писатель не сохранил таких многочисленных преданий о проделках Тецкатлипоки в Толлане, как отец Саагун. Они, без сомнения, переданы почти устно, как ему их рассказали, и

поскольку он написал свою историю сначала на языке ацтеков, они сохранили всю оригинальность оригинальных рассказов. Некоторые из них кажутся досужими измышлениями рассказчиков, в то время как другие являются прозрачными мифами. Я переведу некоторые из них совершенно буквально, начиная с описания мистического напитка.

Пришло время, когда удаче Кецалькоатля и толтеков пришел конец; ибо против них выступили три колдуна по имени Вицилопочтли, Титлакауэпан и Тлакауэпан,^[72] которые совершали множество злодеяний в городе Туллан. Титлакауан начал их, приняв облик старика небольшого роста и с седыми волосами. С этой фигурой он подошел ко дворцу Кецалькоатля и сказал слугам:

- Я хочу увидеть короля и поговорить с ним.

"Уходи, старик", - сказали слуги. "Ты не можешь его видеть. Он болен. Ты только разозлишь его".

"Я должен увидеть его", - ответил старик.

Слуги сказали: "Подождите", - и, войдя, сказали Кецалькоатлю, что какой-то старик желает его видеть, добавив: "Сир, мы напрасно выгоняли его; он отказывается уходить и говорит, что ему непременно нужно вас увидеть". Кецалькоатль ответил:

- Впусти его. Я так долго ждал его прихода.

Они впустили старика, и он вошел в покои Кецалькоатля и сказал ему:

"Мой господин и сын, как ты? У меня с собой лекарство, которое ты можешь выпить".

"Добро пожаловать, старик", - ответил Кецалькоатль. "Я ждал твоего прибытия много дней".

"Расскажи мне, как ты себя чувствуешь", - попросил старик. "Как твое тело и здоровье?"

"Я очень болен", - ответил Кецалькоатль. "У меня болит все тело, и я не могу пошевелить ни руками, ни ногами".

Тогда старик сказал:

"Сир, взгляни на это лекарство, которое я принес тебе. Оно полезно для здоровья и опьяняет того, кто его пьет. Если ты выпьешь его, оно опьянит тебя, исцелит тебя, успокоит твое сердце, подготовит тебя к трудам и изнурительности смерти или твоего ухода".

"Куда, о древний человек, - спросил Кецалькоатль, - куда я должен идти?"

Старик ответил:

"Ты должен непременно отправиться в Туллан Тлапаллан, где тебя ждет другой старик; вы с ним поговорите, и по возвращении ты превратишься в юношу и к тебе вернется сила твоего отрочества".

Когда Кецалькоатль услышал эти слова, его сердце было потрясено сильным волнением, и старик добавил:

- Милорд, выпейте это лекарство.

"О древний человек, - ответил король, - я не хочу это пить".

"Выпейте это, милорд, - настаивал старик, - потому что, если вы не выпьете это сейчас, позже вам захочется этого; по крайней мере, поднесите это ко рту и попробуйте одну каплю".

Кецалькоатль взял каплю и попробовал ее, а затем залпом выпил ликер, воскликнув:

"Что это? Кажется, что-то очень полезное и с хорошим вкусом. Я больше не болен. Это вылечило меня. Я здоров".

"Выпей еще", - сказал старик. "Это хорошее лекарство, и ты будешь здоровее, чем когда-либо".

Кецалькоатль снова выпил и вскоре опьянел. Он заплакал; сердце его было взволновано, и разум обратился к предложению об отъезде, но коварство старого колдуна не позволило ему отказаться от этой мысли. Лекарство, которое пил Кецалькоатль, было местным белым вином, изготовленным из тех, кого маги называют *теометль*.^[73]

Это было только началом уловок и жонглерства Тецкатлипоки. Превратившись в подобие одного из тех индейцев расы майя, которого звали *Товейом*,^[74] он появился, полностью обнаженный, на рыночной площади Толлана, продавая зеленый перец. Теперь Уэмак, который был связан с Кецалькоатлем во времена владычества Толлана (хотя в других мифах это имя применяется непосредственно к Кецалькоатлю, и это кажется правильной версией),^[75] *y* была единственная дочь исключительной красоты, на которой многие тольтеки тщетно добивались замужества. Эта девушка посмотрела на рынок, где Тецкатлипока стоял в своей наготе, и ее девственный взор упал на признак его мужественности. Сразу же ею овладело непреодолимое желание, любовь настолько сильная, что она заболела и, казалось, вот-вот умрет. Ее женщины рассказали о причине ее отцу, и он послал за фальшивым Товейо, чтобы тот предстал перед ним. Уэмак обратился к нему: -

"Откуда ты пришел?"

"Мой господин, - ответил Товейо, - я чужеземец и пришел продать зеленый перец".

"Почему, - спросил король, - ты не носишь *макстли* (набедренную повязку) и не прикрываешь свою наготу одеждой?"

"Милорд, - ответил незнакомец, - я следую обычаям моей страны".

Затем король добавил:

"Вы пробудили в моей дочери страстное желание; она больна желанием; вы должны вылечить ее".

"Нет, милорд, - сказал незнакомец, - этого не может быть. Лучше убейте меня здесь; я хочу умереть, ибо я недостойн слышать такие слова, как бы я ни был беден и стремлюсь только заработать себе на хлеб, продавая зеленый перец".

Но король настаивал и сказал:

"Не бойся; ты один можешь вернуть мою дочь; ты должен это сделать".

После этого слуги остригли волосы шамана Товейо; они отвели его в баню и покрасили его тело в черный цвет; они надели на него *макстли* и мантию, и король сказал:

"Войди к моей дочери".

Тецкатлипока вошел к ней, и с того часа она была исцелена.

Так обнаженный незнакомец стал зятем великого короля Тулы. Но толтеки были глубоко разгневаны тем, что девушка отдала предпочтение его черному телу перед их яркими формами, и они замыслили убить его. Его поставили в авангарде сражения, а затем они оставили его одного сражаться с врагом. Но он разгромил войска противника и вернулся в Тулу с победой, еще более блестящей из-за того, что они бросили его.

Затем он отплатил за их предательство другим и продолжил свое намерение уничтожить их расу. Он послал глашатая на вершину Холма Криков и через него объявил о великолепном празднестве в честь своей победы и своей женитьбы. Толтеки толпились, мужчины, женщины и дети, чтобы разделить радостную сцену. Тецкатлипока принял их с наигранной дружбой. Взяв свой барабан, он начал бить по нему, сопровождая музыку песней. Когда его слушатели услышали волшебную музыку, они опьянели от ее звуков и, поддавшись ее соблазнительному влиянию, потеряли всякую мысль о будущем или заботу о настоящем. Местность, в которую пригласил их хитрый Тецкатлипока, называлась "Скала над водой".^[76] Это была вершина высокой скалы, у подножия которой текла река, называемая Скалой Света.^[77] Когда день ушел и приблизилась полночь, фокусник, все еще поя и танцуя, повел опьяненную толпу к берегу реки, через которую был перекинут каменный мост. Это он тайно уничтожил, и когда они подошли к тому месту, где это должно было быть, и попытались переправиться, бесчисленная толпа давила друг на друга, все они упали в воду далеко внизу, где скрылись из виду и превратились в камни.

Не слишком ли далеко заходит символизм в попытке истолковать эту басню, изложенную со всей простотой античного мира, с большей прямоотой, чем я считал разумным следовать?

Я сильно склонен рассматривать это как истинный миф, который, выражаясь материалистическим языком, повествует о конце дня и угасании света. Не можем ли мы истолковать деву как Вечерние Сумерки, дитя Дня на закате его жизни? Черный любовник, в которого она смертельно влюблена, разве он не Тьма, в которой рассеиваются сумерки? Бесчисленные толпы толтеков, которые приходят на свадебные торжества и перед полуночью тонут в водах реки со странным названием, разве они не бесконечно многочисленные лучи света, которые гаснут в мировом потоке, когда солнце садится и сумерки растворяются в ночи?

Не можем ли мы пойти дальше и в этой Скале Света, которая твердо стоит у реки, распознать Небесный Холм, возвышающийся рядом с Мировым Потоком? Яркий свет одного дня не может распространиться на следующий. Наступившая ночь разрушает мост, и лучи теряются в темных водах.

Но независимо от того, является ли эта интерпретация слишком рискованной или нет, мы не можем отрицать глубокий человеческий интерес к этой истории и ее поэтические способности. Всепоглощающая страсть любви, очевидно, была столь же присуща индийскому уму, как и средневековому итальянцу. Как в Новой, так и в Старой Испании это могло сломать барьеры ранга и преодолеть колебания девичьей скромности. Любовь, омрачающая душу, как ночь

омрачает день, - это фигура речи, используемая, насколько я помню, самым патетичным из современных ирландских бардов:

"Любовь, тиран, проявляется,
Увы! всемогущая мощь;
Он наступает на шеи принцев,
Он затемняет разум, как ночь".[78]

Я не буду подробно описывать многие другие уловки, с помощью которых Тецкатлипока привел толтеков к их уничтожению. Простого упоминания о них должно быть достаточно. Он призвал тысячи людей прийти работать в розовый сад Кецалькоатля, и когда они собрались вместе, он набросился на них и убил мотыгой. Замаскировавшись под Уицилопочтли, он раздражал людей до тех пор, пока они не забили братьев-богов камнями до смерти, и от разлагающихся тел распространился отвратительный запах, жертвами которого стали толпы толтеков. Он превратил мысль тысяч людей в безумие, так что они добровольно предложили себя в жертву. От его заклинаний все продукты прокисли, и многие погибли от голода.

Наконец Кецалькоатль, измученный несчастьями, приказал сжечь прекрасные дома Толлана, закопать его сокровища и отправиться в путешествие в Тлапаллан. Он превратил деревья какао в растения, не представляющие ценности, и приказал птицам с богатым оперением покинуть землю перед ним.

Первой станцией, на которую он прибыл, был Куаутитлан, где росло высокое раскидистое дерево. Здесь он попросил у своих слуг зеркало и, взглянув в него, сказал: "Я уже стар". Собрав несколько камней, он бросил их в дерево. Они вошли в лес и остались там.

По пути ему предшествовали мальчики, игравшие на флейте. Так он добрался до определенного места, где сел на камень у обочины и оплакал потерю Толлана. На камне остались следы его рук, и слезы, которые он ронял, пронзили его насквозь. До дня Завоевания на эти отпечатки на твердой скале указывали.

У источника Козкапан его встретили колдуны, намеревавшиеся помешать его отъезду:

"Куда ты направляешься?" спросили они. "Почему ты оставил свою столицу? На чьем попечении она?" Кто будет совершать священные обряды?"

Но Кецалькоатль ответил:

- Вы никоим образом не можете помешать моему отъезду. У меня нет выбора, кроме как уйти.

Маги снова спросили: "Куда ты идешь?"

"Я отправляюсь, - ответил Кецалькоатль, - в Тлапаллан. За мной послали. Солнце зовет меня".

"Тогда идите, желаю вам удачи", - сказали они. "Но оставьте нам искусство выплавки серебра, обработки камня и дерева, живописи, плетения из перьев и другие подобные искусства".

Таким образом, они ограбили его и, взяв драгоценные камни, которые он носил с собой, он бросил их в фонтан, откуда он и получил свое название *Козкапан*, Драгоценные камни в воде.

Снова, когда он путешествовал, ему встретился колдун, который спросил его, куда он направляется:

"Я отправляюсь, - сказал Кецалькоатль, - в Тлаллапан".

"Да пребудет с тобой удача, - ответил волшебник, - но сначала выпей этого вина".

"Нет, - ответил Кецалькоатль, - даже глотка не сделал".

"Ты должен попробовать немного этого, - сказал колдун, - даже если это будет сделано силой. Ни одному живому человеку я не дал бы выпить его даром. Я опьяняю их всех. Приди и испей этого".

Кецалькоатль взял вино и выпил его через тростинку, и пока он пил, он опьянел и упал на дороге, где заснул и захрапел.

Так он переходил с места на место, переживая различные приключения. Все его слуги были карликами или горбунами, и при переходе через Сьерра-Неваду они по большей части замерзали насмерть. Проведя линию через Сьерру, он разделил ее надвое и таким образом проделал проход. Он сорвал могучее дерево и перекинул его через другое, образовав таким образом крест. В другом месте он приказал построить подземные дома, которые назывались Миктланкалько, В Доме Тьмы.

Наконец он добрался до морского побережья, где соорудил плот из змей и, усевшись на него, как в каноэ, поплыл в море. Никто не знает, как и каким образом он добрался до Тлапаллана.^[79]

Легенда, которая, по-видимому, была распространена в Чолуле, была несколько иной. Согласно этому, Кецалькоатль много лет был владыкой Толлана, правя счастливым народом. Наконец Тецкатлипока спустился с небес на веревке, сделанной из паутины, и, придя в Толлан, предложил его правителю сыграть в мяч. Вызов был принят, и жители города собрались тысячами, чтобы стать свидетелями этого вида спорта. Внезапно Тецкатлипока превратился в тигра, что так напугало население, что оно бежало в таком смятении и панике, что бросилось через пропасть в реку, где почти все были убиты при падении или утонули в воде.

Затем Кецалькоатль покинул Толлан и странствовал из города в город, пока не достиг Чолулы, где прожил двадцать лет. В то время у него был светлый цвет лица, благородного телосложения, большие глаза, пышные волосы, борода пышная и закругленная. При жизни он был самым целомудренным и честным. Они поклонялись его памяти, особенно по трем причинам: во-первых, потому, что он научил их искусству обработки металлов, которое до его прихода было неизвестно в этой стране; во-вторых, потому, что он запретил приносить в жертву людей или низших животных, уча, что хлеб, розы, благовония и благовония - это все, чего требуют боги; и, наконец, потому, что он запретил войны, разбои, грабежи и все акты насилия и сделал все возможное, чтобы положить им конец. По этим причинам он пользовался большим уважением и нежным почитанием не только у жителей Чолулы, но и у соседних племен на много лиг вокруг. Далекие народы строили в этом городе храмы в его честь и совершали к нему паломничества, во время которых они безопасно проезжали через страны своих врагов.

Двадцать лет назад Кецалькоатль возобновил свое путешествие, взяв с собой четверых лучших юношей города. Когда он достиг точки в провинции Гуазакоалько, которая расположена к юго-востоку от Чолулы, он подозвал к себе четырех юношей и сказал им, что они должны

возвращаться в свой город; что он должен идти дальше; но что они должны вернуться и сказать, что когда-нибудь с востока придут белые и бородатые люди, подобные ему, которые будут владеть этой землей.[80]

Так он исчез, никто не знал, куда. Но другая легенда гласит, что он умер там, на берегу моря, и они сожгли его тело. Некоторые подробности об этом событии приводятся Икстлильшочитлем следующим образом:[81]-

Кецалькоатль по прозвищу Топильцин был владыкой Тулы. В определенное время он предупредил своих подданных, что обязан отправиться "туда, откуда восходит Солнце", но что по истечении определенного срока он вернется к ним в тот год их календаря, который называется *Се Акатль*, Одна Тростинка, которая возвращается каждые пятьдесят два года. Он отправился в путь со многими последователями, некоторых из которых оставлял в каждом городе, который посещал. Наконец он добрался до города Ма Тлапаллан. Здесь он объявил, что скоро умрет, и приказал своим последователям сжечь его тело и все его сокровища вместе с ним. Они подчинились его приказу и в течение четырех дней сжигали его труп, после чего собрали пепел и положили в мешок, сделанный из шкуры тигра.

Введение игры в мяч и тигра в сюжет не такое уж детское занятие, как кажется. Игра в мяч была таким же важным развлечением среди аборигенов Мексики и Центральной Америки, как рыцарские поединки и турниры в Европе в средние века.[82] Города, нации и короли часто натравливались друг на друга. В великом храме Мексики для этой игры были отведены две площадки, на которых, как предполагалось, должно было председательствовать особое божество.[83] На рыночной площади каждого города или рядом с ней были возведены стены для этого вида спорта. В центре этих стен было отверстие немного больше, чем для мяча. Игроки разделились на две группы, и после того, как мяч был брошен, каждая сторона попыталась провести его сквозь стену или через нее. Рука не использовалась, а только бедро или плечи.

С земли игра была перенесена на небеса. Как мяч, отбитый игроком, ударяется о стену, а затем отскакивает обратно, описывая кривую, так и звезды на северном небе кружат вокруг полярной звезды и возвращаются на то место, которое они покинули. Поэтому их движение было названо Игрой Звезд в Мяч.[84]

Один недавний автор утверждает, что популярное поверье ацтеков расширило эту фигуру до более крупной игры, чем эта.[85] Солнце и Луна были огромными шарами, с которыми боги играли в непрерывную игру, то один, то другой одерживал верх. Если это так, то игра между Тецкатлипокой и Кецалькоатлем снова является прозрачной фигурой речи для обозначения состязания ночи и дня.

Мексиканский тигр, *оцелотль*, был хорошо известной фигурой речи на языке ацтеков, обозначавшей ночное небо, усеянное звездами, как тигровая шкура пятнами.[86] Следовательно, тигр, уничтоживший подданных Кецалькоатля - быстроногих, счастливых жителей Тулы, - был не кем иным, как ночью, погасившей лучи сферы света. На картине "Письмена" Тецкатлипока предстает одетым в тигровую шкуру, пятна на которой изображают звезды и, таким образом, символизируют его характер как бога ночного неба.

Вознесение Кецалькоатля из тлеющих углей погребального костра на планету Венера привело нескольких выдающихся исследователей мексиканской мифологии к отождествлению всей его

истории с астрономическими связями этой яркой звезды. Такая интерпретация, однако, не только противоречит результатам, полученным общей наукой о мифологии, но и конкретно противоречит единообразным утверждениям древних авторов. Все они согласны с тем, что только после того, как *после* он завершил свою карьеру, *после* того, как он прошел свой путь и исчез из поля зрения и знаний людей, он был переведен и стал вечерней или утренней звездой.^[87] Это ясно означает, что планета представляла его только в одной, и то второстепенной, фазе его деятельности. Мы легко можем видеть, что отношение Венеры к солнцу, а также вечерние и утренние сумерки наводили на мысль о приятной истории о том, что, когда свет гаснет на западе, он определенным образом сохраняется звездой, которая так ярко висит над горизонтом.

§4. *Кецалькоатль как Повелитель Ветров.*

Как я показал во вводной главе, Бог Света, Владыка Востока, также является хозяином сторон света и ветров, которые дуют от них, и, следовательно, Воздуха.

Особенно это было заметно в случае с Кецалькоатлем. Как божество он чаще всего упоминается как Бог Воздуха и Ветров. Говорили, что он подметал дороги перед Тлалоком; богом дождей, потому что в этом климате сильным ливням предшествуют сильные порывы ветра. Торквемада называет его "Богом Воздуха" и заявляет, что в Чолуле эта функция рассматривалась как его главный атрибут,^[88] и этот термин явно применялся к нему *Нанихе-гекатли*, Повелителю четырех Ветров.

В одном из самых ранних мифов его называют *Яхуалли эхекатль*, что означает "Колесо ветров",^[89] ветры изображены на картине в виде круга или колеса, на котором начертана фигура с пятью углами, священная пентаграмма. Его изображение несло в левой руке это колесо, а в правой - скипетр с загнутым концом.

Еще одно упоминание об этом колесе, или ящике моряка, было в форме храмов, которые были построены в его честь как бога ветров. Нам сообщили, что они были полностью круглыми, нигде без угла.^[90]

Еще одним символом, который был посвящен ему как повелителю четырех ветров, был Крест. Это был не латинский, а греческий крест с четырьмя короткими ветвями равной длины. Некоторые из них были нарисованы на мантии, которую он носил на рисунках, и иногда их можно найти на священных нефритах, на которых изображены другие его символы.

Это часто использовалось одними авторами для доказательства того, что Кецалькоатль был каким-то христианским учителем; а другими - как доказательство того, что эти туземные сказания относились ко времени, последовавшему за Завоеванием. Но минутное рассмотрение значения этого крестообразного символа, отраженного в его местных названиях, показывает, кому он принадлежит и к чему относится. Этих имен три, и их значения таковы: "Бог дождя", "Древо нашей Жизни", "Бог Силы".^[91] Подобно тому, как дожди удобряют поля и созревают урожайные культуры, тот, кто посылает их, действительно является опорой или деревом нашего существования и, таким образом, становится дарителем здоровья и силы. Никаких других объяснений не требуется и, по сути, не допустимо.

Ветры и дожди приходят с четырех сторон света. Этот факт был образно представлен крестообразной фигурой, концы которой направлены в каждую из сторон света. Бог Четырех

Ветров носил эти кресты как одну из своих эмблем. Этот знак стал ассоциироваться с плодородием, размножением и жизнью, благодаря своим ассоциациям как символа дождей, которые восстанавливают иссушенные поля и помогают прорастанию семян. Их влияние в этом отношении наиболее заметно в тех южных странах, где длительный сухой сезон сменяется сильными тропическими ливнями, которые за несколько дней меняют весь облик природы, превращая выжженную стерильность в изобилие растительности.

Как в метеорологии существует тесная связь между ветрами и дождями, так и в мифологии ацтеков столь же тесная связь существовала между Кецалькоатлем, богом ветров, и богами дождя, Тлалоком и его сестрой, или женой, или матерью, Чальчихуитликуэ. Согласно одному мифу, они были созданы четверьма первобытными богами-братьями и помещены на небесах, где занимают большой особняк, разделенный на четыре квартиры, с двориком посередине. В этом дворе стоят четыре огромных сосуда с водой, и бесконечное количество очень маленьких рабынь (дождевых капель) готовы зачерпнуть воду из одного или другого сосуда и вылить ее на землю ливнем.[92]

"Тлалок" буквально означает "Вино Земли", [93] имея в виду, что по мере того, как сердце человека радуется, а его силы оживляются радостным духом вина, почва освежается и восстанавливается дождями. *Тлалок текутли*, Повелитель Вина Земли, был правильным титулом мужского божества, которое посылало оплодотворяющие дожди и таким образом заставляло семя расти в бесплодных местах. Именно он дал обильный урожай и спас иссохшее и гибнущее зерно после засухи. Поэтому к нему обращались как к дарителю благ, зерна и вина; и название его дома, Тлалокан, стало синонимом названия земного рая.

Его жена или сестра, Чалчихуитликуэ, Обладательница Изумрудных Юбок, была богиней текущих потоков, ручьев, озер и рек. Ее название, вероятно, связано с их прозрачными водами.[94] Его получают из *чальчихуитля*, разновидности нефрита или драгоценного зеленого камня, очень высоко ценимого туземцами Мексики и Центральной Америки, и изготавливаемого ими изукрашений и талисманов, часто искусно выгравированных и испещренных символами, с помощью искусства, ныне полностью утраченного.[95] Согласно одному мифу, мать Кецалькоатля взяла имя *чальчихуитль* "когда она вознеслась на небеса";[96] по другому, он был зачат от такого священного камня;[97] и всеми он был назван первооткрывателем искусства их огранки и полировки и божеством-покровителем работников в этой отрасли.[98]

Ассоциация этого камня и его цвета, голубовато-зеленого различных оттенков, с Богом Света и Воздуха, может иметь отношение к голубому небу, где у него есть свой дом, или к голубым и зеленым водам, где он устраивает себе постель. Какой бы ни была связь, она была настолько тесной, что праздники всех троих - Тлалока, Чальчихуитликуэ и Кецалькоатля - отмечались вместе в один и тот же день, который был первым в первый месяц ацтекского календаря, в феврале.[99]

В своем характере бога дней, божества, возвращающего дневные солнца и, следовательно, времена года, Кецалькоатль был известным изобретателем мексиканского календаря. Говорили, что он сам родился в Се Акатль, Один Тростник, который был первым днем первого месяца, началом отсчета, и название дня часто добавлялось к его собственному.[100] Поскольку отсчет дней действительно начинался с начала, было добавлено, что сами Небеса были созданы в этот же день, Се Акатль.[101]

В некоторых мифах Кецалькоатль был единственным составителем Календаря; в других ему помогала первая созданная пара, Чипактли и Оксомуко, которые, как я уже говорил, по-видимому, представляют Небо и Землю. Местом их обсуждения была указана некая пещера в провинции Куэрнава (Куаунауак). Чипактонал выбрал первое имя, Оксомуко - второе, Кецалькоатль - третье, и так далее по очереди.[102]

Во многих мифологиях боги света и тепла, по естественной аналогии, считаются также божествами, отвечающими за изобилие, плодородие и размножение. Это было совершенно очевидно в случае с Кецалькоатлем. Его земля и город были домами изобилия; его народ, тольтеки, "были искусны во всех искусствах, которым их научил сам Кецалькоатль. Более того, они были очень богаты; у них ни в чем не было недостатка; в пище никогда не было недостатка, и урожай никогда не падал. У них не было необходимости спасать маленькие початки кукурузы, поэтому все, что они из них делали, это сжигали при нагревании своих ванн".[103]

Таким образом, будучи покровителем плодородия в растительном мире, он был также гением размножения в человеческой расе. Церемонии бракосочетания, которые были в ходу у ацтеков, приписывались ему,[104] и когда жена обнаружила, что ждет ребенка, именно к нему ей было велено обратиться со своей благодарностью. Один из ее родственников прочитал ей официальное наставление, которое начиналось следующим образом:

"Моя возлюбленная маленькая дочь, драгоценная, как сапфир и нефрит, нежная и щедрая! Наш Господь, который пребывает повсюду и изливает свои щедроты на кого пожелает, вспомнил о тебе. Теперь Бог желает дать вам плод брака и вложил в вас драгоценный камень, богатое перо. Возможно, вы наблюдали, подметали и возносили благовония; за такими добрыми делами проявилась доброта Господа, и на Небесах и в Аду, еще до сотворения Мира, было решено, что вам будет дарована эта благодать. По этим причинам наш Господь, Кецалькоатль, который является автором и творцом всего сущего, оказал вам эту милость; так решил Он на небесах, который одновременно является и мужчиной, и женщиной и известен под именами Дважды Господин и Дважды Госпожа".[105]

В старых летописях записано, что священники, посвященные ему в служение, носили своеобразный головной убор, имитирующий раковину улитки, и по этой причине назывались *Quateczizque*. [106] Никто не объяснил эту странную форму шляпы. Но это, несомненно, было потому, что Кецалькоатль был богом размножения, поскольку у ацтеков улитка была хорошо известным символом процесса родов.[107]

Кецалькоатль был тем замечательным художником, который создает в утробе матери изящные конечности и нежные органы будущего младенца. Поэтому, когда супружеская пара высокого ранга была благословлена ребенком, их посетил официальный оратор, и, когда перед ним поставили обнаженного младенца, он обратился к нему, начиная со следующих слов:

"Дитя мое и повелитель, драгоценный камень, изумруд, сапфир, прекрасное перо, продукт благородного союза, ты был создан намного выше нас, на девятом небе, где обитают два высших божества. Его Божественное Величество вылепил тебя по форме, как вылепляют золотой шар; ты был высечен как драгоценный камень, искусно обработанный твоими Отцом и Матерью, великим Богом и великой Богиней, которым помогал их сын Кецалькоатль".[108]

Поскольку он, таким образом, был богом, от которого зависело оплодотворение матки, бесплодные женщины приносили ему свои обеты и взывали к его помощи, чтобы избавиться от позора бесплодия.[109]

Эта функция его божественности проявляется еще в одном направлении. Поклонение генетическому принципу так же часто характеризуется чрезмерной аскезой, как и потворством сексуальным актам. Вот пример. Почти все свидетельства говорят нам, что Кецалькоатль никогда не был женат и что он держался в стороне от всех женщин, соблюдая абсолютное целомудрие. Нам рассказывают, что однажды его подданные настаивали на том, что брак уместен, и на их домогательства он ответил мрачным ответом, что да, он решил жениться; но это будет тогда, когда дуб будет бросать каштаны, когда солнце взойдет на западе, когда можно будет пересечь море без обуви и когда у соловьев отрастут бороды.[110]

Следуя примеру своего Учителя, многие жрецы его культа воздерживались от сексуальных отношений, и в качестве умерщвления плоти они практиковали болезненный обряд, протыкая язык и мужской член острыми шипами растения магуэй, аскетизм, который, согласно их традициям, он был первым, кто ввел.[111] Также в городах, где было в моде его особое поклонение, были дома монахинь, обительницы которых дали обет вечной девственности, и говорили, что сам Кецалькоатль основал эти дома. учреждения.[112]

На его связь с поклонением репродуктивному принципу, по-видимому, дополнительно указывает его фамилия, *Се акатль*. Это означает "Одна тростинка" и является названием дня в календаре. Но в языке науатль слово *акатль*, тростник, кукурузный стебель, также применяется к мужскому члену; и было высказано предположение, что это реальное значение слова применительно к богу-герою. Это предположение правдоподобно, но, по-видимому, ранние авторы не придавали этому слову такого значения. Если бы такое понимание существовало в настоящее время, оно вряд ли ускользнуло бы от расспросов такого прилежного ученика и в совершенстве владеющего языком науатль, как отец саагун.

С другой стороны, в подтверждение этого отождествления следует сказать, что та же идея, по-видимому, передается символом змеи. Один из правильных переводов имени Кецалькоатль - "прекрасный змей"; в его храме в городе Мехико, согласноТорквемаде, была дверь в виде змеиной пасти; и в*Ватиканском кодексе*, № 3738, опубликованном лордом Кингсборо, объяснение которого у нас есть от компетентных местных властей, он представлен в виде змеи; в то время как в том же Кодексе, в астрологических знаках, которые, как предполагалось, контролируют различные части человеческого тела, змей изображен как знак бога. мужской член.[113] Это указывает на вероятность того, что в своей функции бога размножения Кецалькоатль, возможно, имел какое-то отношение к фаллическим ритуалам.

Этот же знак, *Се Коатль*, Змея, используемый в их астрологии, был знаком одного из богов торговцев, и, очевидно, по этой причине некоторые авторы отождествляют главного бога дорожного движения Якатекутли (Бога путешествий) с Кецалькоатлем. Это кажется тем более вероятным, что другим именем этого божества было*Якаколиуки*, С Загнутым концом, имя, которое, по-видимому, относится к изогнутому жезлу или палке, которая была как его знаком, так и одним из знаков Кецалькоатля.[114] Торговцы также постоянно ассоциировали в своих молитвах это божество с Уицилопочтли, что является еще одной причиной предположить, что их покровителем был один из четырех первобытных братьев, и всего лишь еще одним проявлением Кецалькоатля. Его репутация покровителя искусств, образца для ораторов и

сторонника мирных отношений между людьми, естественно, соответствовала бы этому положению.

Но Кецалькоатль, как бог жестоких штормов, разрушающих дома и посевы, и как человек, который в своей собственной истории был изгнан из своего королевства и потерял все, не считался божеством неизменно хорошего предзнаменования. Его день и знак, *се акатль*, Одна Тростинка, были плохим предзнаменованием. Человек, родившийся на нем, не преуспел бы в жизни.^[115] Его планы и имущество были бы утрачены, как бы унесены ветром и растворились в воздухе.

Благодаря связи своей личности с пронырливыми ветрами он, как ни странно, стал святым покровителем определенного класса воров, которые одурманивали своих жертв, прежде чем ограбить их. Они обратились к нему с просьбой применить его пагубную силу к тем, кого они планировали лишить их имущества. Его изображение стояло во главе банды, когда они совершали свои набеги, и предпочтительным временем года было, когда его знак находился в восходящем положении.^[116] Это странная параллель арийскому мифу о Гермесе, как я уже отмечал ранее (*глава I*).

Изображение Кецалькоатля в ацтекских рукописях, его изображения и формы его храмов и алтарей указывают на его двойные функции Повелителя Света и Ветров.

Он не был представлен с приятными чертами лица. Напротив, Саагун говорит нам, что его лицо, то есть изображение, было "очень уродливым, с большой головой и окладистой бородой".^[117] Борода в этом и подобных случаях должна была символизировать солнечные лучи. По той же причине иногда показывали, что его волосы поднимаются прямо надо лбом.^[118]

Иногда его изображали в большой шляпе и развевающемся одеянии, и тогда его называли "Отцом сыновей Облаков", то есть дождевых капель.^[119]

Эти различные изображения, несомненно, относились к нему на разных этапах его неоднозначной карьеры и как к богу в различных проявлениях его божественной природы. Религиозное искусство ацтеков не требовало какого-либо единообразия в этом отношении.

§5. Возвращение Кецалькоатля.

Кецалькоатль исчез.

Удалился ли он во дворец, приготовленный для него в Тлапаллане, уплыл ли он в море на своем волшебном плоту из змеиных шкур, или его тело было сожжено на песчаном морском берегу, а душа вознеслась к утренней звезде, мудрецы не пришли к единому мнению. Но в одном пункте было единодушие. Кецалькоатль ушел; *но он вернется*.

В свое время, в знак своего года, когда возраст созреет, он снова придет с востока, окруженный своей светлолицей свитой, и восстановит власть своего народа и их потомков. Тецкатлипока победил, но ненадолго. Непреложные законы, которые зафиксировали разрушение Толлана, предписывали также его восстановление. Такова была всеобщая вера среди расы ацтеков.

По этой причине статуя Кецалькоатля или одна из них находилась в полулежачем положении и была покрыта бинтами, что означало его отсутствие, "как у того, кто укладывает его спать, и что

когда он пробудится от этого сна отсутствия, он должен подняться, чтобы снова править страной".[120]

Он не был мертв. Он действительно построил подземные особняки для Владыки Миктлана, обители мертвых, места тьмы, но сам он их не занимал.[121] Он проводил свое время там, где солнце остается на ночь. Поскольку это тоже находится где-то ниже уровня земли, о нем иногда говорили как о *Тлиллапе*, Мрачной Земле,[122] и, следовательно, в родстве с Миктаном. К нему вели пещеры, особенно одна к югу от Чапультепека, называемая *Синкалько*, "Обитель изобилия", по мрачным коридорам которой можно было добраться до обители солнца и счастливой страны, все еще управляемой Кецалькоатлем и его помощником Тотekom.[123]

Но настоящие названия этой земли были Тлапаллан, Красная Земля, и Тизапан, Белая Земля, поскольку любой из этих цветов соответствует солнечному свету.[124]

Обычно считалось, что это та же земля, откуда он и толтеки пришли в древние времена; или, если не совсем та же, тем не менее, очень похожая на нее. В то время как миф называет последнего Тлапалланом, в нем говорится о первом как о Хьюи Тлапаллане, Старом Тлапаллане или первом Тлапаллане. Но Старый Тлапаллан обычно располагался на Западе, где солнце исчезает ночью;[125] в то время как Новый Тлапаллан, цель путешествия Кецалькоатля, находился на Востоке, где утром восходит дневное светило. Взаимосвязь очевидна и основана на сходстве утреннего и вечернего неба, небес на закате и на восходе солнца.

В качестве магистра искусств и, в то же время, правителя подземного царства, другими словами, как представляющий в свое отсутствие Солнце ночью, он должен был руководить школами, где молодежь была заперта и строго обучалась аскетической жизни, прежде чем выйти в мир. На этой церемонии к нему обращались как *Кецалькоатль Тлилпотонки*, Темный или с Черным оперением, и ребенка, при поступлении, раскрашивали в этот цвет, а из его ушей брали кровь и приносили в жертву богу.[126] Вероятно, по той же причине на многих рисунках его лицо и тело были почерневшими.

На первый взгляд странно видеть, что его характер и символы таким образом в некотором смысле поменялись местами, но было бы нетрудно привести аналогичные примеры из арийской и египетской мифологии. Ночное солнце часто считалось правителем царства мертвых и стало ассоциироваться с его мрачной символикой.

Где бы он ни находился, ожидалось, что Кецалькоатль вернется и вновь примет скипетр суверенитета, который он сложил по наущению Тецкатлипоки. Мудрецы не знали, в каком цикле он появится, но год этого цикла был предсказан им самим в древности.

Здесь проявляется необычайное совпадение. Знаком года Кецалькоатля был, как я уже сказал, Один Тростник, Се Акатль. В мексиканском календаре это повторяется только один раз в их цикле из пятидесяти двух лет. Ходил миф, что в каком-то повторении этого года должно было состояться его прибытие. 1519 год христианской эры был годом Первого Рида, и в тот год Эрнан Кортес высадил свою армию на мексиканской земле!

Приближение нового года, как обычно, возродило старое суеверие, и, возможно, какие-то смутные слухи с Юкатана или Островов усилили страх, с которым мексиканский император размышлял о возможной потере своего суверенитета. Сообщалось о предзнаменованиях в небе, на земле и в водах. Советовались с мудрецами и прорицателями, но их ответы были

темнее, чем невежество, которое их просили рассеять. Да, согласились они, грядут перемены, нынешний порядок вещей будет сметен, возможно, Кецалькоатлем, возможно, отвратительными существами со змеиными лицами, которые ходят на одной ноге, чьи головы спрятаны на груди, чьи огромные руки служат солнцезащитными козырьками и которые могут складываться в свои огромные уши.[\[127\]](#)

Не удовлетворившись этими гротескными пророчествами, монарх призвал своих карликов и горбунов - класс иждивенцев, которых он содержал в подражание Кецалькоатлю, - и приказал им проследовать в священную пещеру Чинкалько.

"Войди в его темноту, - сказал он, - без страха. Там вы найдете того, кто много веков назад жил в Туле, кто называет себя Уэмак, Великая Рука.[\[128\]](#) Если кто-то войдет, он действительно умрет, но только для того, чтобы родиться для вечной жизни в стране, где еды и вина в постоянном изобилии. Он тенист от деревьев, полон фруктов, пестрит цветами, и те, кто живет там, не знают ничего, кроме радости. Уэмак - король этой земли, и тот, кто живет с ним, всегда счастлив.

Карлики и горбуны отправились выполнять свою миссию под руководством жрецов. Через некоторое время они вернулись и сообщили, что вошли в пещеру и достигли места, где сходились четыре дороги. Они выбрали то, что спускалось быстрее всего, и вскоре к ним подошел старик с посохом в руке. Это был Тотек, который привел их к своему господину Уэмаку, которому они изложили желание Монтесумы получить определенную информацию. Ответ был расплывчатым и угрожающим, и хотя дважды после этого император отправлял другие посольства, священники получали в ответ только злоешие и неясные объявления.[\[129\]](#)

Очевидно, они предпочитали быть пророками зла и, вполне возможно, сами были рабами мрачных предчувствий.

Неудовлетворенный их сообщениями, Монтесума решил сам посетить подземное царство и, проникнув через пещеру Чинкалько, добраться до таинственной страны, где, по его словам, находились его слуги и жрецы. По очевидным причинам такое предложение показалось им неприятным, и им удалось убедить его отказаться от этого плана, и их обман остался нераскрытым.

Их досужие рассказы не принесли облегчения встревоженному монарху, и, наконец, когда художники показали ему изображения бородатых испанцев и нитки сверкающих бус от Кортеса, император больше не мог сомневаться и воскликнул: "Воистину, это тот Кецалькоатль, которого мы ожидали, тот, кто в древности жил с нами в Туле. Несомненно, это он, *Ce Acatl Inacuil*, бог Одного Тростника, который путешествует".[\[130\]](#)

Во время своей самой первой беседы с Кортесом он обратился к нему через переводчицу Марину в замечательных словах, которые сохранил до нас сам испанский завоеватель. Кортес пишет:--

"Передав мне подарки, он сел рядом со мной и заговорил следующим образом:

"Из писаний, переданных нашими предками, мы давно знаем, что ни я, ни кто-либо другой, населяющий эту землю, не являемся ее уроженцами, а иностранцами, пришедшими сюда из отдаленных уголков. Мы также знаем, что нас привел сюда правитель, подданными которого мы все были, который вернулся в свою страну и спустя долгое время снова пришел сюда и пожелал

забрать свой народ. Но они женились и построили дома, и они не захотели ни пойти с ним, ни признать его своим царем; поэтому он вернулся. Мы всегда верили, что те, кто принадлежал к его роду, когда-нибудь придут и объявят эту землю своей, а нас - его вассалами. С той стороны, откуда вы пришли, то есть там, где восходит солнце, и из того, что вы рассказываете мне об этом великом господе, который послал вас, мы верим и считаем несомненным, что он наш естественный правитель, тем более что вы говорите, что он давно знал о нас. Поэтому вы можете быть уверены, что мы будем повиноваться вам и будем уважать вас как занимающего место этого великого лорда; и во всей стране, которой я правлю, вы можете отдавать любые приказы, какие пожелаете, и они будут выполняться, и все, что у нас есть, будет предоставлено к вашим услугам. И поскольку вы, таким образом, находитесь в своем собственном наследии и в своем собственном доме, расслабьтесь и отдохните от усталости путешествия и войн, которые у вас были в пути".[131]

Таково было необычное обращение, с которым испанец и его горстка людей были приняты самым могущественным военным вождем американского континента. Оно выражало полное подчинение без борьбы. Но это было выражением общего настроения. Когда испанские корабли впервые достигли берегов Мексики, туземцы целовали их борта и приветствовали белых и бородатых пришельцев с востока как богов, сыновей и братьев Кецалькоатля, вернувшихся из своего небесного дома, чтобы заявить о своих правах на земле и вернуть райские дни;[132] надежда, сухо замечает отец Мендьета, от которой бедные индейцы вскоре отказались, когда почувствовали на себе действия своих гостей.[133]

Подобные предчувствия были обнаружены разбросанными по всей Америке. Они вызвали подозрение историков и озадачили антикваров объяснениями. Но их интерпретация достаточно проста. Первобытный миф о солнце, которое зашло, но должно было взойти снова, со временем утратил свой особый религиозный смысл и частично был воспринят как отсылка к прошлым историческим событиям. Бог Света слился с героем божественной культуры. Считалось, что это он ушел не для того, чтобы умереть, ибо он был бессмертен, а для того, чтобы поселиться на далеком востоке, откуда со временем вернется.

Вот почему Монтесума и его подданные приняли белых как ожидаемых гостей и процитировали им пророчества об их пришествии. Майя с Юкатана, муиски из Боготы, квичуа из Перу - все они поступали так же и все на тех же основаниях - в твердой надежде на возвращение Бога Света из подземного мира.

Эта надежда является неотъемлемой частью великого Мифа о Свете, в какой бы части мира мы его ни обнаружили. Осирис, хотя и убит, а его тело брошено в "нечистое море", снова придет с восточных берегов. Бальдр, убитый кознями Локи, мертв не навсегда, но в назначенное время появится снова в более благородном величии. Так в своей божественной ярости поет пророчица Велуспы:

"Восстанет во второй раз,
Земля из океана, зеленая и прекрасная,
Воды спадут, орлы полетят,
Выловят рыбу из прилива.

"И снова будут найдены чудесные руны,
Золотые таблички;

Мистические руны, вырезанные озирами,
Богами, правившими родом Фьолнира.

"Тогда вырастут несеянные поля,
Беды убегут, и придет Бальдер,
Поселится в высочайшем чертоге Одина,
Он и все счастливые боги.

"Затмевает солнце тот могучий чертог,
Сверкает золотом небесный холм;
Там будут жить богоподобные князья,
И править во имя счастья миром".

[Сноска 1: Альфредо Чаверо, *Пьедра дель Соль*, в *Национальном музее Мексики*, Том. II, с. 247.]

[Footnote 2: Chavero, *Anales del Museo Nacional de Mexico*, Tom. II, стр. 14, 243.]

[Footnote 3: *Historia de las Cosas de Nueva España*, Lib. VII, глава II.]

[Footnote 4: "La barba longa entre cana y roja; el cabello largo, muy llano." Диего Дуран, *История*, в Кингсборо, т. viii, с. 260.]

[Footnote 5: "Coatecalli, que quiere decir el templo de la culebra, que sin metáfora quiere decir templo de diversos dioses." Duran, *Historia de las Indias de Nueva España*, cap. LVIII.]

[Footnote 6: Becerra, *Felicidad de Méjico*, 1685, quoted in Veitia, *Historia del Origen de las Gentes que poblaron la América Septentrional*, cap. XIX.]

[Сноска 7: В египетской "Книге мертвых" Ра, Бог Солнца, говорит: "Я - душа и ее близнецы", или: "Моя душа становится двумя близнецами". "Это означает, что душа бога солнца едина, но теперь, когда она рождена свыше, она разделяется на две основные формы. Ра поклонялись в Ане в двух его выдающихся проявлениях: как Туму, первобытному богу, или, более определенно, богу вечернего солнца, и как Гармахису, богу нового солнца, солнца на рассвете." Тиле, *История египетской религии*, стр. 80.]

[Сноска 8: Сэр Джордж У. Кокс, *Наука сравнительной мифологии и фольклорных преданий*, стр. 14, 83, 130 и т.д.]

[Footnote 9: Gerónimo de Mendieta, *Historia Ecclesiastica Indiana*. Библиотека. II, глава XIX.]

[Сноска 10: "Папачтик, гедехудо; Папачтли, гедеха о ведии капеллос, о другой козе асси". Molina, *Vocabulario de la Lengua Mexicana*. sub voce. Хуан де Тобар, в Кингсборо, т. viii, стр. 259, прим.]

[Сноска 11: Мендьета, *Эклезиастическая история Индианы*, Библиотека ii, глава xvi.]

[Сноска 12: *Мойокоятцин*, является третьим лицом единственного числа от *йокоя*, делать, совершать, с благоговейным окончанием *тзин*. Саагун говорит, что этот титул был дан ему потому, что он мог делать все, что ему заблагорассудится, на земле или на небесах, и никто не мог ему помешать. (*Historia de Nueva España*, Lib. III. глава II.) Мне кажется, что это скорее относилось бы к его демиургической, творческой силе.]

[Сноска 13: Все эти названия можно найти в Саагуне, *История Новой Испании*.]

[Footnote 14: The description of Clavigero is worth quoting: "TEZCATLIPOCA: Questo era il maggior Dio, che in que paesi si adorava, dopo il Dio invisible, o Supremo Essere. Era il Dio della Provvidenza, l' anima del Mondo, il Creator del Cielo e della Terra, ed il Signor di tutte le cose. Rappresentavanolo tuttora giovane per significare, che non s' invecchiava mai, nè s' indeboliva cogli anni." *Storia Antica di Messico*, Lib. vi, p. 7.]

[Сноска 15: Саагун, *История*, Библиотека ii, глава xxxvii.]

[Сноска 16: *Анализ Национального музея*, Том ii, стр. 257.]

[Сноска 17: Саагун, *История*. Библиотека. vi, заглавные. ix, xi, xii.]

[Сноска 18: Сеньор Альфредо Чаверо считает, что Тецкатлипока изначально был луной, и нет никаких сомнений, что временами это был один из его символов как правителя тьмы. М. Жирап де Риаль, с другой стороны, называет его солнечным божеством. "Il est la personnification du soleil sous son aspect corrupteur et destructeur, ennemi des hommes et de la nature." *La Mythologie Comparée*, p. 334 (Paris, 1878). Я уверен, что более тщательное изучение первоначальных источников привело бы г-на де Риаль к изменению этого мнения. Он чрезвычайно далек от вывода, к которому пришел М. Терно-Компан, который говорит: "Тецкатлипока - это персонификация прекрасного принца". *Essai sur la Théogonie Mexicaine*, p. 23 (Paris, 1840). Оба мнения одинаково неполны. Dr. Schultz-Sellack considers him the "Wassergott," and assigns him to the North, in his essay, *Die Amerikanischen Götter der Vier Weltgegenden*, *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. xi, 1879. Это более близко подходит к его истинному характеру.]

[Сноска 19: Торквемада, *Монархия, Индиана*, Библиотека. XIV, глава. XXII.]

[Сноска 20: Главными авторитетными источниками о рождении бога Кецалькоатля являются "История Мексики сус Пинтурас" Рамиреса де Фуэнле, глава i, напечатанная в "Анализах Национального музея"; "Теллеруано-Ременсис" и "Ватиканский кодекс", оба из которых находятся в "Мексиканских древностях Кингсборо".

[Сноска 21: Названия Cipactli и Cipactonal не были проанализированы удовлетворительным образом. Происхождение, предложенное сеньором Чаверо (*Анализ Национального музея*, Том ii, стр. 116), просто причудливо; *тональ*, без сомнения, от *тона*, сиять, предупреждать; и я думаю, что *чипактли* - это смягченная форма с личным окончанием от *чипауак*, что-то красивое или ясное. Следовательно, значение этого соединения - Прекрасное Сияющее. Оксомуко, которое Чаверо производит от *отксомитл*, нога, возможно, то же самое, что и *Шмукане*, мать человеческой расы, согласно *Пополь Вух*, название, которое, как я уже показывал в другом месте, по-видимому, происходит от корня майя, означающего "скрывать" или "закапывать в землю". Намек на оплодотворяющее действие теплого света на семена, скрытые в почве. См. *Имена богов в мифах киче*, пер. амер. Фил. соч. 1881.]

[Сноска 22: Название "Чичимека" было загадкой. Производное, по-видимому, от *чичи*, собаки, *мекатль*, веревки. Согласно общей традиции, чичимеки были варварским народом, населявшим Мексику до прихода ацтеков. И все же Саагун говорит, что толтеки были настоящими чичимеками (Lib. x, глава xxix). В мифе, который мы сейчас рассматриваем, они явно были звездами.]

[Footnote 23: *Popol Vuh, Le Livre Sacré des Quichés*, p. 193.]

[Footnote 24: See H. de Charencey, *Des Couleurs Considérées comme Symboles des Points de l'Horizon chez les Peuples du Nouveau Monde*, in the *Actes de la Société Philologiques*, Tome vi. No. 3.]

[Сноска 25: Эти ужасные существа назывались *цицимиме*, слово, которое Молина в своем словаре переводит как "коза эспантоса - коза де агуэро". Подробное обсуждение их места в мексиканской мифологии см. *Анализ Национального музея*, Том ii, стр. 358-372.]

[Сноска 26: Вся эта версия мифа взята из работы Рамиреса де Фуэн-леаля, которого я считаю в некоторых отношениях самым ценным авторитетом, которым мы располагаем. Это было взято непосредственно из священных книг ацтеков, как объяснили наиболее компетентные люди, пережившие Завоевание.]

[Сноска 27: Альфредо Шаверо, *Пьедра дель Соль*, в *Анализе Национального музея*, Том i, стр. 353, и далее.]

[Сноска 28: А.С. Гатше, *Четыре творения человечества*, миф о туалати, в *Трудах Антропологического общества Вашингтона*, Том i, стр. 60 (1881).]

[Footnote 29: Paul Haupt, *Der Keilinschriftliche Sintfluthbericht*, p. 17 (Leipzig, 1881).]

[Сноска 30: Габриэль де Шавес, *Рассказ о провинции Мезтитлан*, 1556 г., в *Сборнике документов индийского архива*, Том iv, стр. 535 и 536. Переводы названий даны не Чавесом, но я думаю, что они правильные, за исключением, возможно, третьего, которое может быть соединением *стентетль*, липстоун, *темиктли*, мечта, вместо с *темикти*, истребительница.]

[Сноска 31: *Иксуина* также было именем богини наслаждения. Происходит от *ixtli* - лицо, *cui* - брать и *на* - четыре. Видеть во внимание мм. Jourdanet и Симеон, чтобы их перевод Саагун, *истории* стр. 22.]

[Footnote 32: Dr. Schultz Sellack, *Die Amerikanischen Götter der Vier Weltgegenden und ihre Tempel in Palenque*, in the *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. xi, (1879).]

[Сноска 33: "Тоналан, "лугар дель соль", - говорит Тезозомокъ (*Мексиканская хроника*, глава i). Полная форма - *Тонатлан*, от *тона*, "хасер сол", и место окончания - *тлан*. Происхождение от *tollin*, "тростник", не имеет значения, и это не имеет значения по сравнению с тем, что на картинке, на которой написано "Толлан", изображен пучком тростника (Kingsborough, vol. vi, стр. 177, примечание), поскольку это было просто в соответствии с правилами написания картинок, которые представляли имена ребусами. Еще более бесполезным является вывод, приведенный Эррерой (*История Западной Индии*, дек. iii, Lib. i, глава xi), что это означает "Лугар-де-тунец" или место, где встречается тунец (плод опунции); поскольку слово *тунец* вообще не от ацтеков, а принадлежит к тому диалекту аравак, на котором говорят уроженцы Кубы и Гаити.]

[Сноска 34: В *Книгах Чилана Балама* майя, в *Записях из Текпан Атитлана* какчикелей и в *Пополь вух*, Национальной книге киче, есть много интересного о Тулане. Все эти произведения

были написаны очень рано местными жителями, и все они сохранились на языках оригинала, хотя, к сожалению, была опубликована только последняя из упомянутых.]

[Сноска 35: Саагун, *История*, Библиотека iii, глава iii.]

[Сноска 36: Дюран, *История индейцев*, в Кингсборо, vol. viii, с. 267.]

[Сноска 37: Франсиско Эрнантес Арана Хахила, *Мемориал Текпана Атитлана*. МИСС ин Чакчикель, в моем распоряжении.]

[Сноска 38: *Ле Пополь Вух*, стр. 247. Название *Яки* означает на языке киче цивилизованный или отполированный и применялось к ацтекам, но по своему происхождению оно происходит от ацтекского корня *яух*, откуда *яке* - путешественники и особенно торговцы. Кичи, распознав в ацтекских купцах высший и образованный класс людей, переняли в свой язык название, которое купцы дали себе сами, и использовали это слово в вышеупомянутом смысле. Compare Sahagun, *Historia de Nueva España*, Lib. ix, cap. xii.]

[Сноска 39: Толтекатль, согласно Молине, - это "официальное лицо в области механики, маэстро" (*Словарь мексиканского языка*, S.V.). Это второстепенное значение. Veitia justly says, "Toltecatl quiere decir artifice, porque en Thollan comenzaron a enseñar, aunque a Thollan llamaron Tula, y por decir Toltecatl dicen Tuloteca" (*Historia*, cap. xv).]

[Сноска 40: Их название было *Tlanqua semilhuique*, составленное из *tlanqua* "стискивать зубы", как при сильной решимости, и *semilhuitia* "бегать в течение целого дня". Саагун, *История*, Библиотека iii, глава. iii и Lib. x, глава xxix; сравните также миф о Тецкатлипоке, замаскированном под старуху, жнущую кукурузу, запах которой мгновенно привлекал толтеков, как бы далеко они ни находились. Когда они пришли, она убила их. Id. Lib. iii, глава xi.]

[Сноска 41: "Ученик", Дюран, *История*, в Кингсборо, том. vii, с. 260.]

[Сноска 42: там же.]

[Сноска 43: О характере толтеков, как он изображен здесь, см. Икстлильшочитль, *"Исторические отношения"*, и Вейтия, *"История"*, *"страсть"*.]

[Footnote 44: "Se metió (Quetzalcoatl) la tierra adentro hasta Tlapallan ó segun otros Huey Xalac, antigua patria de sus antepasados, en donde vivió muchos años." Ixtlilxochitl, *Relaciones Historicas*, стр. 394, в Кингсборо, том ix. Xalac, происходит от *xalli*, песок, с окончанием местного падежа. На науатльском *xalli aquia* "войти в песок" означает умереть.]

[Footnote 45: "Dicen que caminó acia el Oriente, y que se fué á la ciudad del Sol, llamada Tlapallan, y fué llamado del sol." Libro. viii, Пролог.]

[Сноска 46: Рамирес де Фуэнлеаль, *История. de los Mexicanos*, cap. viii.]

[Сноска 47: *Монаркия Индиана*, Библиотека vi, глава xxiv. *Samaxtli* также встречается в форме *Yoamaxtli*; это показывает, что оно представляет собой соединение *maxtli*, покрывающего, одежды, и *са*, субстантивного глагола, или, в последнем случае, *yoalli*, ночи; следовательно, это "мантия" или "одеяние ночи" ("la faja nocturna", *Анализы Национального музея*, Том ii, стр. 363).]

[Сноска 48: *Ватиканский кодекс*, табл. х; *Теллеруано-Ременский кодекс*, Раздел ii, Лам. ii. Название происходит от *чалчихуитля*, нефрита, и *вицтли*, шипа, которым протыкают язык, уши и пенис при жертвоприношении. *Чималман*, правильное, *Чималматл*, происходит от *чималли*, щит, и, вероятно, *матлалин*, зеленый.]

[Сноска 49: Мендьета, *Эклезиастическая история Индианы*, Библиотека ii, глава vi.]

[Сноска 50: там же.]

[Footnote 51: Motolinia, *Historia de los Indios de Nueva España, Epistola Proemial*, p. 10. Первой женой была Иланкуэйтль, *отилантли*, старая женщина, и *куэйтль*, юбка. Gomara, *Conquista de Méjico*, p. 432.]

[Сноска 52: Происхождение ацтлана от *aztatl*, цапли, было отвергнуто Бушманом и лучшими исследователями ацтеков. Оно происходит от того же корня, что *иизлак*, белый, с местным окончанием *тлан*, и означает Белую или Светлую Землю. Смотрите тему, обсуждаемую в Buschmann, "*Об истории искусства*". стр. 612, и недавно у сеньора Ороско-и-Берра, в "*Анализах Национального музея*", Том ii, стр. 56.]

[Сноска 53: Колхуакан - это местная форма. Обычно оно происходит от *coloā*, изгибаться, округляться. Отец Дюран говорит, что это другое название Ацтлана: "Estas cuevas son en Teoculacan, что касается другого номбре се ламы Ацтлана". *Historia de los Indios de Nueva España*, Lib. i, cap. i.]

[Сноска 54: Мендьета, *Эклезиастическая история Индианы*, Библиотека ii, глава xxxiii.]

[Сноска 55: Смотрите мою работу, *Мифы Нового Света*, стр. 242.]

[Footnote 56: "En esta tierra nunca envejecen los hombres. * * * Este cerro tiene esta virtud, que el que ya viejo se quiere remozar, sube hasta donde le parece, y vuelve de la edad que quiere." Дюран, в Кингсборо, т. viii, с. 201.]

[Сноска 57: *Ixtlilxochitl, Исторические связи*, стр. 330, в Кингсборо, том ix.]

[Сноска 58: В работе Рамиреса де Фуэнлеала (глава viii) говорится, что Тескатлипока был первооткрывателем пульке, опьяняющего вина Магуэй. В Мезтитлане он ассоциировался с богами этого напитка и опьянения. Следовательно, вероятно, что имя *Меконецин*, примененное к Кецалькоатлю в этом мифе, означало, что он был сыном Тецкатлипоки.]

[Сноска 59: Торквемада, *Монаркия, Индиана*, Библиотека vi, глава xxiv. По-видимому, это была каноническая доктрина в Чолуле. Mendieta says: "El dios ó idolo de Cholula, llamado Quetzalcoatl, fué el mas celebrado y tenido por mejor y mas digno sobre los otros dioses, segun la reputacion de todos. Este, segun sus historias (aunque algunos digan que de Tula) vino de las partes de Yucatan á la ciudad de Cholula." *История Эклезиастики, Индиана*, Библиотека ii, глава x.]

[Сноска 60: *История чичимеков*, глава i.]

[Сноска 61: *История*, глава xv.]

[Сноска 62: Саагун, Библиотека ix, глава xxix.]

[Сноска 63: Название ванны Кецалькоатля по-разному дается как *Ксикапоян*, от *ксикалли*, вазы, сделанные из тыкв, и *поян*, для рисования (Саагун, Библиотека iii, глава iii); *Чалчиухапан*, от *атл*, сосуд для воды *chalchiuitl*, драгоценный, блестящий, нефритовый камень (*id.*, Lib. x, cap. xxix); и *Атесрапатоско*, от *атл*, вода, *текпан*, королевский, *амочтли*, любой блестящий белый металл, например олово, и, следовательно, в падеже *со*, в Сияющей Королевской воде (*Анализы Куаутитлана*, стр. 21). Эти имена интересны как иллюстрация ореола символизма, окружавшего историю Бога Света.]

[Footnote 64: Ramirez de Fuen-leal, *Historia de los Mexicanos por sus Pinturas*, cap. viii.]

[Сноска 65: В оригинале -

Кетцаль, кетцаль, не калли,
закуан, не зови тапача
Не зови ника якауаза
И я, и я, и кильмах.

Буквально-

Прекрасен, прекрасен (мой) дом
Закуан, мой коралловый дом;
Мой дом, я должен покинуть его.
Увы, увы, говорят они.

Закуан, вместо того чтобы быть именем собственным, может означать богатую желтую кожу птицы по имени *закуантототль*.]

[Сноска 66: Неясно, по крайней мере в переводах, намекает ли миф на кровосмесительную связь между Кецалькоатлем и его сестрой. В песне он называет ее "Nohueltiuh", что строго означает "Моя старшая сестра"; но Мендоса переводит это как "Querida esposa mia". *Кецальпетлатль* означает "красивый ковер", *петлатль* - это коврик, которым покрывают полы и т.д. Это было бы наиболее подходящей фигурой речи для описания богатого тропического пейзажа, "устланного цветами", как мы говорим; и поскольку в примитивной космогонии земля старше солнца, я подозреваю, что эта история о Кецалькоатле и его сестре относится к солнцу, опускающемуся с небес, по-видимому, на землю. "Los Nahoas," remarks Chavero, "figuraban la tierra en forma de un cuadrilátero dividido en pequeños quatros, lo que semijaba una estera, *petlatl*" (*Anales del Museo Nacional*, Tom. ii, p. 248).]

[Сноска 67: Обозначается в ацтекском оригинале именем *Теоапан Илхуикаатенко*, от *теотл*, божественный, *атл*, вода, *пан*, в *ильуикаке*, небе, *атенко*, берег: "Возле божественной воды, там, где небо встречается с берегом".]

[Сноска 68: Весь этот отчет взят из *Аналитических материалов Куаутитлана*, стр. 16-22.]

[Сноска 69: Рамирес де Фуэнлеаль, *История*, глава xx, стр. 102.]

[Сноска 70: сэр Джордж А. Кокс, *Наука о мифологии и фольклоре*, стр. 96.]

[Footnote 71: Gabriel de Chaves, *Relacion de la Provincia de Meztitlan*, 1556, in the *Colecion de Documentos Ineditos del Archivo de Indias*, Tom. iv, p. 536.]

[Сноска 72: Титлакауан был распространенным названием Тецкатлипоки. Три колдуна на самом деле были тремя братьями Кецалькоатля, представлявшими три другие стороны света.]

[Сноска 73: От *теотль*, божество, божественная, и *метл*, маг. Из двадцати девяти разновидностей магуэя, ныне описанных в Мексике, ни одна не носит этого названия; но Эрнандес упоминает о нем и говорит, что он был назван так потому, что существовало суеверие, согласно которому человек, которому скоро предстоит умереть, не должен держать в руках его ветку; но если он хотел выздороветь или избежать надвигающейся опасности, он мог держать его с легкостью и чувствовать себя от этого лучше. См. Nieremberg, *Historia Naturae*, Lib. xiv, глава xxxii. "Teomatl, vitae et mortis Index."]

[Сноска 74: *Toveyome* - это множественное число от *toveyo*, которое Молина в своем словаре переводит как "иностранец, незнакомка". Саагун говорит, что это было применено, в частности, к уастекам, племени майя, живущему в провинции Пануко. *Истории* др., Lib. x, глава xxix, §8.]

[Сноска 75: *Уэмак* - это соединение *уэй*, великий, и *мэйтл*, рука. Тезозомок, Дюран и различные другие авторы присваивают это имя Кецалькоатлю.]

[Сноска 76: *Тескалапан*, от *тескалли*, скала, и *апан*, над водой.]

[Сноска 77: *Texcaltlauhco*, от *тескалли*, скала, *тлаулли*, свет и местное окончание *co*, *by*, *in* или *at*.]

[Сноска 78: Кларенс Мэнган, *Стихи* "Невеста моряка".]

[Сноска 79: Эти мифы взяты из третьей книги "*Истории народов Новой Испании*" Саагуна. Они были записаны им на первоначальном языке науатль из уст туземцев, и он передает их слово в слово так, как они были пересказаны.]

[Сноска 80: Об этой версии мифа см. Мендьета, *Эклезиастическая история Индианы*, Библиотека ii, заглавные буквы v и x.]

[Сноска 81: *Ixtlilxochitl*, *Исторические связи*, стр. 388, в Кингсборо, том ix.]

[Сноска 82: Торквемада дает длинное, но неясное описание этого. *Монархия Индиана*, Библиотека xiv, глава xii.]

[Footnote 83: Nieremberg, "De septuaginta et octo partibus maximi templi Mexicani," in his *Historia Naturae*, Lib. viii, cap. xxii (Antwerpt, 1635). Одно из них называлось "Площадка для игры в мяч у Зеркала", возможно, с особой отсылкой к этой легенде. "Trigesima secunda Tezcatlacho, locus erat ubi ludebatur pilâ ex gumî olli, inter templa." Название происходит от *тецкатль*, зеркало, *тлачтли*, игра в мяч, и местного окончания *co*.]

[Сноска 84: "*читлалтлахтли*", от *citlalin* "звезда" и *tlachtli* "игра в мяч". Alvarado Tezozomoc, *Cronica Mexicana*, cap. lxxxii. Неясный отрывок, в котором Тезозомок ссылается на это, остроумно проанализирован в *Анализе Национального музея*, Том ii, стр. 388.]

[Сноска 85: *Анализ Национального музея*, Том ii, стр. 367.]

[Footnote 86: "Segun los Anales de Cuauhtitlan el ocelotl es el cielo manchado de estrellas, como piel de tigre." *Anales del Mus. Нац.*, ii, стр. 254.]

[Сноска 87: Теллеруано-Ременский кодекс, лист xiv.]

[Сноска 88: Саагун, *История*, Библиотека i, глава v. Торквемада, *Монаркия Индиана*, Библиотека vi, глава xxiv.]

[Footnote 89: "Queçalcoatl y por otro nombre yagualiecatl." Рамирес де Фуэн-леаль, *История*, глава i. *Яхуалли* происходит от корня *яуал* или *ты*, круговой, округляющий, и применялся к различным объектам круглой формы. Знак Кецалькоатля назван Саагуном, используя местное слово "эльЙоэль де лос Вьентос" (*История*, ubi выше).]

[Footnote 90: "Se llaman (á Quetzalcoatl) Señor de el Viento * * * A este le hacian las yglesias redondas, sin esquina ninguna." *Теллеруано-Ременский кодекс*. Parte ii, Lam. ii. Describing the sacred edifices of Mexico, Motolinia says: "Habio en todos los mas de estos grandes patios un otro templo que despues de levantada aquella capa quadrada, hecho su altar, cubrianlo con una pared redonda, alta y cubierta con su chapital. Este era del dios del aire, cual dijimos tener su principal sella en Cholollan, y en toda esta provincia habia mucho de estos. A este dios del aire llamaban en su lengua Quetzalcoatl," *Historia de los Indios*, Epistola Proemial. Сравните также Эрперу, *"История Западной Индии"*, дек. ii, Либ. vii, глава xvii, который описывает храм Кецалькоатля в городе Мехико и добавляет, что он был круглым: "порке, как комо эль Айре и аль редедор дель Сиело, как хасианский храм редондо".]

[Сноска 91: ацтекские слова: *Quiahuitl teotl*, *quiahuitl*, дождь, *teotl*, бог; *Tonacaquahuitl*, от *до*, наш, *нака*, плоть или жизнь, *quahuitl*, дерево; *Чикауализтеомль*, от *чикауализтли*, сила или мужество, и *теомль*, боже. Эти названия даны Икстлильшочитлем, *История чичимеков*, глава i.]

[Footnote 92: Ramirez de Fuen-leal, *Historia de los Mexicanos*, cap. ii.]

[Сноска 93: *Тлалли*, земля, *происходит* от *октли*, местного вина, производимого из магуэя, огромные количества которого в наши дни потребляют низшие классы Мексики и которое было хорошо известно древним. Другое происхождение названия происходит от *тлалли* и *онок*, быть, следовательно, "проживающий на земле". Это кажется неуместным.]

[Сноска 94: От *chalchihuitl*, нефрит, и *sueitl*, юбка или подъюбник, с притяжательной приставкой, *я*, она.]

[Сноска 95: См., например, Г. Сквайер, *Наблюдения за коллекцией чалчихуитлей из Центральной Америки*, Нью-Йорк, 1869 г., и Генрих Фишер, *Нефрит и нефритовый камень для первооткрывателей Срочных исследований и этнографических исследований*, Штутгарт, 1880 г., для полного обсуждения предмета.]

[Сноска 96: Теллеруано-Ременский кодекс, Раздел ii, Часть ii.]

[Сноска 97: См. выше, глава iii, §3]

[Сноска 98: Торквемада, *Монаркия Индиана*, Библиотека vi, глава xxiv.]

[Сноска 99: Саагун, *Хисиория*, Библиотека ii, глава i. Достойный, но дальновидный мексиканский антиквар Дон Дж.М. Мелгар признал в мифологии ацтеков частотность символизма, выражающего оплодотворяющее действие неба (солнца и дождей) на землю. Он

думает, что в некоторых рукописях, таких как *Кодекс Борджиа*, это представлено кроликом, оплодотворяющим лягушку. See his *Examen Comparativo entre los Signos Simbolicos de las Teogonias y Cosmogonias antiguas y los que existen en los Manuscritos Mexicanos*, p. 21 (Vera Cruz, 1872).]

[[Сноска 100](#): *Ватиканский кодекс*, Стр. xv.]

[[Сноска 101](#): *Codex Telleriano Remensis*, Стр. xxxiii.]

[[Сноска 102](#): Мендьета, *История. Эклезиастия Индиана*, Глава ii, глава xiv. "Una tonta fictcion", - комментирует это повествование достойный хронист, - "сын лас Демас, как креанская церковь смерти". Таково было всеобщее мнение. Моя цель при написании этой книги состоит в том, чтобы она больше не была универсальной.]

[[Сноска 103](#): Саагун, *История*, Библиотека iii, глава iii.]

[[Сноска 104](#): Вейтия, глава xvii, в Кингсборо.]

[[Сноска 105](#): Саагун, *История*, Библиотека vi, глава xxv. Бисексуальная природа мексиканских богов, упомянутая в этом отрывке, хорошо заметна во многих чертах их мифологии. Кецалькоатлю часто обращаются в молитвах как к "отцу и матери", точно так же, как в египетском ритуале к Хнуму обращались как к "отцу отцов и матери матерей" (Tiele, *Hist. o egiptской религии*, стр. 134). Я попытался объяснить эту широко распространенную веру в божества-гермафродиты в моей работе, озаглавленной "*Религиозное чувство, его источник и цель*", стр. 65-68 (Нью-Йорк, 1876).]

[[Сноска 106](#): Дюран, в Кингсборо, том viii, стр. 267. Это слово происходит от *quaitl*, голова или макушка, и *teczitzli*, раковина улитки.]

[[Footnote 107](#): "Mettevanli in testa una lumaca marina per dimostrare que siccome il piscato esce dalle pieghe di quell'osso, o conca. cosi vá ed esce l'uomo *ab utero matris suae*." *Codice Vaticana*, *Tavola XXVI*.]

[[Сноска 108](#): Саагун, *История*, Библиотека vi, глава xxxiv.]

[[Сноска 109](#): Торквемада, *Монаркия, Индиана*, Библиотека xi, глава xxiv.]

[[Сноска 110](#): Дюран, в Кингсборо, том viii, стр. 267. Я полагаю, что Альва Икстлильшочитль - единственный автор, который специально приписывает Кецалькоатлю семью. Этот автор не упоминает жену, но называет двух сыновей: одного, Ксилоцина, который был убит на войне, другого, Почотла, котороговоспитывала его няня Токкуэйе, и который после разрушения Толлана собрал рассеянных тольтеков и поселился с ними вокруг озера Тецкоко (*Relaciones Historicas*, стр. 394, в Кингсборо, том ix). Все это противоречит отчетам более ранних и компетентных органов. For instance, Motolinia says pointedly, "no fué casado, ni se le conoció mujer" (*Historia de los Indios, Epistola Proemial*).]

[[Сноска 111](#): *Ватиканский кодекс*, табл. xxii.]

[[Сноска 112](#): Вейтия, *История*, загл. XVII.]

[Сноска 113: Сравните Ватиканский кодекс, № 3738, листы 44 и 75, Кингсборо, Мексиканские древности, том ii.]

[Сноска 114: Сравните Торквемаду, *Монаркия Индиана*, Библиотека vi, глава xxviii и Саагуна, *История Новой Испании*, Библиотека ix, *passim*.

Якатекутли, происходит от *текутли*, господин, и либо *яки*, путешественник, либо *якана*, проводник.

Якаколиуки, в переводе Торквемады, означает "эль ке тиене ла нарис аквиленья". Оно происходит от *уа́que*, острие или конец, и, следовательно, также нос, и *colihuiqui*, загнутый или изогнутый. Перевод в тексте столь же допустим, как и у Торквемады, и более уместен. Я уже упоминал, что доктор Шульц-Селлак подозревал, что это божество является просто другой формой Кецалькоатля. См. выше, глава iii, §2]

[Сноска 115: Саагун. *История*, Lib. iv, глава. viii.]

[Сноска 116: Там же. Библиотека. IV, глава. XXXI.]

[Footnote 117: "La cara que tenia era muy fea y la cabeza larga y barbuda." *История*, Библиотека. III, глава. III. С другой стороны, Икстлильшочитль говорит о нем как о "прекрасной фигуре". *История чичимеки*, сар. viii. Иногда его изображали с лицом, выкрашенным в черный цвет, что, вероятно, символизировало отсутствие солнца.]

[Сноска 118: Так он изображен в Ватиканском кодексе. and Ixtlilxochitl says, "tubiese el cabello levantado desde la frente hasta la nuca como á manera de penacho." *История чичимеков*, глава viii.]

[Сноска 119: Диего Дуран, *История*, в Кингсборо, viii, стр. 267.]

[Сноска 120: Торквемада, *Монаркия, Индиана*, Библиотека vi, глава xxiv. Итак, в египетской мифологии Тум назывался "скрытым или заключенным в тюрьму богом, в физическом смысле Богом Солнца во тьме ночи, не раскрывающим себя, но, тем не менее, живым". Тиле, *История египетской религии*, стр. 77.]

[Сноска 121: Саагун, *История*, Lib. iii. сар. ult.]

[Сноска 122: Мендиета, *История. Эклезиаст. Индиана*, Библиотека ii, глава v. Название происходит от *тлилли*, чего-то темного, неясного.]

[Сноска 123: Саагун, *История*, Lib. xii, сар. ix; Дюран, *История*, глава. lxviii; Тезозомокъ, *Хрон. Мексика*, глава. ciii. Саагун и Тезозомок дали название *Чинкалько* Дому Кукурузы, то есть Плодородию, Изобилию, Раю. Дюран приводит *Cicalco* и переводит это как "дом любви", *citli*, заяц, *калли*, дом, со местоимением. Но это, без сомнения, ошибка, поскольку *citli* ошибочно принимают за *чинтли*, кукурузу.]

[Сноска 124: *Тизапан* от *тизатль*, белая земля или другое вещество, и *пан*, ин. Мендикта, Глава ii, глава iv.]

[Footnote 125: "Huitlapalan, que es la que al presente llaman de Cortes, que por parecer vermeja le pusieron el nombre referido." Альва Икстлильшочитль, *История чичимеков*, глава ii.]

[Сноска 126: Саагун, Библиотека iii, Приложение, глава vii. и ср. Lib. i, cap v. Фамилия происходит от *тлилли*, черный, и *потониу*, "эмплумар а отро".]

[Сноска 127: Имена этих загадочных существ даны Тезозомоком как *Tezocuilyoxique*, *Zenteicxique* и *Коайксаки*. *Мексиканская хроника*, заглавные буквы, cviii и civ.]

[Сноска 128: Уэмак, как я уже сказал, по утверждению Саагуна, был военным вождем Тулы, поскольку Кецалькоатль был главой жречества (Lib. iii, глава v). Но Дюран и большинство авторов утверждают, что это было просто другое имя Кецалькоатля.]

[Сноска 129: Тезозомок, *Мексиканская хроника*, загл. cviii, six; Саагун, *История*, Библиотека xii, глава ix. Четыре дороги, которые пересекались на пути в Подземный мир, также описаны в "Пополь Вух", стр. 83. Каждая из них разного цвета, и только по одной безопасно следовать.]

[Сноска 130: Тезозомокъ, *Мексиканская хроника*, загл. cviii.]

[Сноска 131: Кортесы, *Вторая Хартия*, 30 октября 1520 года. По словам Берналя Диаса, Монтесума несколько раз ссылаясь на это предсказание. *Historia Verdadera de la Conquista de la Nueva España*, cap. lxxxix, xc. Слова Монтесумы также приводятся отцом Саагуном, *История Новой Испании*, Lib. xii, глава xvi. Заявление Монтесумы о том, что Кецалькоатль уже вернулся, но не был хорошо принят людьми и, следовательно, снова покинул их, очень интересно. Это отчетливо проявляется в киче, которое я процитирую на следующей странице, а также находится в тесной параллели с мифами о героях Юкатана, Перу и других мест. На мой взгляд, это убедительное доказательство точности перевода Мариной слов Монтесумы и верности памяти Кортеса.]

[Сноска 132: Саагун, *История*, Библиотека xii, глава ii.]

[Footnote 133: "Los Indios siempre esperaron que se habia de cumplir aquella profecia y cuando vieron venir á los cristianos luego los llamaron dioses, hijos, y hermanos de Quetzalcoatl, aunque despues que conocieron y experimentaron sus obras, no los tuvieron por celestiales." *История Эклезиастики*, *Индиана*, Библиотека ii, глава x.]

ГЛАВА IV.

БОГИ-ГЕРОИ МАЙЯ.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАЙЯ - ОТКУДА ОНА ЗАРОДИЛАСЬ - ДУБЛИРУЕТ ТРАДИЦИИ.

§1. Культурный герой Ицамна.

ИЦАМНА КАК ПРАВИТЕЛЬ, СВЯЩЕННИК И УЧИТЕЛЬ - КАК ГЛАВНЫЙ БОГ И СОЗДАТЕЛЬ МИРА - ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ МИФ ЛАС КАСАСА О ХРИСТЕ - ЧЕТЫРЕ БАКАБА-ИЦАМНА КАК ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРОВ И ДОЖДЕЙ- СИМВОЛ КРЕСТА - КАК ПОВЕЛИТЕЛЬ СВЕТА И ДНЯ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГО РАЗЛИЧНЫХ ИМЕН.

§2. Культурный герой Кукулькан.

КУКУЛЬКАН Как СВЯЗАННЫЙ С КАЛЕНДАРЕМ-ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ-МИФ О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ- СЧАСТЛИВОЕ ПРАВЛЕНИЕ КУКУЛЬКАНА И ЧУДЕСНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ-СВЯЗЬ С

КЕЦАЛЬКОАТЛЕМ-МИФОЛОГИЯ АЦТЕКОВ И МАЙЯ-КУКУЛЬКАН, БОЖЕСТВО МАЙЯ-ОЖИДАЕМОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГОВ-ГЕРОЕВ-ПРОРОЧЕСТВА МАЙЯ -ИХ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Расцвет древней американской цивилизации был достигнут майя, расой, населявшей полуостров Юкатан и его окрестности. Его члены распространились до Тихоокеанского побережья и включали племена Вера-Пас, Гватемала, и части Чьяпаса и Гондураса, а также имели отдаленное ответвление в жарких низменностях, омываемых рекой Пануко, к северу от Вера-Крус. В целом, было подсчитано, что на момент Завоевания они насчитывали около двух миллионов душ. Им обязаны обширные структуры Копана, Паленке и Ушмаля, и только они обладали способом письма, который отчетливо опирался на фонетическую основу.

Однако зенит их процветания миновал за столетие до того, как испанские завоеватели вторглись на их территорию. Большая часть полуострова Юкатан на протяжении поколений мирно управлялась конфедерацией нескольких племен, столицей которой был Майяпан, расположенный в десяти лигах к югу от того места, где сейчас находится Мерида, и руины которого до сих пор занимают многие сотни акров равнины. Где-то около 1440 года произошло всеобщее восстание восточных провинций; сам Майяпан подвергся нападению и был разрушен, а полуостров был разделен между несколькими мелкими вождями.

Таково было его политическое состояние на момент открытия. Существовало множество густонаселенных городов, хорошо построенных из камня и строительного раствора, но их жители враждовали друг с другом и были лишены единства цели.^[1] Следовательно, они стали сравнительно легкой добычей конкистадоров.

Откуда взялась эта цивилизация? Была ли она ответвлением цивилизации ацтеков? Или она породила последних?

Эти интересные вопросы я не могу сейчас обсуждать полностью. Все, что касается моей настоящей цели, - это рассматривать их в той мере, в какой они связаны с мифологией расы. Однако, между прочим, это прольет некоторый свет на эти неясные моменты и, во всяком случае, позволит нам отвергнуть некоторые распространенные предположения как ошибочные.

Одним из них является представление о том, что толтеки были основоположниками культуры Юкатана. Надеюсь, в предыдущей главе я сказал достаточно, чтобы навсегда изгнать из древней американской истории этих чисто воображаемых существ. Они достаточно долго служили последним прибежищем невежества.

Давайте лучше спросим, что рассказывали сами майя о происхождении своего искусства и своих предков.

К сожалению, у нас открыты очень скудные источники информации. У нас нет Саагуна, который мог бы рассказать нам о традициях и молитвах этого странного народа. Только фрагменты их легенд и намеки на их историю были спасены, почти случайно, от общего крушения их цивилизации. Из них, однако, можно собрать достаточно информации, чтобы дать нам представление об их первоначальной форме, и мы обнаружим, что она мало чем отличается от тех, которые мы уже рассмотрели.

На Юкатане, по-видимому, существовало два различных цикла мифов: самый древний и общий, относящийся к Ицамне, и второй, более поздний и иного происхождения, относящийся к

Кукулькану. Едва ли возможно, что это могут быть разные версии одного и того же; но, безусловно, туземцы считали их отличными друг от друга во время Завоевания и задолго до него.

Это видно из рассказа, который они дали о своем происхождении. Они не претендовали на автохтонность, но утверждали, что их предки пришли из отдаленных регионов двумя группами. Самая крупная и древняя иммиграция была с Востока, через океан, или, скорее, через него, - ибо боги открыли двенадцать путей через него, - и ею руководил мифический цивилизатор Ицамна. Вторая группа, меньшая по численности и более поздняя по времени, пришла с Запада, и с ними был Кукулькан. Первое называлось Великим прибытием; второе - Меньшим прибытием[2].

§1. Культурный герой Ицамна.

К этому древнему лидеру Ицамне народ обращался как к своему проводнику, наставнику и цивилизатору. Это был он, который дал названия всем рекам и участкам суши; он был их первым жрецом и научил их надлежащим обрядам, с помощью которых можно было угодить богам и умиловить их недоброжелательство; он был покровителем целителей и прорицателей и открыл им таинственные свойства растений; в месяце Уо они собрали и развели новый огонь и воскурили ему благовония, и, очистив свои книги водой, взятой из источника, из которого никогда не пила ни одна женщина, самые образованные из мудрецов открыли тома, чтобы предсказать характер грядущего солнца. год.

Именно Ицамна первым изобрел символы или буквы, которыми майя писали свои многочисленные книги и которые они в таком изобилии вырезали на камне и дереве своих зданий. Он также разработал их календарь, даже более совершенный, чем у мексиканцев, хотя в целом похожий на него[3].

Его история как градостроителя и короля тесно связана с благородными зданиями Ицамаля, которые он заложил и построил и которыми правил, принимая мудрые законы и продлевая могущество и счастье своего народа на неопределенный период.

Таким образом, об Ицамне, считавшемся правителем, жрецом и учителем, без сомнения, говорили как об историческом персонаже, и поэтому различные историки, даже самые поздние[4]. Но другая форма, в которой он появляется, доказывает, что он был воплощением божества, и переносит его историю с земли на небеса. Это показано в самом раннем из имеющихся у нас сведений о мифологии майя.

Этим рассказом мы обязаны знаменитому Лас Касасу, "Апостолу индейцев". В 1545 году он послал некоего священника по имени Франсиско Эрнандес на полуостров в качестве миссионера. Эрнандес уже путешествовал по нему в качестве капеллана экспедиции Монтехо в 1528 году и был до некоторой степени знаком с языком майя. После почти года, проведенного среди туземцев, он направил Лас Касасу отчет, в котором, среди прочего, отметил сходство, которое, по-видимому, существовало между мифами, рассказанными жрецами майя, и христианскими догмами. Они сказали ему, что высшим божеством, которому они поклонялись, была Изона, сотворившая людей и все сущее. У него родился сын по имени Бакаб или Бакабаб, от девственницы Чибилас, матерью которой была Иксхель. Бакаб был убит неким Эпуко в день, называемый хемикс, но через три дня воскрес из мертвых и вознесся на небеса. Святой Дух был представлен Эчуаком, который снабдил мир всем необходимым для жизни и комфорта

человека. На вопрос, что означает Бакаб, они ответили: "Сын Великого Отца", а Эчуака они перевели как "торговец".[5]

Это история, которую, по словам современного писателя, "следует безоговорочно отвергнуть".[6] Но я думаю, что нет. Нетрудно восстановить эти названия в их правильной форме, и тогда воображаемое сходство с христианской теологией исчезнет, в то время как характер первоначального мифа станет очевидным.

Коголлудо давно справедливо истолковал "*Изону*" как неправильное толкование *Изамны*. *Бакабаб* является формой множественного числа от *Бакаб* и показывает, что сыновей было несколько. Мы хорошо знакомы с бакабабами. Епископ Ланда рассказывает нам о них все. Их было четверо, четыре гигантских брата, которые поддерживали четыре угла небес, которые дули четырьмя ветрами с четырех сторон света и которые руководили четырьмя Доминирующими знаками Календаря. Поскольку предполагалось, что каждый год в Календаре находится под влиянием того или иного из этих братьев, считалось, что один Бакаб умирает в конце года; и после того, как проходили "безымянные" или вставные дни, жил следующий Бакаб; и поскольку каждое исчисление года начиналось в день *Imix*, который был третьим перед закрытием недели мая, образно говоря, это был день смерти Бакаба того года. И хотя три (или четыре) дня спустя начался новый год с другим Бакабом, говорили, что тот умер и воскрес снова.

Далее в мифе говорится, что бакабы были сыновьями Икс-чель. Она была Богиней Радуги, что и означает ее имя. Точно так же считалось, что она является хранительницей рожениц и одной из покровительниц медицинского искусства. Ранние историки, Роман и Ланда, также связывают ее с Ицамной[7], таким образом подтверждая легенду, записанную Эрнандесом.

То, что Радугу следует олицетворять как супругу Бога Света и мать богов дождя, - идея, строго соответствующая ходу мифологической мысли красной расы, и основанная на естественных отношениях, слишком очевидных, чтобы их можно было неправильно истолковать. Радугу можно увидеть только во время ливня и при свете солнца; следовательно, она всегда ассоциируется с этими двумя метеорологическими явлениями.

Я могу привести для сравнения миф о радуге у моксо Южной Америки. Они считали ее женой Арамы, их бога света, и ее долгом было проливать освежающие дожди на землю, иссушенную свирепым оком ее могущественного супруга. Поэтому они смотрели на нее как на богиню вод, деревьев и растений и плодородия в целом.[8]

Или мы можем взять муйсков, культурный и интересный народ, который жил на высоком плато, где расположена Богота. Они поклонялись Радуге под именем *Кучавивы* и олицетворяли ее как богиню, которая особенно заботилась о больных лихорадкой и роженицах. Она также была тесно связана в их мифе с их культурным героем Бочикой, история которого заключалась в том, что однажды, когда злонамеренное божество затопило равнину Боготы, Бочика явился бедствующим жителям в компании с Кучавивой и, расколов горы ударом своего золотого скипетра, открыл проход для воды в долину внизу.[9]

Как богиня оплодотворяющих дождей, роста и жизни, легко увидеть, как Икшель стала божеством как рожениц, так и медицинского искусства, Юноной Соспитой, а также Юноной Люциной.

Также важно утверждение, что Бакабы должны были стать жертвами Ах-пучаха, Разорителя,^[10] хотя точное значение этого персонажа в мифической драме остается неопределенным.^[11]

Предполагаемый Святой Дух, Эчуак, собственно Ах-Киуик, Хозяин Рынка, был богом торговцев и плантаций какао. Он образовал триаду с двумя другими богами, Чаком, одним из богов дождя, и Хобнелом, также богом снабжения продовольствием. К этой триаде путники, останавливаясь на ночлег, ставили дыбом три камня и клали перед ними три плоских камня, на которых воскуривали благовония. На их празднике в месяце *Муан* каждый присутствующий осушил ровно три кубка местного вина (медовухи).^[12]

Описание некоторых подобных ритуалов, без сомнения, привело достопочтенного Эрнандеса к предположению, что майя придерживались тринитарных доктрин. Когда они говорили, что бог торговцев и плантаторов удовлетворяет потребности людей и снабжает мир желанными вещами, это был всего лишь слегка фигуральный способ изложения простой истины.

Коголлудо называет четырех бакаб "богами ветров". Каждый из них был отождествлен с определенным цветом и определенной стороной света. Первый был на Юге. Его звали Хобнил, Брюхо; его цвет был желтым, что, как и у спелых колосьев, считалось благоприятным и многообещающим оттенком; предзнаменование его года было благоприятным, и о нем говорили, ссылаясь на какой-то ныне утраченный миф, что он никогда не грешил, как его братья. Он ответил на день *Кан*, который был первым в тринадцатидневной неделе мая.^[13] Остальные Бакабы были Красными, расположенными на Востоке, Белыми - на Севере и Черными - на Западе, и считалось, что ветры и дожди с этих направлений находятся в ведении этих гигантских кариатид.

Об их тесной связи с Ицамной свидетельствует не только фрагментарный миф, сохранившийся Эрнандесом, но и довольно подробные описания обрядов в конце каждого года и различных праздников в течение года, переданные епископом Ландой. Таким образом, в конце года наряду с жертвоприношениями Бакабу года были принесены и другие жертвы Ицамне, либо под его фамилией *Канил*, которая имеет различные значения,^[14] или как *Кинич-ахау*, Владыка Ока дня,^[15] или *Якш-кок-ахмут*, первый, кто узнал и услышал о событиях,^[16] или, наконец, как *Уак-метун-ахау*, Владыка колесо месяцев.^[17]

Слово *бакаб* означает "возведенный", "установленный".^[18] Оно было применено к бакабам, потому что их представляли огромными великанами, стоящими подобно колоннам на четырех углах земли и поддерживающими небеса. В этом смысле их также называли *чак*, великанами, как отправителей дождя. Они также были богами плодородия и изобилия, которые поливали посевы и от чьей благосклонности зависел урожай. Они управляли ручьями и колодцами и были божествами, чья мощь проявлялась в громе и молнии, богами бурь, а также слабых ливней.^[19] Праздник в честь этих богов урожая проводился в месяце *Мак*, который приходился на раннюю весну. На этой церемонии Ицамне также поклонялись как предводительнице бакабов, и был совершен важный обряд под названием "тушение огня". "Целью этих жертвоприношений и этого праздника, - пишет епископ Ланда, - было обеспечить изобилие воды для их посевов".^[20]

Этим четверем Чакам или Бакабабам поклонялись под символом креста, четыре ветви которого представляли четыре стороны света. Как в языке, так и в религиозном искусстве это считалось деревом. На языке майя это называлось "хлебное дерево" или "древо жизни".^[21] Знаменитый крест Паленке является одним из его изображений, на что, я полагаю, я был первым, кто указал,

и теперь общепризнано, что это правильно.[22] В храме на острове Косумель был еще один такой крест, высотой около восьми футов. Ему поклонялись как "богу дождя", или, правильнее сказать, как символу четырех богов дождя, бакабов. В периоды засухи ему приносились в жертву птицы (символы ветров) и его окропляли водой. "Когда это было сделано, - добавляет историк, - они почувствовали уверенность, что дожди начнутся очень скоро".[23]

Каждый из четырех бакабов также назывался *Акантун*, что означает "установленный камень", такой камень устанавливался и окрашивался в цвет, священный для стороны света, которую представлял Бакаб[24]. Некоторые из этих камней до сих пор находят среди руин городов Юкатана, и по сей день местные жители связывают их с репродуктивными признаками[25]. Однако вполне вероятно, что настоящее фаллическое поклонение не было принято на Юкатане. Бакабы и Ицамна действительно были тесно связаны с идеями плодородия и размножения, но, по-видимому, прежде всего как боги дождей, урожая и снабжения продовольствием в целом. Испанским писателям не терпелось раскрыть всю возможную порочность религии туземцев, и они, конечно, не упустили бы такой возможности для своих тирад, если бы она существовала. Как бы то ни было, ссылок на него немного, и они неясны.

Из того, что я сейчас представил, мы видим, что Ицамна пришел с далекого востока, из-за границы океана; что он был учителем искусств и сельского хозяйства; что он, более того, как божество, управлял ветрами и дождями и посылал по своей воле урожай и процветание. Можем ли мы в дальнейшем отождествлять его с тем олицетворением Света, которое, как мы уже видели, было доминирующей фигурой в других американских мифологиях?

На это, кажется, указывают его имена и титулы. Их было много, некоторые из них я уже проанализировал. То, под чем он был наиболее известен, было *Ицамна*, слово с спорным значением, но содержащее те же радикалы, что и слова, обозначающие утро и зарю[26], и указывает на его отождествление с великим центральным фактом, лежащим в основе всех этих мифологий, - долгожданным появлением света на восточном горизонте после мрака ночи.

Его следующим по частоте титулом был *Кин-ич-ахау*, что можно перевести либо как "Владыка Солнечного лика", либо как "Владыка, Око дня".[27] Таким образом, он был божеством, которое восседало на Солнечном диске и испускало свои палящие лучи. В Ицамале был храм, посвященный ему как *Кин-ич-как-мо*, "Око дня, Огненная птица".[28] Во время эпидемии люди прибегали в этот храм, и в полдень на алтарь возлагали жертву. В тот момент, когда солнце достигло зенита, птица с блестящим оперением, которая, на самом деле, была не чем иным, как огненным пламенем, вырвавшимся из солнца, спустилась и поглотила подношение на глазах у всех. В Кампече у него был храм под названием *Кин-ич-ахау-хабан*, "Повелитель Солнечного лика, Охотник", где совершались кровавые обряды.[29]

Ему был посвящен другой храм в Ицамале под одним из его имен, *Кабил*, Обладатель Счастливой Руки,[30] и туда приносили больных, поскольку говорили, что он исцелил многих, просто прикоснувшись к ним. Этот храм был чрезвычайно популярен, и к нему совершались паломничества даже из таких отдаленных регионов, как Табаско, Гватемала и Чьяпас. Для размещения паломников были построены четыре мощные дороги - на Север, Юг, Восток и Запад, прямо к кварталам четырех ветров.

§2. Культурный Герой Кукулькан.

Вторым важным мифом о герое майя был миф о Кукулькане. Это никоим образом не связано с историей Ицанны и, вероятно, является более поздним и менее национальным по своему характеру. Первым упоминанием о нем мы также обязаны отцу Франсиско Эрнандесу, которого я уже цитировал и который сообщил об этом епископу Лас Касасу в 1545 году. Его слова ясно указывают на то, что мы имеем здесь дело с мифом, связанным с формированием календаря, мнение, которое также может быть подтверждено другими источниками.

Туземцы утверждали, говорит Лас Касас, что в древние времена на эту землю пришли двадцать человек, главного из которых звали "Коколкан", и о нем они говорили как о боге лихорадки, о двух других - как о богах рыбной ловли, еще о двух - как о богах ферм и полей, третий был богом грома и т.д. На них были ниспадающие одежды и сандалии на ногах, у них были длинные бороды, а головы были непокрыты. Они приказали людям исповедоваться и поститься, и некоторые из местных жителей постились по пятницам, потому что в этот день умер бог Бакаб; и название этого дня на их языке - *химикс*, который они особенно чтут и почитают как день смерти Бакаба.[31]

В рукописи Эрнандеса, которая была перед Лас Касасом, когда он писал свою *Апологетическую историю*, были приведены имена всех двадцати; но, к несчастью для антикварных изысканий, добрый епископ воздерживается от их цитирования из-за их варварского вида. Однако я почти не сомневаюсь, что, если бы он это сделал, мы обнаружили бы, что это названия двадцати дней местного календарного месяца. Это посетители, которые приходят по одному каждое утро, в ниспадающих одеждах, с окладистой бородой и волосами, и приносят с собой нашу удачу или неудачу - все, что принесет день. Эрнандес совершил ту же ошибку, что и отец Франсиско де Бобадила, когда спросил у никарагуанцев имена их богов, а они назвали ему имена двадцати дней месяца.[32] Каждый день действительно олицетворялся этими народами и считался одновременно божеством и датой, благоприятной или неблагоприятной для рыбной ловли или охоты, посева или боевых действий, в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, Кукулькан, по-видимому, находился в таком же отношении на Юкатане к другим божествам того времени, как Вотан в Чьяпе и Кецалькоатль Се Акатль в Чолуле.

Обычно предполагалось, что его имя представляет собой составное, означающее "змея, украшенная перьями", но в языке майя нет слов, оправдывающих такое толкование. В его орфографии есть некоторые вариации, и его первоначальное произношение, возможно, утрачено; но если мы примем как правильное написание, которое я привел выше, в чем, однако, у меня есть некоторые сомнения, то это означает "Бог Могучей Речи".[33]

Вероятно, имелась в виду слава этого божества как оракула, связанная с календарем. Но это правда, что это имя с такой же точностью можно было бы перевести как "Бог, Могучий Змей", поскольку *сап* является омонимом с этими и другими значениями, и у нас нет положительных доказательств того, что было задумано.

Чтобы сблизить Кукулькана с другими американскими богами-героями, мы должны обратиться к местности, где ему особенно поклонялись, к традициям древнего и богатого города Чичен-Ица, руины которого до сих пор считаются одними из самых впечатляющих на полуострове. Фрагменты его хроник, сохранившиеся до нас в Книгах Чилана Балама и епископа Ланды, рассказывают нам, что это место было впервые заселено четырьмя группами, пришедшими с

четырёх сторон света, и ими правили четыре брата. Эти братья не выбирали жен, но жили целомудренно и правили праведно, пока в определенное время одна из них не умерла или не ушла, а двое не начали поступать несправедливо и не были преданы смерти. Единственным оставшимся был Кукулькан. Он унял раздор, вызванный действиями его братьев, направил умы людей к искусству мира и приказал построить различные важные сооружения. После того как он завершил свою работу в Чичен-Ице, он основал и назвал великий город Майяпан, которому суждено было стать столицей конфедерации майя. В нем был построен храм в его честь и назван в его честь, как и в Чичен-Ице. Они были непохожи на другие на Юкатане, имели круглые стены и четыре двери, направленные, предположительно, по четырем сторонам света[34].

В качестве приятного подтверждения легенды путешественники действительно находят в Майяпане и Чичен-Ице, и нигде больше на Юкатане, руины двух круглых храмов с дверями, открывающимися по сторонам света[35].

Под благодетельным правлением Кукулькана нация наслаждалась безмятежными днями мира и процветания. Урожай был обильным, и люди с радостью приступили к своим повседневным обязанностям, к своим семьям и своим лордам. Они забыли пользоваться оружием даже для охоты и довольствовались ловушками.

Наконец настало время Кукулькану отправляться в путь. Он собрал вождей и разъяснил им свои законы. Из их числа он выбрал своим преемником члена древней и богатой семьи Кокомов. Завершив приготовления, он, как говорят некоторые, отправился на запад, в Мексику или в какое-то другое место перед заходом солнца. Но большинство людей с уверенностью верили, что он вознесся на небеса, и там, в своем высоком доме, он должен был следить за интересами своих верных приверженцев.

Таково было предание об их мифическом герое, рассказанное ицами. Неудивительно, что первые миссионеры, многие из которых, подобно Ланде, жили в Мексике и были знакомы с историей Кецалькоатля и его предполагаемого ухода на восток, отождествляли его с Кукульканом, и что, следуя представлению об этой предполагаемой идентичности, многие более поздние авторы создали теории, объясняющие цивилизацию древнего Юкатана колониями иммигрантов-"толтеков".

Действительно, можно без сомнения доказать, что между цивилизациями ацтеков и майя существовали различные точки соприкосновения. Сложный и искусственный метод отсчета времени был одним из них; определенные архитектурные приемы были другими; небольшое количество слов, всего, вероятно, сотня, были заимствованы одним языком из другого. Мексиканские купцы торговали с Юкатаном, а отряды ацтекских воинов со своими семьями из Табаско поселились в Майяпане по приглашению его правителей, а после его разрушения поселились в провинции Канул, на западном побережье, где они жили строго отдельно от населения, говорящего на языке майя, в то время, когда испанцы завоевали страну.[36]

Но все это отнюдь не свидетельствует о том, что когда-либо на полуострове правила раса, говорившая на языке ацтеков. Есть очень веские основания отрицать это. Традиции, указывающие на миграцию с запада или юго-запада, вполне могли относиться к исчезновению населения Паленке, города, который, несомненно, был продуктом архитекторов майя. Язык Юкатана слишком сильно отличается от науатль, чтобы он когда-либо создавался вождями этой

расы. Детали цивилизации майя явно присущи ей самой и демонстрируют эволюцию, характерную для этого народа и его окружения.

Насколько они позаимствовали плодородную мифологию своих посетителей-науатль, ответить нелегко. То, что круглый храм в Майяпане с четырьмя дверями, указанный Ландой как отличный от любого другого на Юкатане, был возведен Кецалькоатлю благодаря тамошней колонии ацтеков, можно правдоподобно предположить, если вспомнить, насколько своеобразно эта форма была посвящена его поклонению. Опять же, одна из хроник майя, переведенная Пио Пересом и опубликованная Стивенсом в его *"Путешествиях по Юкатану"*, начинается с четкой ссылки на Тулу и Ноноал, имена, неотделимые от мифа о Кецалькоатле. Статуя спящего бога с вазой в руках была извлечена доктором Ле Плонжоном из Чичен-Ицы, и она слишком похожа на другие, найденные в Тласкале и недалеко от города Мехико, чтобы мы могли сомневаться в том, что они представляли одно и то же божество, бога дождей, плодородия и урожая.^[37]

Версия традиции, согласно которой Кукулькан прибыл с Запада, а после своего исчезновения вернулся на Запад - версия, цитируемая Ландой, и которая, очевидно, первоначально относилась к движению солнца на запад, легко привела тех, кто знаком с обоими мифами, к отождествлению его с ацтекским Кецалькоатлем.

Представляется вероятным, что Кукулькан был изначальным божеством майя, одним из их богов-героев, чей миф имел так много общего с мифом о Кецалькоатле, что жрецы двух народов стали считать их одинаковыми. После разрушения Майяпана, примерно в середине пятнадцатого века, когда ацтекские наемники были изгнаны в Канул, а правящая семья (Сю), поддерживавшая их, потеряла власть, поклонение Кукулькану в некоторой степени попало в немилость. Об этом нас информирует Ланда в интересном отрывке.

Он говорит нам, что многие туземцы верили, что Кукулькан после своих земных трудов вознесся на Небеса и стал одним из их богов. До разрушения Майяпана ему строили храмы, и ему поклонялись по всей стране, но после этого события ему оказывали такие почести только в провинции Мани (управляется Сю). Тем не менее, в благодарность за то, что, по общему признанию, они были ему обязаны, короли соседних провинций ежегодно посылали Мани по случаю его ежегодного праздника, который проходил 16 числа месяца Сюль (8 ноября), четыре или пять великолепных знамен с перьями. Они были размещены в его храме с соответствующими церемониями, такими как пост, воскурение благовоний, танцы и простые подношения пищи, приготовленной без соли и перца, а также напитков из бобов и семян тыквы. Это продолжалось пять ночей и пять дней; и, добавляет епископ Ланда, они говорили и придерживались этого наверняка, что в последний день праздника сам Кукулькан спустился с Небес и лично принял жертвы, которые были совершены в его честь. Само празднование называлось Фестивалем Основателя^[38], я полагаю, со ссылкой на предполагаемое основание городов Майяпан и Чичен-Ица этим богом-героем. Пять дней и пять священных знамен снова напоминают о тесной связи этого с символикой Кецалькоатля.

Как Ицамна исчез, не претерпев смертных мук, как Кукулькан возносился на небеса и оттуда ежегодно возвращался, хотя и ненадолго, в последний день праздника в его честь, так и майя свято верили, что придет время, когда с поклонением другим богам будет покончено, и только эти могущественные божества потребуют поклонения от своей расы. Ни одна из американских наций, по-видимому, не была так увлечена прогностикой и пророчествами, как они, и ни от кого другого у нас не осталось такого большого количества литературы такого рода. Часть его была

сохранена испанскими миссионерами, которые с успехом использовали его в своих собственных целях обращения в свою веру; но то, что оно не было изготовлено ими для этой цели, как думали некоторые позднейшие авторы, доказывается существованием копий этих пророчеств, сделанных самими местными авторами во время Завоевания и вскоре после него.

Эти пророчества были столь же туманны и двусмысленны, как и все успешные пророки, привыкшие делать свои предсказания; но один момент в них ясен: в них отчетливо говорилось о прибытии белых и бородатых чужеземцев с Востока, которые должны были контролировать землю и изменить господствующую религию.[39]

Даже та часть ица, которая отделилась от остальной части своего народа во время разрушения Майяпана (около 1440-50 гг.) и ушла далеко на юг, чтобы основать могущественную нацию вокруг озера Петен, унесла с собой предупреждение о том, что в "восьмом веке" они будут подчинены белой расе и должны будут принять их религию; и, конечно же, когда это время пришло, а не раньше, то есть в конце семнадцатого века по нашему летоисчислению, они были изгнаны со своих островных домов губернатором Урсуа, и они были вынуждены покинуть свои дома на острове. их многочисленные храмы, наполненные идолами, сравнивали с землей.[40]

Я не сомневаюсь, что основой всех подобных пророчеств было ожидаемое возвращение богов-героев, мифы о которых я записывал. Оба они в своих первоначальных формах олицетворяли дневной свет, который исчезает с наступлением темноты, но возвращается на рассвете с неизменной уверенностью. Когда природное явление утратило свою персонификацию, это ожидание возвращения осталось и побудило жрецов, которые более других сохранили память о древних формах мифа, включить это ожидание в предсказания, произносить которые относительно будущего было их обычаем и обязанностью.

[Примечание 1: Франсиско де Монтехо, который первым исследовал Юкатан (1528), оставил убедительные свидетельства величия его городов и сельскохозяйственной промышленности его жителей. В отчете о своей экспедиции он пишет королю: "Огненная земля во всей красе, величественные сады и виллы покрыты фресками. Todos los pueblos son una huerta de frutales." *Carta á su Magestad, 13 Abril, 1529, in the Coleccion de Documentos Ineditos del Archivo de Indias, Tom. xiii.*]

[Сноска 2: Коголлудо противоречит самому себе в описании этих событий; сначала он говорит, что большая группа пришла с Запада, но позже в той же главе исправляет себя и критикует отца Лизану за то, что тот совершил ту же ошибку. Авторитетом Коголлудо была оригинальная РУКОПИСЬ Гаспара Антонио, образованного уроженца королевской семьи, написанная в 1582 году. *История Юкатана*, Библиотека iv, заглавные буквы iii, iv. Лизана называет этих прибывших *Нохниалами* и *Ценными*. Эти слова сильно изуродованы. Они должны гласить: *нох эмель* (*нох*, великий, *емель*, нисхождение, прибытие) и *цик*, *емель* (*цик*, малый). Ланда поддерживает позицию Коголлудо. *Relacion de las Cosas de Yucatan*, p. 28. Это он говорит о "доке каминос в эль-маре".]

[Сноска 3: Авторитетными источниками об этой фазе характера Ицамны являются Коголлудо, *История Юкатана*, Библиотека iv, глава iii; Ланда, *Козас де Юкатан*, стр. 285, 289, и Бельтран де Санта-Роза-Мария, *Искусство идиомы майя*, стр. 16. У последнего есть особенно ценная выдержка из ныне утраченного Словаря майя Ф. Габриэля де Сан-Буэнавентуры. "El

primero que halló las letras de la lengua Maya é hizo el computo de los años, meses y edades, y lo enseñó todo á los Indios de esta Provincia, fué un Indio llamado Kinchahau, y por otro nombre Tzamná. Noticia que debemos á dicho R.F. Gabriel, y trae en su Calepino, lit. K. verb. Кинчахай, фол. 390, вуэльт".]

[Footnote 4: Crescencio Carrillo, *Historia Antigua de Yucatan*, p. 144, Mérida, 1881. Хотя я вынужден расходиться во мнениях по многим пунктам с этим неутомимым археологом, я не должен упускать возможности выразить свою признательность и уважение за его искренний интерес к языку и древностям своей страны. Я не знаю другого жителя Юкатана, который с таким же энтузиазмом или хотя бы приблизительно оценивал антикварные богатства своей родной земли.]

[Footnote 5: Las Casas, *Historia Apologetica de las Indias Occidentales*, cap. cxliii.]

[Сноска 6: Джон Т. Шорт, *Древние североамериканцы*, стр. 231.]

[Footnote 7: Fray Hieronimo Roman, *De la Republica de las Indias Occidentales*, Lib. ii, cap. xv; Diego de Landa, *Relacion de las Cosas de Yucatan*, p. 288. Коголлудо также упоминает *ix чел.*, *Historia de Yucatan*, Lib. iv, глава vi. Слово, обозначающее радугу на языке майя, - чел или чил; ix - приставка женского рода, которая также меняет значение существительного с неодушевленного на одушевленное.]

[Footnote 8: "Fabula, ridicula adpersam superstitione, habebant de iride. Ajebant illam esse Aramam feminam, solis conjugem, cujus officium sit terras a viro exustas imbrium beneficio recreare. Cum enim viderent arcum illum non nisi pluvio tempore in conspectu venire, et tunc arborum cacuminibus velut insidere, persuadebant sibi aquarum illum esse Praesidem, arboresque proceras omnes sua in tutela habere." Franc. Xav., Eder, *Descriptio Provinciae Moxitarum in Regno Peruano* p. 249 (Budae, 1791).]

[Сноска 9: E. Uricoechea, *Грамматика языка Чибча*, Введение, стр. xx. Сходство этих текстов с библейским повествованием следует приписывать не заимствованию из последнего, а просто тому, что они оба являются мифологическими выражениями одного и того же природного явления. В скандинавской мифологии Фрейя - богиня радуги. Она носит лук как ожерелье или пояс. Он был выкован для нее четырьмя гномами, четырьмя ветрами со сторон света, и Один стремится заполучить его у нее. Schwartz, *Ursprung der Mythologie*, S. 117.]

[Сноска 10: *Еорисо*, как я полагаю, происходит от глагола *rich* или *ruk* - таять, растворяться, очищать кукурузу от початков, портиться; отсюда *ruk* - испорченный, гнилой, *подрида*, и, возможно, *rrich* - пороть, бить. Приставка *ax*, обозначает того, кто практикует или искусен в действии, обозначаемом этим глаголом.]

[Сноска 11: Мать бакабов дана в мифе как *Чибилиас* (или *Чибуриас*, но в алфавите майя нет *r*). Коголлудо упоминает богиню *Икс чебель якс*, одной из функций которой было руководить рисованием. Название происходит от *chebel*, кисти, используемой в этих искусствах. Но связь неясна.]

[Footnote 12: Landa, *Relacion de las Cosas de Yucatan*, pp. 156, 260.]

[Сноска 13: Ланда, *Relacion*, стр. 208,-211 и др. *Hobnil* - обычное слово, обозначающее живот, желудок, от *hobol* "полая". Образно говоря, на этих диалектах это означало пропитание, жизнь,

поскольку мы используем в обоих этих смыслах слово "жизненно важные". Среди киче Гватемалы, племени майя, мы находим термины, применяемые к их высшему божеству, *u rat uleu*, *u rat sah*, буквально "Чрево Земли", "Чрево неба", что означает то, благодаря чему существуют земля и небо. *Пополь Вух*, стр. 332.]

[Сноска 14: *Сал*, "определяющей" формой которого является *канил*, может означать змею, или желтую, или сильную, или того, кто дарит подарки, или собеседника.]

[Сноска 15: *Кин*, день; *ич*, око; *ахау*, господь.]

[Сноска 16: *Уах*, во-первых; *сос*, что буквально означает "глухой" и, следовательно, "внимательно слушать" (отсюда название *Sosomes*, обозначающее древнюю королевскую семью Чичен-Ицы, название, правильно переведенное как "эскучадорес") и *ах-мут*, мастер новостей, *мут* означает новости, хорошие или плохие.]

[Сноска 17: *Уас*, месяцы, является редкой и ныне устаревшей формой множественного числа от *и*, месяца "*Уас*, то есть *и*, для месес и хабла временного пасад". *Дисионарио майя-испанский конвенито де Мотуль*, ср. *Metun* (Ланда, *митун*) происходит от *met*, колесо. Календари, как на Юкатане, так и в Мексике, были представлены в виде колеса.]

[Сноска 18: В *Словаре Майя дель Конвенито де Мотуль*, MS., единственном словаре, в котором я нахожу точное слово, *бакаб* переводится как "представитель, юглар, буфон". Это, без сомнения, поздний смысл, заимствованный из сценических представлений предполагаемых деяний богов в ритуальных церемониях. Правильной формой этого слова является *иасаб* или *васаб*, что в упомянутом словаре переводится как "дело в том, что ты пьешь, а не в том, что ты делаешь". Переход с начальной *v* на *b* довольно распространен, как можно увидеть, сравнив две буквы в книге *Пио Переса "Словарь ла Ленгуа майя"*, например, *балак*, *вращение колеса*, *отуалак*, *поворачиваться*, *вращаться*.],,,

[Сноска 19: Записи в *Справочнике майя-Испанского монастыря в Мотуле*, MS., следующие:--

"*Chaac*: gigante, hombre de grande estatura.

"*Chaac*: fué un hombre asi grande que enseñó la agricultura, al cual tuvieron despues por Dios de los panes, del agua, de los truenos y relámpagos. Y asi se dice, *hac chaac*, el rayo: *u lemba chaac* el relámpago; *и pec chaac*, el trueno," etc.]

[Сноска 20: *Связь и т.д.*, стр. 255.]

[Сноска 21: Слово майя - *уахомче*, от *иаһ*, первоначально тортилья или маисовый пирог, который сейчас обычно используется для приготовления хлеба. Оно также актуально в смысле *жизни* ("la vida en cierta manera", *словарь испанских майя в монастыре Мотуль*, ср.). *Че* - общее слово, обозначающее дерево. Я не могу найти какое-либо конкретное дерево под названием *Хомче*. *Хом* - так назывался духовой инструмент, разновидность трубы. В *Кодексе Троано*, Листы ххv, ххvii, ххxiv, он представлен в употреблении. Вероятно, предполагалось, что четыре Бакабы с помощью таких инструментов дуют ветрами с четырех сторон земли. Аналогичное представление приведено в *Codex Borgia*, лист ххiii, в Кингсборо. Как Чак был богом хлеба, *Dios de los panes*, так и крест был хлебным деревом.]

[Сноска 22: См. мифы Нового Света, стр. 95 (1-е изд., Нью-Йорк, 1868). С тех пор это объяснение было принято доктором Карлом Шульцем-Селлаком, хотя он и не указывает, откуда он его взял. His article is entitled *Die Amerikanischen Götter der Vier Weltgegenden und ihre Tempel in Palenque* in the *Zeitschrift für Ethnologie*, 1879. Сравните также Чарльза Пау, *Табличка Паленке*, стр. 44 (Вашингтон, 1879).]

[Footnote 23: "Al pié de aquella misma torre estaba un cercado de piedra y cal, muy bien lucido y almenado, en medio del cual habia una cruz de cal tan alta como diez palmos, á la cual tenian y adoraban por dios de la lluvia, porque quando no llovía y habia falta de agua, iban á ella en procesion y muy devotos; ofrescianle codornices sacrificadas por aplacarle la ira y enojo con que ellos tenia ô mostraba tener, con la sangre de aquella simple avezica." Francisco Lopez de Gomara, *Conquista de Mejico*, p. 305 (Ed. Paris, 1852).]

[Сноска 24: Праздники бакабов Акантун описаны в работе Ланда. Название он не объясняет. Я полагаю, что это *акаан*, причастие прошедшего времени от *actal*, чтобы возводить и *бунтовать* камень. Но у него может быть и другое значение. Слово *акан* означало вино, или, скорее, медовуху, опьяняющий гидромель, который производили местные жители. Бог этого напитка также носил имя Акан ("АКАН; эль Диос дель вино ке эс Бако", *Монастырь Мотуль*, ср.). Было бы вполне уместно, чтобы бакабы были богами вина.]

[Сноска 25: Стивенс, *Путешествия по Юкатану*, Том i, стр. 434.]

[Сноска 26: Некоторые производили Ицамуа от *я*, внук от сына, используемый только женщиной; *замал*, утро, завтрашний день, от *зам*, раньше, рано, связанный с *ям*, первый, откуда также *замалзам*, заря, полярное сияние; и *на*, мать. Без ударения *па* означает дом. Крессенсио Каррильо предпочитает вывод из ИТЗ, все, что стекает в виде капель, а резинка из дерева, дождь или роса с неба, молоко из соски, и Семен ("лече-де-Амор," *Dicc. de Motul*, ср.). Он говорит: "*Itzamna*, Это Эс, Росио Диарио - *sustancia cotidiana-дель-Сьело*, Эс Эл Хошимин номбре дель Монтеррей (де *Itzamal*)."*Historia Antigua de Yucatan*, p. 145. (Mérida, 1881.) Это не объясняет последний слог, *пá*, на котором всегда ставится сильное ударение. Говорят, что Ицамна говорил о себе только словами *Иц эн каан*: "Я есмь то, что сочится с неба". *Иц эн муйал*, "Я есмь то, что сочится из облаков". Это явно относится к его характеру бога дождя. Лизана, *История Юкатана*, Lib. i, сар. 4. Если бы соединение *itz, amal, pá*, то имя можно было бы перевести как "молоко матери утра" или утренней зари, то есть росы; в то время как *я, замал, на* было бы "сыном матери утра".]

[Сноска 27: Коголлудо, который проводит различие между Кинич-ахау и Ицамна (*Hist. de Yucatan*, Библиотека iv, глава. viii), могут быть исправлены Ландой и Буэнавентурой, которых я уже цитировал.]

[Сноска 28: *кин*, солнце, день; *ич*, лицо, но обычно глаз или зрачки; *как*, огонь; *мо*, священная птица с блестящим оперением, ара или гуакамайя, красный ара. Это было принято в качестве титула правителя Ицамаля, как мы узнаем из Хроники Чичен-Ицы - "Хо ахау пакши у ках яхау ах Ицмал Кинич Какмо" - "В пятую эпоху город (Чичен-Ица) был разрушен королем Киничем Какмо из Ицамаля". *El Libro de Chilan Balam de Chumayel*, MS.]

[Сноска 29: Коголлудо, *История Юкатана*, Библиотека iv, глава. viii.]

[Сноска 30: Лизана говорит: "Се лама и номбра" *Каб-ул* к чему стремиться человеку обрядора", и все авторы последовали ему, хотя из написанного таким образом имени нельзя извлечь никакого смысла. Правильное слово - *кабил*, которое определено в *Справочнике Конвента де Мотуль*, ср.: "el queene buena mano para sembrar, ó para poner colmenas и т.д.". Ланда также приводит эту орфографию, *Relacion*, стр. 216.]

[Footnote 31: Las Casas, *Historia Apologetica de las Indias Occidentales*, cap. cxhii.]

[Сноска 32: Овьедо, *Генеральная история Индии*, Lib. xlii, глава iii.]

[Сноска 33: Элихио Анкона, приведя перевод "serpiente adornada de plumas", добавляет: "ha sido repetido portal numero de etimologistas que tendremos necesidad de aceptarla, aunque nos parece un poco violento", *"История Юкатана"*, том i, стр. 44. Аббат Брассер в своем *Словаре майя* смело заявляет, что *кукул* означает "украшение со сливами". Этот перевод абсолютно не имеет авторитета, ни современного, ни древнего. Слово, обозначающее перья на языке майя, - *кукум*; *кулпо* составу означает "очень" или "много", как "*кульвинический*, мой человек, человек уважения к хечо", *Дикарио де Мотул*, СР. *Ку* - бог, божественность. *Кан см. главу iv, §1*. *Кан* был и остается распространенной фамилией на Юкатане. (Berendt, *Nombres Proprios en Lengua Maya*, MS.)

Я бы предпочел писать название по буквам *Кукулькан*, и чтобы оно относилось к первому дню недели майя, *Кану*.]

[Сноска 34: *El Libro de Chilán Balam de Chumayel*, СР.; Ланда, *Relacion*, стр. 34-38. и 299; Эррера, *История лас-Индиас*, дек. iv, Библиотека х, глава ii.]

[Сноска 35: Стивенс, *Дорожные происшествия на Юкатане*, том. ii, с. 298.]

[Сноска 36: *El Libro de Chilán Balam de Chumayel*, СР.; Ланда, *Relacion*, стр. 54.]

[Сноска 37: Я имею в виду статую, которую доктор Леплонжон с удовольствием назвал "Чак Мул". Смотрите *Художественную студию ла ламада Чак-Мул-рей тигре*, работы старшего Хесуса Санчеса, в *Национальном музее Мексики*, Том i., стр. 270. На Юкатане поклонялись божеству по имени Кумахау, повелителю вазы, которого *Дикарио де Мотуль*, МИСС, называет "Люцифер, главный демон". Это название также приведено Пио Пересом в его рукописном словаре, находящемся в моем распоряжении, но опущено в печатной копии. Поскольку Люцифер, утренняя звезда, в мексиканской мифологии отождествлялся с Кецалькоатлем, а словосит, ваза, ацтекский комитет, в обоих языках одно и то же, есть все основания предполагать, что этот повелитель вазы, "князь дьяволов", был богом плодородия, общим для обоих культов.]

[Сноска 38: "Llamaban a esta fiesta *Шикарный Кабан*"; Ланда, *Relacion*, стр. 302. Я так понимаю, здесь должно быть написано *Чиик у Каба* (*Чиик*; фундар-поблар алгуна коса, каса, пуэбло и др. *Diccionario de Motul*, MS.)]

[Сноска 39: Накук Печ, *Кончина йетель мапы*, 1562. ср.; *Эль Либро де Чилан Балам де Мани*, 1595, ср. Первая представляет собой историю завоевания, написанную на языке майя местным дворянином, который был взрослым на момент основания Мерида (1542).]

[Footnote 40: Juan de Villagutierre Sotomayor, *Historia de la Provincia de el Itza*, passim (Madrid, 1701).]

ГЛАВА V.

ГЕРОЙ-БОГ КИЧУА ВИРАКОЧА.

ВИРАКОЧА КАК ПЕРВОПРИЧИНА-ЕГО ИМЯ ИЛЛА ТИЧЧИ-МОЛИТВЫ КВИЧУА-ДРУГИЕ ИМЕНА И ТИТУЛЫ ВИРАКОЧИ-ЕГО ПОКЛОНЕНИЕ ИСТИННОМУ МОНОТЕИЗМУ-МИФ О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ - МИФ О БРАТЬЯХ-БЛИЗНЕЦАХ.

ВИРАКОЧА КАК ТУНАПА, ТОТ, КТО СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ - РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ЕГО ЖИЗНИ-ОТНОШЕНИЕ К МАНКО КАПАКУ - ОН ИСЧЕЗАЕТ НА ЗАПАДЕ.

ВИРАКОЧА ПОДНИМАЕТСЯ ИЗ ОЗЕРА ТИТИКАКА И НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ЗАПАД-ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГО ИМЕНИ-ЕГО ИЗОБРАЖАЛИ БЕЛЫМ И БОРОДАТЫМ-МИФ О КОНЕ И ПАЧАКАМАКЕ-КОНТИС ВИРАКОЧА-ПРОРОЧЕСТВА ПЕРУАНСКИХ ПРОВИДЦЕВ-БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ НАЗЫВАЛИ ВИРАКОЧАМИ-СХОДСТВО С МИФАМИ АЦТЕКОВ.

Самой величественной империей на этом континенте на момент его открытия была империя инков. Он простирался вдоль Тихого океана, от параллели 2 ° северной широты до 20 ° южной, и, можно примерно сказать, что его длина составляла 1500 миль при средней ширине 400 миль. Официальным и основным языком был кичуа, двумя другими важными языками были юнка, на котором говорят прибрежные племена, и аймара, обитающий вокруг озера Титикака и к югу от него. Последнее в фонетике и во многих корневых словах выдает родство с квичуа, но отдаленное.

Кичуа были высокоразвитой расой. У них была развитая метрическая система, и они особенно любили драму. Сохранилось несколько образцов их поэтических и драматических сочинений, свидетельствующих о правильном вкусе. Хотя они не владели методом письма, у них были различные мнемонические средства, с помощью которых они могли вспоминать свои стихи и исторические традиции.

В мифологии кичуа, а также, по-видимому, и аймаров, ведущей фигурой является *Виракоча*. В одном цикле легенд Его величественное присутствие - это присутствие Бесконечного Творца, Первопричины; в другом он - благодетельный учитель и мудрый правитель; другими словами, он тоже, подобно Кецалькоатлю и другим, о которых я рассказывал, в одно время является Богом, в другое - воплощением Бога.

Как первопричина и основание всего сущего, отличительным эпитетом Виракочи было *Тиччи*, причина, Начало, или *Илла тиччи*, Древняя Причина[1], Первое Начало, попытка словами выразить абсолютный приоритет его сущности и существования. Это был тот, кто создали придал форму Солнцу и наделил его частицей своей собственной божественности, а именно великолепием его далеко сияющих лучей; он создал Луну и дал ей свет, и поместил ее на небесах, чтобы она управляла водами и ветрами, земными королевами и рождением женщин; и все же это был он, великий Виракоча, который создал прекрасную Часку, Аврору, Зарю, богиню всех незапятнанных дев, подобных ей, ту, которая, в свою очередь, украсила поля и леса цветами. цветы, чьим временем были сумерки, чьими вестниками были пушистые облака,

плывущие по небу, и которые, когда она встряхивает своими спутанными волосами, бесшумно роняют жемчужины росы на зеленую траву полей.[2]

Невидимым и бестелесным был он сам, такими же были и его посланники (лучи света), называемые *уаминка*, верные воины, и *хайуайпанти*, сияющие, которые доносили его указы до каждой части.[3] Он сам был вездесущим, придавая движение и жизнь, форму и существование всему, что есть. Поэтому, говорит старый писатель, с большим, чем обычно, пониманием нравственной природы человека, с большим, чем обычно, милосердием к преследуемой расе, когда эти туземцы поклонялись какой-нибудь быстрой реке или прозрачному источнику, какой-нибудь горе или роще, "это было не потому, что они верили, что там находится какое-то особое божество или что это живое существо, но потому, что они верили, что великий Бог Илла Тиччи создал и поместил это там и запечатлел на нем какой-то знак отличия от других объектов своего класса, что таким образом это могло быть обозначено как подходящее место, где оно находится". поклоняться создателю всего сущего; и это видно из молитв, которые они произносили, когда были заняты поклонением, потому что они обращены не к этой горе, или реке, или пещере, а к великому Илле Тиччи Виракоче, который, как они верили, жил на небесах и все же незримо присутствовал в этом священном объекте ".[4]

В молитвах за умерших к Илла Тиччи обращались с просьбой защитить тело, чтобы оно не подверглось разложению и не затерялось в земле, и чтобы он не позволял душе бесцельно блуждать в бесконечных пространствах, но чтобы ее отвели в какое-нибудь безопасное убежище довольства, где она могла бы принять жертвы, которые любящие руки возлагали на могилу.[5] Были призваны и другие боги, только для того, чтобы они могли ходатайствовать перед Высшим Божеством в пользу этих прошений смертных.

Ему также верховный жрец в определенное время приносил в жертву шестилетнего ребенка с молитвой о процветании инки в таких выражениях:

"О, Господь, мы предлагаем тебе этого ребенка, чтобы ты поддерживал нас в комфорте и даровал нам победу в войне, и сохранил для нашего Господа, Инки, его величие и его государство, и даровал ему мудрость, чтобы он мог управлять нами праведно".[6]

Или такая молитва, как эта, была вознесена собравшейся толпой:

"О, Виракоча, всегда присутствующий, Виракоча Причина Всего, Виракоча Помощник, Неустанный Работник, Виракоча, который дает начало, Виракоча, который ободряет, Виракоча, всегда удачливый, Виракоча всегда рядом, услышь эту нашу молитву, пошли здоровье, пошли процветание нам, твоему народу".[7]

Таким образом, Виракоча был поставлен выше всех других богов, сущностной Первопричиной, бесконечной, бестелесной, невидимой, выше солнца, более древней, чем начало, но вездесущей, доступной, благотворной.

Не кажется ли это слишком абстрактным, слишком возвышенным представлением о Боге для расы, которую мы привыкли считать грубой и варварской? Я ничего не могу с собой поделать. Свидетельства первых наблюдателей и живое доказательство языка слишком убедительны, чтобы в них можно было сомневаться. Прилагательные, которые применяли к этому божеству местные священники, до сих пор сохранились, и то, что они не были заимствованы из

христианского богословия, убедительно доказывается тем фактом, что те самые авторы, которые их сохранили, часто не знали их значения и переводили неправильно.

Таким образом, даже Гарсиласо де ла Вега, сам по крови инков, говорит нам, что ни он, ни местные жители того времени не умели переводить *тиччи*.^[8] Таким образом, Гарсия и Акоста также сообщают нам, что Виракоча носил фамилию *Усапу*, что они переводят как "восхитительный",^[9] но на самом деле это означает "тот, кто достигает всего, за что берется, тот, кто преуспевает во всем"; Молина сохранил термин *Имамана*, что означает "тот, кто контролирует или владеет всеми вещами";^[10] титул *Пачаячачи*, который испанские авторы переводят как "Творец", на самом деле означает "учитель мира"; имя *Кайллы* означает "Вездесущий единый". *Taripasa*, который, как предполагалось, совпадает с *tarapasa*, орлом, на самом деле является производным от *taripani*, "вершить суд", и применялся к Виракоче как к окончательному арбитру действий и судеб человека. Другим из его частых наименований, для которого не было предложено никакого объяснения, был *токайский* или *Токапо*, правильно *Тукупай*.^[11] Это означает "тот, кто заканчивает", кто завершает и совершенствует, и является противоположностью *Тиччи*, тому, кто начинает. Эти два термина выражают вечность божественности; они передают ту же идею господства над временем и временными вещами, что и слова, услышанные Евангелистом в его видении на острове под названием Патмос: "Я есмь Альфа и Омега; Я есмь Начало и Конец".

Еще одним эпитетом Виракочи был *Запала*.^[12] Это сильно и позитивно передает монотеистическую идею. Это означает "Единственный" или, что более сильно, "Единственная".

Также не следует предполагать, что этот монотеизм был бессознательным; что это была, например, форма "генотеизма", когда преданность поклоняющегося наполняла его душу, просто забывая о других божествах; или что это был просто логический закон единства, утверждающий себя, как это было в случае со многими явно монотеистическими высказываниями греческих и римских авторов.

Нет; свидетельства таковы, что мы вынуждены признать, что религия Перу была сознательно монотеистическим культом, ничуть не меньшим, чем греческая или римско-католическая церкви Христианского мира.

Те авторы, которые называли религию инков "поклонением солнцу", были введены в заблуждение поверхностным сходством. Один из лучших ранних авторитетов, Кривовал де Молина, с ударением повторяет утверждение: "Они признавали Солнце не своим Создателем, а созданным Создателем", и этот создатель был "не рожден женщиной, но был неизменным и вечным".^[13] Однако за убедительным свидетельством по этому вопросу мы можем обратиться к *Информации* или Исследованию древней веры, учрежденной в 1571 году по приказу вице-короля дона Франсиско де Толедо. Старейших индейцев, особенно знатного происхождения, включая многих потомков инков, собирали в разное время и в разных частях страны и тщательно расспрашивали через официального переводчика, что именно представляла собой древняя религия. Вопросы не были наводящими, и ответы отличались большим единообразием. Все они сходились во мнении, что Виракоче поклонялись как творцу и как вездесущему действующему божеству; он один отвечал на молитвы и помогал в трудную минуту; он был единственным действенным богом. Все молитвы к Солнцу, или к умершим инкам, или к идолам были обращены только к ним как к заступникам. По этому поводу заявления были

самыми позитивными[14]. Солнце было всего лишь одним из творений Виракочи, а не само по себе Создателем.

Удивительно, что историки продолжают повторять, что кичуа поклонялись Солнцу как своему главному божеству, несмотря на такие свидетельства обратного. Если бы это Исследование и содержащиеся в нем важные утверждения не были им доступны, во всяком случае, они могли бы легко извлечь тот же урок из хорошо известной истории отца Джозефа де Акосты. Этот автор говорит и повторяет с большой убедительностью, что Солнце было в Перу второстепенным божеством и что верховным божеством, Создателем и правителем мира, был Виракоча.[15]

Другое заблуждение заключается в том, что эти туземцы непосредственно поклонялись своим предкам. Так, м-р Маркхэм пишет: "Инки поклонялись своим предкам, *Пакарине*, или праотцу *Айлли*, или линии, которую боготворили как душу или сущность его потомков".[16] Но в процитированном выше *исследовании* объясняется, что на самом деле верили, что душа инки после смерти отправлялась в присутствие божества Виракочи, и его эмблеме, настоящему телу, тщательно сохраненному, воздавались божественные почести для того, чтобы он мог жить. душа может ходатайствовать перед Виракочей об исполнении молитв.[17]

Таким образом, на основании наилучших имеющихся в настоящее время доказательств мы вынуждены прийти к выводу, что религия инков в своей чистоте заслуживала названия монотеизма. Заявления туземцев и термины их религиозного языка в совокупности подтверждают это мнение.

Неправильно принижать силу этих фактов только потому, что мы пришли к выводу, что люди, находящиеся на интеллектуальной стадии перуанцев, не могли бы подняться до такой чистой религиозной атмосферы. Предубеждение такого рода недостойно научного склада ума. Имеются все доказательства того, что термины, которые я процитировал, действительно принадлежали религиозному языку древнего Перу. Они выражают концепцию божественности, которую сформировали мыслители этого народа. И независимо от того, считается ли это соответствующим или нет остальной части их развития, наш прямой долг - принять это и объяснить как можно лучше. Можно привести и другие примеры из религиозной истории старого света, когда понимание нацией атрибутов божества необычайно опережало общий уровень их культуры. Лучшие мыслители семитской расы, например, от Моисея до Спинозы, были в этом отношении намного впереди своих зачастую более просвещенных арийских современников.

Тем интереснее, учитывая этот высокий идеал божественности, которого они достигли, становятся перуанские мифы о воплощении Виракочи, его жизни и деяниях как человека среди людей.

Эти мифы представляются в разных, но для читателя, который до сих пор сопровождал меня, уже знакомых формах. Мы снова встречаемся с историей о четырех братьях, первых из людей. Они появились на земле после того, как она была спасена из первобытных вод, и лик суши был разделен между ними. Манко Капак захватил Север, Колла - Юг, Пинауа - Запад, а Восток, регион, откуда приходят солнце и свет, был отдан Токаю или Токапа, Виракоче, под его именем Завершающего, того, кто завершает и совершенствует.[18]

Очертания этой легенды идентичны другой, где Виракоча фигурирует под именем Айяр Качи. В общих чертах это был самый общий миф, который был передан самыми многочисленными

авторитетными источниками и который, как они говорят нам, был взят непосредственно из древних песен индейцев, повторяемых теми, кто мог вспомнить дни инков Уаскара и Атауальпы.[19]

Это звучало так: В начале вещей на земле появились четыре брата, имена которых были: старшего - Айяр Качи, что означает "тот, кто дает Бытие" или "кто Вызывает";[20] младшего - Айяр Манко, а остальных - Айяр Аукка (враг) и Айяр Учучу. Их отцом было Солнце, а местом их рождения, или, скорее, появления на земле, был Паккари-тампу, что означает *Дом Утра* или *Обитель Зари*. [21] В последующие дни так называлась некая пещера близ Куско, и на нее указывали как на место этого знаменательного события, но мы вполне можем полагать, что можно было бы правильно определить более благородное место, чем любое, какое только есть на земле.

Эти братья были одеты в длинные и ниспадающие одежды, с короткой верхней одеждой без рукавов и воротника, и эта одежда была сделана с изумительным мастерством и блестела, как свет. Они были могущественны и горды и полны решимости править всей землей, и для этой цели разделили ее на четыре части: Север, Юг, Восток и Запад. Поэтому люди называли их *Тахуантин Сую Капак*, Владыками всех четырех сторон Земли.[22]

Самым могущественным из них был Айяр Качи. У него была золотая праща, а в ней камень, с помощью которого он мог разрушать высокие горы и подбрасывать их к самим облакам. Он собрал туземцев страны в Пакари тампу и собрал в Доме Зари огромное сокровище из желтого золота. Подобно сверкающему сокровищу, о котором мы читаем в "Слове Нибелунга", сокровище принесло с собой гибель своему владельцу, поскольку его братья, завидовавшие чудесной куче, убедили Айяра Качи войти в пещеру, где он хранил свои сокровища, чтобы вынести оттуда определенную вазу, а также помолиться своему отцу, Солнцу, о помощи им в управлении своими владениями. Как только он вошел, они завалили вход в пещеру огромными камнями; и, избавившись таким образом от него, они принялись собирать людей и основывать поселение в определенном месте, называемом *Тампу кир* (Зубы Дома).

Но они не знали о магической силе своего брата. Пока они были заняты своими планами, каково же было их смятение, когда они увидели Айяра Качи, освобожденного из пещеры, с огромными крыльями из ярко окрашенных перьев, парящего, как птица, в воздухе над их головами. Они ожидали быстрого возмездия за задуманное ими братоубийство, но вместо этого услышали из его уст обнадеживающие слова.

"Не бойся, - сказал он, - я покинул тебя для того, чтобы люди узнали о великой империи инков. Поэтому покиньте это поселение Тампу-киру и спуститесь в долину Куско, где вы основаете знаменитый город и постройте в нем роскошный храм Солнца. Что касается меня, я останусь в том виде, в каком вы меня видите, и буду жить на горной вершине Гуанакауре, готовый помочь вам, и на этой горе вы должны построить мне алтарь и приносить мне жертвы. И знак, который вы должны носить, благодаря которому вас будут бояться и уважать ваши подданные, - это то, что у вас будут проколоты уши, как у меня", - сказав это, он показал им свои проколотые уши и большие круглые золотые пластины.

Они пообещали ему повиновение во всем и немедленно построили алтарь на горе Гуанакауре, которая с тех пор считалась самым святым местом. Здесь им снова явился Айяр Качи и подарил Айяру Манко алую повязку, которая стала вечным знаком отличия правящего инки. Оставшиеся

братья были обращены в камень, а Манко, приняв титул *Капач*, король, и метафорическую фамилию *Пирхуа*, Зернохранилище или Сокровищница, основал город Куско, женился на своих четырех сестрах и стал первым из династии инков. Он дожил до преклонных лет и за всю свою жизнь никогда не упускал случая воздать божественные почести своим братьям, и особенно Айяру Качи.

В другом мифе о воплощении бесконечный Творец Тиччи Виракоча дублирует себя в двойном воплощении *Имаманы Виракочи* и *Токапу Виракочи*, имена, которые, как мы уже видели, означают "тот, у кого есть все" и "тот, кто все совершенствует". Легенда гласила, что эти братья начали с далекого Востока и направились на Запад. Один шел горным путем, другой - тропами низменностей, и каждый в своем путешествии, подобно Ицамне из юкатеканской истории, давал названия местам, которые он проезжал, а также всем деревьям и травам в поле и всем фруктам, и учил людей, какие из них годятся в пищу, какие полезны как лекарства, а какие ядовиты, и их следует избегать. Так они продвигались на запад, передавая знания и совершая добрые дела, пока не достигли западного океана, великого Тихого океана, волны которого, кажется, простираются на запад в бесконечность. Там, "совершив все, что они должны были сделать в этом мире, они вознеслись на Небеса", чтобы снова стать частью Бесконечного Существа; ибо достопочтенный авторитет, которому я слеую, заботливо добавляет, наиболее недвусмысленно, что "эти индийцы твердо верили, что ни Творец, ни его сыновья не были рождены женщиной, но что все они неизменны и вечны".[23]

Еще более человечным Виракоча становится в мифе, где он появляется под фамилиями *Тунапа* и *Тарипака*. Последнее, как я уже объяснял, означает "Тот, кто судит", а первое является синонимом Токапу, поскольку оно происходит от глагола *ттаный* или *ттанини*, и означает Того, кто Заканчивает, завершает или совершенствует, хотя, как и некоторые другие его имена, значение этого до настоящего времени оставалось необъясненным и утерянным. Этот миф был сохранен до нас индийским писателем Джоан де Санта Крус Пачакути, который записал его где-то около 1600 года.[24]

Он рассказывает нам, что в очень отдаленный период, вскоре после заселения Перу, с озера Титикака к племенам пришел пожилой мужчина с развевающейся бородой и густыми седыми волосами, опирающийся на посох и одетый в широкие одежды. Он ходил среди людей, называя их своими сыновьями и дочерьми, облегчая их немощи и обучая их заповедям мудрости.

Однако часто его постигала участь многих других мудрых учителей, и те, кого он стремился наставить, отвергали его и с презрением умоляли. Быстрое возмездие иногда обрушивалось на таких упрямых слушателей. Так однажды он вошел в город Ямкесупа, главный населенный пункт Южной провинции, и начал учить жителей; но они не обратили на него внимания, схватили его и с оскорблениями и побоями выгнали из города, так что ему пришлось спать в открытом поле. После этого он проклял их город, и тотчас же он провалился под землю вместе со всеми своими жителями, и впадина наполнилась водой, и все утонули. По сей день оно известно как озеро Ямкесупа, и все местные жители хорошо знают, что то, что сейчас представляет собой водную гладь, когда-то было местом цветущего города.

В другой раз он посетил Тиауанако, где до сих пор можно увидеть колоссальные руины какого-то древнего города и массивные каменные фигуры мужчин и женщин. В его время это был многолюдный рынок, его жители были богатыми и гордыми, склонными к разгулу, пьянству и танцам. Их мало заботили слова проповедника, и они относились к нему с презрением. Тогда он

обратил на них свой гнев, и в одно мгновение танцоры превратились в камень, как и стояли, и там они остаются по сей день, как все могут видеть, вечные предупреждения не пренебрегать словами мудрых.

В другой раз люди, жившие у большого озера Карапако, схватили его и связали по рукам и ногам крепкими веревками, намереваясь на следующий день предать его жестокой смерти. Но очень рано утром, как раз на рассвете, вошел прекрасный юноша и сказал: "Не бойся, я пришел позвать тебя от имени леди, которая ждет тебя, чтобы ты мог отправиться с ней в место радостей". С этими словами он коснулся оков на конечностях Тунапы, и веревки разорвались, и они вышли, не тронутые стражниками, которые стояли вокруг. Они спустились на берег озера, и как только забрезжил рассвет, Тунапа расстелил на волнах свою мантию, и он и его спутник, ступив на нее, как на плот, быстро унеслись в лучи утреннего света.

Осторожный Пачакути не посвящает нас в тайну этого таинственного свидания, либо потому, что сам не знал, либо потому, что не хотел раскрывать тайны веры своих предков. Но я не настолько благоразумен, и я сильно подозреваю, что дамой, ожидавшей добродетельного Тунапу, была Часка, Дева Рассвета, обладательница прекрасных волос, отгоняющих росу, и что местом радостей, куда она пригласила его, был Небесный Дворец, в который ежедневно Бога Света в час утренних сумерек вводит целомудренная дева Аврора.

Как гнев Тунапы был ужасен, так и милости его были более чем царственными. Однажды к концу дня он добрался до города вождя Апотампо, иначе Пакари тампу, что означает Дом или Жилище Зари, где в разгаре были свадебные торжества. Гости, поглощенные удовольствиями этого часа, без особого терпения слушали слова старика, но сам вождь слушал их с глубоким вниманием и восторгом. Поэтому, уходя, Тунапа подарил вождю, в награду за его гостеприимство и уважение, посох, который помогал его слабым конечностям во многих путешествиях. Он не отличался особой внешностью, но на нем были начертаны символы магической силы, и вождь мудро берег его среди своих сокровищ. И правильно сделал, потому что в день рождения его следующего ребенка посох превратился в чистое золото, и этим ребенком был не кто иной, как прославленный Манко Капак, которому суждено было стать родоначальником прославленного рода инков, Сынов Солнца, и прославиться во всех странах, на которые он светит; а что касается золотого посоха, то со временем, вплоть до испанского завоевания, он стал скипетром инков и знаком их суверенитета, знаменитым и священным *тупа жури*, королевским жезлом.^[25]

Это действительно стало для Манко Капака наставником и проводником. Его отец и мать умерли, и он отправился вместе со своими братьями и сестрами, из них семью братьями и семью сестрами, на поиски новых земель, взяв в руку этот посох. Подобно семи братьям, которые в мексиканской легенде покинули Ацтлан, Белую Землю, чтобы основать нации и города, так и братья Манко Капака, покинув Пакари тампу, Обитель Зари, стали *синчи*, или главами различных благородных домов и вождями племен в империи инков. Что касается Манко, то хорошо известно, что со своим золотым жезлом он путешествовал дальше, побеждая демонов и уничтожая своих врагов, пока не достиг горы напротив того места, где сейчас стоит город Куско. Здесь священный жезл по собственному желанию погрузился в землю, и Манко Капак, признавая божественное повеление, назвал гору *Уанакаури* Местом Упокоения. В долине у подножия он основал великий город, который назвал *Куско*, Пупом. Впоследствии его жители считали Уанакаури одним из своих главных божеств.^[26]

Когда работа Манко Капака была завершена, он не умер, как другие смертные, а вознесся на небеса и стал планетой Юпитер под именем *Пируа*. От этого, по мнению некоторых авторов, страна Перу получила свое название.[\[27\]](#)

Справедливо можно предположить, что этот основатель династии инков был реальным историческим персонажем. Но очевидно, что многое из того, что рассказывается о нем, является образами, почерпнутыми из легенды о Боге Света.

А что стало с Тунапой? Мы оставили его плыть в своей расprostертой мантии навстречу утреннему свету над озером Панцирь. Но легенда на этом не заканчивается. Куда бы он ни пошел в тот день, он возвращался к своему труду и продолжал свой путь вниз по реке Чакамарка, пока не достиг моря. Там его судьба становится неясной; но, добавляет Пачакути, "я понимаю, что он прошел через Панамский пролив в другое море (обратно на Восток). Это то, что утверждают самые древние мудрецы династии инков (*por aquellos ingas antiquissimos*) ". Мы вполне можем верить, что он это сделал; ибо дневной свет, который угасает в западном океане, возвращается обратно, через проливы или каким-либо другим способом, и появляется снова на следующее утро, но не на Западе, где мы наблюдали его угасающие лучи, а на Востоке, где он снова рождается, чтобы продолжить свое ежедневное и вечно повторяющееся путешествие.

Согласно другому, тоже очень раннему сообщению, Виракоче предшествовало множество сопровождающих, которые были его посыльными и солдатами. Когда он достиг моря, он и эти его последователи прошли по волнам, как если бы это была суша, и исчезли на Западе.[\[28\]](#)

Эти последователи были, как и он сам, белыми и бородатыми. Точно так же, как в Мексике местные жители приписывали возведение зданий, история которых была утеряна, белым тольтекам, подданным Кецалькоатля (см. выше, глава iii, § 3), так и в Перу различные древние руины, строители которых были стерты из памяти, были показаны испанцам как работа белой и бородатой расы, владевшей страной задолго до того, как инки основали свою династию.[\[29\]](#) Объяснение в обоих случаях одно и то же. В обоих ранних произведениях искусства неизвестного происхождения предполагалось, что они созданы персонифицированными лучами света, которые являются источником мастерства, потому что они предоставляют средства, необходимые для приобретения знаний.

Версии этих мифов, которые были сохранены до нас Хуаном де Бетансосом, и документы, на которых историк Эррера основывал свое повествование, в основном идентичны тем, которые я процитировал из повествования Пачакути. Я, однако, приведу рассказ Эрреры, поскольку у него есть некоторые интересные особенности.

Он говорит нам, что традиции и песни, которые индейцы унаследовали от своих далеких предков, повествуют о том, что в очень ранние времена был период, когда солнца не было, и люди жили в темноте. Наконец, в ответ на их настойчивые молитвы, солнце выглянуло из-за озера Титикака, и вскоре после этого туда пришел человек с юга, светлокожий, крупного роста, с почтенной осанкой, чья сила была безгранична. Он сдвинул горы, засыпал долины, заставил фонтаны биться из твердых скал и дал жизнь людям и животным. Поэтому люди называли его "Началом всего Сотворенного" и "Отцом Солнца". Много добрых дел он совершил, наводя порядок среди людей, давая им мудрые советы, творя чудеса и обучая. Он отправился в свое путешествие на север, но до самых поздних времен его деяния и личность хранились в памяти

под именами Тичи Виракоча и Туапака, а в других местах - как Арнава. Они воздвигли ему множество храмов, в которых поместили его фигуру и изображение, как описано.

Они также сказали, что через определенный промежуток времени вновь появился другой, подобный этому первому, или же он был тем же самым, который также давал мудрые советы и исцелял больных. Он попал в немилость, и в одном месте люди собирались убить его, но он призвал на них огонь с небес, который сжег их деревню и превратил горы в пепел. Тогда они побросали свое оружие и умоляли его избавить их от опасности, что он и сделал[30]. Он плыл на Запад, пока не достиг берега моря. Там он расстелил свою мантию и, усевшись на нее, уплыл, и больше его никогда не видели. По этой причине, добавляет хронист, "ему было дано имя *Виракоча*, что означает "Пена морская", хотя впоследствии его значение изменилось".[31]

Это подводит меня к этимологии названия. Оно, по общему признанию, неясно. Перевод, который дает Эррера, является тем, который обычно предлагают испанские писатели, но он не является буквальным. Слово *uira* означает жир, а *coscha* - озеро, море или другой большой водоем; следовательно, поскольку родительный падеж в языке кичуа должен иметь приставку "Озеро или море жира", перевод должен быть "Озеро или море жира". Это было показано Гарсиласо де ла Вегой в его *Королевских комментариях*, и поскольку он не видел смысла или уместности в применении такого термина, как "Озеро жира", к Верховному Божеству, он отверг это происхождение и удовлетворился тем, что сказал, что значение термина "Озеро жира" не соответствует действительности. имя было совершенно неизвестно.[32] В этом г-н Клементс Р. Маркхэм, который является авторитетом в перуанских вопросах, совпадает, хотя и признает, что никакого другого значения не запрашивается.[33] Я ничего не буду говорить о происхождении этого названия от санскрита,[34] или древнеегипетского;[35] это этимологические забавы, к которым серьезные исследования не имеют никакого отношения.

Первое и общепринятое происхождение было умело и, на мой взгляд, успешно защищено, вероятно, самым опытным исследователем кичуа нашего времени, сеньором Гавино Пачеко Зегаррой, который во введении к своему самому превосходному изданию "Драмы о *Ольянтай*" утверждает, что Виракоча, буквально "Озеро жира", было сравнением, примененным к бурлящему морю, и добавляет, что как личное имя в этом значении оно полностью соответствует гениальности языка кичуа[36].

Прочитав его слова: "По преданию, лицо Виракочи было чрезвычайно белым и бородатым. Отсюда и произошло его имя, которое в буквальном смысле означает "Озеро жира"; однако в более широком смысле это слово означает "Морская пена", поскольку на языке кичуа пену называют *жирной*, без сомнения, из-за ее белизны".

Это имело двойное значение в применении к богу-герою. В одной мифе предполагалось, что он не только поднялся из волн озера Титикака, а в другом - появился, когда первобытный океан оставил сушу сухой, но и повсеместно описывался как *белый человек* со светлым цветом лица. Действительно, странно, что эти люди, которые никогда не видели представителя белой расы, так настойчиво изображали своих высших богов именно такого оттенка и, более того, с развевающейся бородой и густыми светлыми волосами, которые являются их характерной чертой.

Однако нельзя отрицать, что это факт. Если бы это зависело только от легенды, мы могли бы, каким бы сильным ни было единодушие свидетельств, испытывать некоторые сомнения по

этому поводу. Но это не так. Сами памятники подтверждают это. Действительно, в мифах наблюдается поразительное единообразие утверждений. Виракоча, под любыми своими фамилиями, всегда описывается как белый и бородатый, одетый в ниспадающие одежды и с внушительным видом. Его одежды тоже были белыми, и поэтому он был изображен у входа в один из его самых знаменитых храмов - Уркос. Его изображение в том месте было человеком в белом одеянии, ниспадающем до пояса, а оттуда до ног; рядом с ним, высеченные в камне, были его птицы, орел и сокол.[37] Также, в известном случае, когда он, как говорили, явился во сне одному из инков, впоследствии принявшему его имя, он, как говорили, явился с бородой более чем в пядь длиной и одетый в большую и свободную мантию, которая ниспадала к его ногам, в то время как рукой он держал за веревку, привязанную к его шее, какое-то неизвестное животное. И таким образом, в последующие времена он был изображен на картинах и статуях по приказу этого инки.[38]

Один из ранних авторов сообщает нам, что великий храм Куско, который впоследствии был выбран для строительства кафедрального собора, первоначально принадлежал Илле Тиччи Виракоче. В нем был только один алтарь, а на нем - мраморная статуя бога. Это описывается как "то, что касается волос, цвета лица, черт лица, одежды и сандалий, точно так же, как художники изображают апостола святого Варфоломея".[39]

Введенные в заблуждение утверждениями историка Гарсиласо де ла Вега, некоторые более поздние авторы, среди которых я могу отметить выдающегося немецкого путешественника фон Чуди, предположили, что Виракоча принадлежал к историческим божествам Перу и что поклонение ему возникло сравнительно недавно.[40] Ла Вега, который не мог понять имени божества и, более того, либо мало знал о древней религии, либо скрывал свои знания (как показано его неоднократным заявлением о том, что человеческие жертвоприношения были неизвестны), притворился, что Виракоча впервые удостоился чести благодаря сну инки, который принял его имя. Но рассказ об этом событии, который он сам приводит, показывает, что даже в то время этот миф был хорошо известен и имел большую древность.[41]

Заявления, которые он делает, ссылаясь на авторитет отца Бласа Валеры, о том, что инка Тупак Юпанки стремился очистить религию своего времени, приведя ее к созерцанию бестелесного Бога,[42] вероятно, в основном, верны. Это подтверждается аналогичным рассказом Акосты о знаменитом Уайна Капаке. Действительно, их чтение настолько похоже, что, вероятно, это повторения учений, знакомых знати и высшим священникам. Оба инка утверждали, что Солнце не могло быть главным богом, потому что оно ежедневно двигалось своим обычным путем, подобно рабу или животному, которого ведут. Следовательно, он должен быть подданным более могущественной силы, чем он сам.

Мы можем разумно предположить, что эти выражения являются доказательством растущего понимания атрибутов божественности. Они указывают на эволюцию религиозной мысли и показывают, что монотеистические идеи, на которые я указал в титулах и именах высшего Бога, были четко признаны и публично провозглашены.

Виракоче также поклонялись под названием *Кон-тиччи-Виракоча*. Были предложены различные объяснения названия *Кон*. Нет полной уверенности в том, что оно принадлежит языку квичуа. Миф, сохраненный Гомарой, трактует Кона как отдельное божество. Говорят, что он пришел с севера, что у него не было костей, мускулов или членов, что он обладал способностью бегать с бесконечной быстротой и что он сравнивал с землей горы, засыпал долины

и лишил прибрежные равнины дождя. В то же время его называют сыном Солнца и Луны, и именно благодаря его доброй воле и созидательной силе были созданы мужчины и женщины, а также даны кукуруза и фрукты, которыми они могли питаться.

Однако другой, более могущественный бог по имени Пачакамак, также сын Солнца и Луны и, следовательно, брат Кона, восстал против него и изгнал его с земли. Мужчины и женщины, которых создал Кон, были превращены Пачакамаком в животных, и были созданы другие, которые были предками нынешней расы. Он снабжал их всем необходимым для их существования и обучал искусству войны и мира. По этим причинам они почитали его как бога и построили для поклонения ему роскошный храм в полутора лигах от нынешнего города Лима.[43]

Этот миф о конфликте двух братьев слишком похож на другие, которые я цитировал, чтобы ошибиться в его значении. К сожалению, она дошла до нас в столь фрагментарном виде, что не представляется возможным установить ее надлежащую связь с циклом легенд о Виракоче.

Как я уже намекал, мы не уверены ни в значении имени Кон, ни в том, имеет ли оно кичуа происхождение. Если это так, что действительно вероятно, то мы можем предположить, что это транскрипция слова *ssun*, которое в кичуа является третьим лицом единственного числа, указывающим на настоящее время, *отссuni*, которое я привожу. "Он дает"; Дающий, казалось бы, подходящее имя для первого творца вещей. Но сам миф и описание божества, бестелесного и стремительного, приносящего в одно время оплодотворяющие дожди, в другое - засуху, по-видимому, безошибочно указывают на бога ветров. Лингвистическая аналогия подтверждает это, поскольку название, данное вихрю или сильной буре с ветром, было *Conchuy*, с дополнительным словом, обозначающим, был ли это дождь или просто пыльная буря.[44] По этой причине я думаю, что попытка М. Винера сделать из Кона (или *Квонна*, как он предпочитает это писать) просто божество дождей, слишком узка.[45]

Легенда, по-видимому, указывает на то, что предполагалось, что он потерпел поражение и был полностью изгнан. Но изучение памятников показывает, что это было не так. Одна из самых замечательных древностей Перу находится в местечке под названием *Кончача*, в трех лигах к югу от Абанкая, по дороге из Куско в Лиму. М. Леонсе Ангранд заметил, что это "очевидно, был один из великих религиозных центров первобытных народов Перу". Здесь находится огромная гранитная глыба, очень причудливо вырезанная для облегчения распределения жидкости, налитой на ее вершине, в различные ручейки и причудливые сосуды. Была ли эта жидкость кровью жертв, местным опьяняющим напитком или чистой водой, все из которых были предложены, мы точно не знаем, но я склонен полагать, как и М. Винер, что упоминалось последнее и что Кону поклонялись в этом священном месте как благодетельному божеству дождей. На это указывает его название *con sacha*, "Посланник Кона".[46]

Слова *Pacha satac* означают "оживляющий" или "дающий жизнь миру". По словам отца Акосты, это было одно из имен Виракочи,[47] и в священной песне, сохраненной Гарсиласо де ла Вегой, к нему обращаются этим титулом.[48] Таким образом, тождество этих двух божеств представляется достаточно установленным.

Компетентные исследователи-антиквары утверждают, что поклонение пачакамаку было более распространено в древнем Перу, чем предполагали более старые историки. На это указывают многочисленные остатки храмов, которые местная традиция приписывает его почитанию, и

обычаи местных жителей.[49] Например, при рождении ребенка ему это было официально предложено и требовалась его защита. Достигнув какой-нибудь трудной высоты, трудящийся индеец обращался к Пачакамаку с несколькими словами благодарности; и груды камней, которые были простыми знаками их благодарности, все еще видны во всех частях страны.

Этот вариант истории о Виракоче помогает понять его мифический смысл. Часто повторяющийся эпитет "Контис Виракоча" показывает тесную связь между его характером и характером божества Кон, по сути, личность, заслуживающая пристального внимания. Я полагаю, это объясняется предположением, что Виракоча был Повелителем Ветра так же, как и Света. Подобно всем другим светлым богам и божествам сторон света, он в то же время был ветром, исходящим от них. Того, что было сохранено из древней мифологии, достаточно, чтобы показать это, но недостаточно, чтобы позволить нам примирить кажущиеся противоречия, которые она наводит. Более того, следует всегда помнить, что все религии основаны на противоречиях, противоречиях фактов, логики и утверждений, так что мы не должны пытаться принудить какую-либо из них к последовательному единству формы, даже с самой собой.

Мне еще предстоит добавить еще один момент сходства между мифами о Виракоче и о Кецалькоатле, Ицамне и других, о которых я уже рассказывал. Как в Мексике, на Юкатане и в других местах, так и во владениях инков испанцы не оказались неожиданными гостями. Здесь также вспоминались тексты древних пророчеств, слова предупреждения из торжественных старинных песен, предсказывающие, что другие Виракочи, мужчины со светлым цветом лица и ниспадающими бородами, однажды придут от Солнца, отца существующей природы, и подчинят империю своему правлению. Когда великий инка Уайна Капак был на смертном одре, он вспомнил эти пророчества и запечатлел их в сознании своего преемника, так что, когда Де Сото, лейтенант Писарро, имел свою первую встречу с посланником Атауальпы, последний смиренно обратился к нему как к Виракоче, великому Богу, сыну Солнца, и сказал ему, что это был последний приказ Уайны Капака отдать дань уважения белым людям, когда они придут.[50]

Нам больше не нужно относиться к подобным заявлениям с той подозрительностью или недоверием, которым сочли нужным потворствовать столь многие историки. Они слишком часто находят параллели в других американских мифах о героях, чтобы оставлять хоть малейшие сомнения относительно их реальности или значимости. Они снова являются выражением ожидаемого возвращения Бога Света после его ухода и исчезновения на западном горизонте. Видоизменяя то, что первоначально было констатацией простого явления повседневной рутины, они стали передаваться в мифологии лимбека в историю о благодетельном боге прошлого и обещание золотых дней, когда он снова вернется к людям, которыми некогда правил и учил.

Кичуа ожидали возвращения Виракочи не просто как земного правителя, который будет управлять их народом, но и как бога, который своей божественной силой вернет мертвых к жизни. Точно так же, как в Древнем Египте буквальная вера в воскрешение тела привела к обычаю сохранять трупы с величайшей тщательностью, так и в Перу труп мумифицировали и помещали в самые тайные и недоступные места, чтобы он оставался нетронутым до великого дня воскресения.

И когда это должно было случиться?

У нас не осталось сомнений на этот счет. Это должно было произойти, когда Виракоча должен был вернуться на землю в своей телесной форме. Тогда он вернет мертвых к жизни, и они будут наслаждаться благами земли, гораздо более славной, чем наш повседневный мир.[51]

Как при первой встрече рас имя бога-героя применялось к чужеземцам-завоевателям, так и по сей день этот обычай сохраняется. Недавний путешественник рассказывает нам: "Среди *Лос Индиос дель Кампо*, или индейцев полей, пастухов лам *лунасови* рыбаков озер, обычное приветствие незнакомцам со светлой кожей и голубыми глазами - "*Тай-тай Виракоча*".[52] Даже если это используется сейчас, как, по-видимому, думает М. Винер,[53] просто как раболепная лесть, нет сомнений, что вначале это применялось потому, что люди со светлой кожей и голубыми глазами говорили: "Тай-тай Виракоча". белые незнакомцы отождествлялись с белым бородатым героем и его последователями из мифа их культуры, возвращение которых было предсказано их священниками.

Обязаны ли мы объяснять это сходство с мексиканской традицией предположением о каких-то древних связях между этими народами, о появлении, например, и поселении на высокогорье вокруг озера Титикака некой колонии "тольтеков", как утверждали такие талантливые исследователи перуанских древностей, как Леонс Ангранд и Дж.Дж. фон Чуди?[54] Я думаю, что нет. Великие явления природы, день и ночь, буря и солнечный свет, везде одинаковы, и впечатления, которые они производили на умы этой расы, были одинаковыми, происходило ли это в лесах северного умеренного пояса, среди пальм тропиков или на высоких и бесплодных плато Анд. Эти впечатления нашли выражение в похожих мифах и были представлены в искусстве в похожих формах. Следовательно, именно к единству причин и расовой психологии, а не к древним миграциям, мы должны стремиться, чтобы объяснить идентичность мифов и представлений, которые мы обнаруживаем у таких широко разделенных народов.

[Footnote 1: "*Ticci*, origen, principio, fundamento, cimiento, causa. *Ylla*; todo lo que es antiguo." Holguin, *Vocabulario de la Lengua Qquichua ó del Inga* (Ciudad de los Reyes, 1608). *Тиччи* не следует путать с *атиччи*, "он побеждает", от *атини*"Я побеждаю", термин, также иногда применяемый к Виракоче.]

[Footnote 2: *Relacion Anónyma, de los Costumbres Antiguos de los Naturales del Piru*, p. 138. 1615. (Опубликовано, Мадрид, 1879).]

[Сноска 3: Там же, стр. 140.]

[Сноска 4: Там же, стр. 147.]

[Сноска 5: Там же, стр. 154.]

[Сноска 6: Эррера, *История лас-Индиас*, дек. v, Библиотека iv, глава i.]

[Сноска 7: Кривовал де Молина, *Басни и обряды инков*, стр. 29. Молина приводит оригинал Qquichua, перевод которого явно неполный, и я расширил его.]

[Footnote 8: "Dan (los Indios), otro nombre á Dios, que es Tici Viracocha, que yo no se que signifique, ni ellos tampoco." Гарсиласо де ла Вега, *Настоящие комментарии*, Библиотека ii, глава ii.]

[Сноска 9: Гарсия, *Опуен де лос Индиос*, Lib. iii, cap. vi; Acosta, *Historia, Natural y Moral de las Indias*, fol. 199 (Barcelona 1591).]

[Сноска 10: Крстовал де Молина, *Басни и обряды инков*, англ. Пер., с. 6.]

[Сноска 11: Мельхиор Эрнандес, один из самых ранних писателей, чьи работы ныне утрачены, но который цитируется в "Анонимном изложении", дает это имя *Токапу*; Крстовал де Молина (ubi sup.) произносит его как *Токапо*; Ла Вега *Токай*; Молина дает его значение "создатель". Это от слова *тукупай* или *тукуйчани*, завершать, завершать, совершенствовать.]

[Сноска 12: Гомара, *История Индии*, стр. 232 (изд. Париж, 1852).]

[Сноска 13: Крстовал де Молина, *Басни и обряды инков*, стр. 8, 17. Англ. Пер.]

[Footnote 14: "Ellos solo Viracocha tenian por hacedor de todas las cosas, y que el solo los podia socorrer, y que de todos los demas los tenian por sus intercesores, y que ansi los decian ellos en sus oraciones antiguas, antes que fuesen cristianos, y que ansi lo dicen y declaran por cosa muy cierta y verdadera." *Information de las Idolatras de los Incas é Indios*, in the *Coleccion de Documentos Ineditos del Archivo de Indias*, vol. xxi, c. 198. Other witnesses said: "Los dichos Ingas y sus antepasados tenian por criador al solo Viracocha, y que solo los podia socorrer," id. p. 184. "Adoraban á Viracocha por hacedor de todas las cosas, como á el sol y a Hachaccuna los adoraban porque los tenia por hijos de Viracocha y por cosa muy allegada suya," p. 133.]

[Footnote 15: "Sientan y confiessen un supremo señor, y hazedor de todo, al qual los del Piru llamavan Viracocha. * * Despues del Viracocha, o supremo Dios, fui, y es en los infieles, el que mas comunmente veneran y adoran el sol." Acosta, *De la Historia Moral de las Indias*, Lib, v. cap. iii, iv, (Барселона, 1591).]

[Сноска 16: Клементс Р. Маркхэм, *Журнал Королевского географического общества*, 1871, стр. 291. *Pasarina* - причастие настоящего времени от *pasarini*- рассветать, начинаться, рождаться.]

[Сноска 17: Информация др., стр. 209.]

[Сноска 18: Гарсиласо де ла Вега, *Настоящие комментарии*, Библиотека i, глава xviii.]

[Footnote 19: "Parece por los cantares de los Indios; * * * afirmaron los Orejones que quedaron de los tiempos de Guascar i de Atahualpa; * * * cuentan los Indios del Cuzco mas viejos, etc.," repeats the historian Herrera, *Historia de las Indias Occidentals*, Dec. v, Lib. iii, cap. vii, viii.]

[Footnote 20: "*Cachini*; dar el ser y hazer que sea; *cachi chiuachic*, el autor y causa de algo." Ольгин, *Вокабулярио ла Ленгва Кечуа, субвокус, качипуни*. Имена мало отличаются в Эррере (который, однако, опускает Уч), Монтесиносе, Бальбоа, Оливе, Ла Вега и Пачакути; я следил за орфографией двух последних, поскольку оба были коренными жителями Кичуа.]

[Сноска 21: Ольгин (ubi выше) дает *паккарин*, утро, *паккарини*, рассвету; *тампу*, *вента-мезон*.]

[Сноска 22: *Тахуантин*, все четыре, от *тахуа*, четыре; *суйю*, подразделение, секция; *капак*, король.]

[Сноска 23: Крстовал де Молина, *Басни и обряды инков*, стр. 6.]

[Footnote 24: *Relacion de Antiguedades deste Reyno del Piru*, por Don Joan de Santacruz Pachacuti Yamqui, passim. Пачакути рассказывает историю о Тунапе как о явном герое-мифе племени

квичуа. Он также был богом-героем племени аймара, и о нем, по словам отца Людовико Бертонио, "по сей день рассказывают много небылиц и глупостей". *Словарь языка Аймара*, с.в. Другое имя, которое он носил в Аймаре, было *Экако*, что на этом языке означает, как нарицательное, изобретательного, изворотливого человека многих планов (*Бертонио, Словарь*, с.в.). "Туннупа", как его произносит Бертонио, не поддается какой-либо очевидной этимологии в аймара, что является еще одним доказательством того, что имя произошло от кечуа. Это ни в коем случае не единичный пример идентичности религиозной мысли и терминов между этими нациями. In comparing the two tongues, M. Alcide D'Orbigny long since observed: "On retrouve même à peu près un vingtième des mots qui ont évidemment la même origine, surtout ceux qui expriment les idées religieuses." *L'Homme Américain, considéré sous ses Rapports Physiologiques et Moraux*, Tome i, p. 322 (Paris, 1839). Этот автор пытается доказать, что религия квичуа была в основном заимствована у аймаров, и из двух он считает последнюю старшей в цивилизации. Но насколько мне удалось изучить мифологию аймаров, а это весьма поверхностно из-за отсутствия источников, она, по-видимому, не заслуживает такой чести.]

[[Сноска 25](#): "Тупа яури; El cetro real, vara insignia real del Inca". Ольгин, *Словарь языка Кичуа - о - дель - Инка*, Южная Каролина]

[[Сноска 26](#): Дон Гавино Пачеко Зегарра выводит "Хуанакаури" из "хуанайя", "отдыхать самому" и "кайри" здесь; "это то, что нужно для восстановления". *Оллантай*, Введение, стр. xxv. Это явно была хуска, или священный фетиш инков, и, образно говоря, они произошли от него. Его поклонение было очень распространено в древнем Перу. Смотрите *Информацию об идолопоклонниках инков и индейцев*, 1671 год, цитировавшуюся ранее.]

[[Сноска 27](#): Отождествление Манко Капака с планетой Юпитер упоминается в "Анонимной связи", основанной на авторитете Мельхиора Эрнандеса.]

[[Сноска 28](#): Гарсия, *Ориген де лос Индиос*, Библиотека v, глава vii.]

[[Footnote 29](#): Speaking of certain "grandes y muy antiquissimos edificios" on the river Vinaque, Cieza de Leon says: "Preguntando a los Indios comarcanos quien hizo aquella antigualla, responden que otras gentes barbadas y blancas como nosotros: los cuales, muchos tiempos antes que los Ingas reinasen, dicen que vinieron a estas partes y hicieron alli su morada." *La Crónica del Peru*, cap. lxxxvi.]

[[Сноска 30](#): Об этом инциденте также рассказывают Пачакути и Бетанзос. Все три места действия расположены в Карче, в восемнадцати лигах от Куско, где во времена Завоевания проживало племя канас. Пачакути утверждает, что причиной гнева Виракочи было то, что в Сьерре стояла статуя женщины, которой приносились человеческие жертвы. Если бы это была традиция, это дало бы еще одну точку отождествления с традицией Кецалькоатля, который, как также говорили, запретил человеческие жертвоприношения.]

[[Сноска 31](#): Эррера, *История Западной Индии*, v дек., Библиотека iii, глава vi.]

[[Footnote 32](#): "Donde consta claro no ser nombre compuesto, sino proprio de aquella fantasma que dijo llamarse Viracocha y que era hijo del Sol." *Com, Reales*, Lib. v, cap. xxi.]

[[Сноска 33](#): Введение в *Повествования об обрядах и законах инков*, стр. xi.]

[[Footnote 34](#): "Le nom de Viracocha dont la physionomie sanskrite est si frappante," etc. Desjardins, *Le Perou avant la Conquête Espagnole*, p. 180 (Paris 1858).]

[Сноска 35: Виракоча "является Ил или Ра вавилонских памятников и, следовательно, Ра Египта" и т.д. Профессор Джон Кэмпбелл, *Председатель Международного конгресса американцев*, том i, стр. 362 (1875).]

[Сноска 36: *Оллантай, Драма о кечуа*, Вступление, стр. xxxvi (Париж, 1878). В Перу существовал класс прорицателей, которые предсказывали будущее, исследуя жир животных; их называли Вира-пирикук. Молина, *Басни и обряды*, стр. 13.]

[Сноска 37: Крестовал де Молина, *ubi выше*, стр. 29.]

[Сноска 38: Гарсиласо де ла Вега, *Комментарии к реалам*, Библиотека iv, глава xxi.]

[Сноска 39: *Relacion anonima*, стр. 148.]

[Footnote 40: "La principal de estas Deidades historicas era *Viracocha*. * * * Dos siglos contaba el culto de Viracocha á la llegada de los Españoles." J. Diego de Tschudi, *Antiguedades Peruanas*, pp. 159, 160 (Vienna, 1851).]

[Сноска 41: Сравните отчет в "Гарсиласо де ла Вега", "*Комментарии к реальным событиям*", Lib. ii, cap. iv; Библиотека iv, главы xxi, xxiii, с этим в Acosta, *Historia Natural y Moral de las Indias*, Библиотека vi, глава xxi.]

[Сноска 42: *Реальные комментарии*, Пт. i, Библиотека viii, глава. viii.]

[Сноска 43: Франсиско Лопес де Гомара, *История Индии*, стр. 233 (Изд. Париж, 1852).]

[Сноска 44: Вихрь с дождем был *париа кончуи* (*париа*, дождь), вихрь с облаками пыли, *оллпа кончуи* (*оллпа*, земля, пыль); Ольгин, *Словарь Квичуа*, с.В. *Антай кончуи*.]

[Footnote 45: *Le Perou et Bolivie*, p. 694. (Париж, 1880.)]

[Сноска 46: Эти останки тщательно описаны Чарльзом Винером, *Перу и Боливия*, стр. 282, далее; из заметок М. Анграна, Дежарденом, *Le Perou avant la Conquête Espagnole*, стр. 132; и поверхностно Сквайером, *Перу*, стр. 555.]

[Сноска 47: *Естественная и моральная история Индии*, Библиотека v, глава iii.]

[Сноска 48: *Реальные комментарии*, Библиотека ii, глава xxviii.]

[Footnote 49: Von Tschudi, who in one part of his work maintains that sun-worship was the prevalent religion of Peru, modifies the assertion considerably in the following passage: "El culto de Pachacamac se hallaba mucho mas extendido de lo que suponen los historiadores; y se puede sin error aventurar la opinion de que era la Deidad popular y acatada por las masas peruanas; mientras que la religion del Sol era la de la corte, culto que, por mas adoptado que fuese entre los Indios, nunca llegó á desarraigar la fe y la devocion al Numen primitivo. En efecto, en todas las relaciones de la vida de los Indios, resalta la profunda veneracion que tributaban á Pachacamac." *Antiguedades Peruanas*, p. 149. Поскольку в другом месте этот автор прилагает все усилия, чтобы показать, что инки отказались от поклонения Солнцу и установили вместо него культ Виракочи, вышесказанное, по-видимому, очень сильно сужает сферу поклонения Солнцу.]

[Сноска 50: Гарсиласо де Ла Вега, *Настоящие комментарии*, Библиотека ix, заглавные. xiv, xv; Съеза де Леон, *Relacion*, ср. в Прескотте, *Завоевание Перу*, Том i, стр. 329. Последнее является второй частью "Съеса де Леон".]

[Footnote 51: "Dijeron aquellos oyeron decir a sus padres y pasados que un Viracocha habia de revolver la tierra, y habia de resucitar esos muertos, y que estos habian de bibir en esta tierra." *Information de las Idolatras de los Incas é Indios*, in the *Coll. de Docs. ineditos del Archivo de Indias*, vol. xxi, c. 152.]

[Сноска 52: Э.Г. Сквайер, *Путешествия по Перу*, стр. 414.]

[Сноска 53: С. Винер, *Перу и Боливия*, стр. 717.]

[Footnote 54: L. Angrand, *Lettre sur les Antiquités de Tiaguanaco et l'Origine présumable de la plus ancienne civilisation du Haut-Perou*. Extrait du 24eme vol. de la *Revue Generale d'Architecture*, 1866. Von Tschudi, *Das Ollantadrama*, p. 177-9. The latter says: "Der von dem Plateau von Anahuac ausgewanderte Stamm verpflanzte seine Gesittung und die Hauptzüge seiner Religion durch das westliche Südamerica, etc."]

ГЛАВА VI.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ТИПИЧНОГО ГЕРОЯ-МИФА.

ТИПИЧНЫЙ МИФ, ВСТРЕЧАЮЩИЙСЯ ВО МНОГИХ ЧАСТЯХ КОНТИНЕНТА - ТРУДНОСТИ В ЕГО ОТСЛЕЖИВАНИИ - РЕЛИГИОЗНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В АМЕРИКЕ АНАЛОГИЧНА ЭВОЛЮЦИИ В СТАРОМ СВЕТЕ - КРАХ ХРИСТИАНСТВА Среди КРАСНОЙ РАСЫ.

КУЛЬТУРНЫЙ МИФ ТАРАСКО ИЗ МЕХОАКАНА - МИФ О БОГАТСТВАХ ГВАТЕМАЛЫ - ВОТАНСКИЙ МИФ О ЦЕНДАЛАХ ИЗ ЧЬЯПАСА - ФРАГМЕНТ МИФА О МИКСЕ - БОГ-ГЕРОЙ МУИСКОВ ИЗ НОВОЙ ГРАНАДЫ - СТВОЛА ТУПИ-ГУАРАНАЙ В ПАРАГВАЕ И БРАЗИЛИИ -МИФЫ О ДЕНЕ БРИТАНСКОЙ АМЕРИКИ.

ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ В АМЕРИКЕ-ЗАРОДЫШИ ПРОГРЕССА В АМЕРИКАНСКИХ РЕЛИГИЯХ-ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ-БОГ СВЕТА Как НРАВСТВЕННОЕ И БЛАГОТВОРНОЕ ТВОРЕНИЕ-ЕГО ПОКЛОНЕНИЕ ВОЗВЫШАЛО-МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ТУЗЕМНЫХ ОБЩЕСТВ ДО ЗАВОЕВАНИЯ-ПРОГРЕСС В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИДЕИ БОГА В ПЕРУ, МЕКСИКЕ И На ЮКАТАНЕ-ОШИБОЧНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ О МОРАЛИ ТУЗЕМЦЕВ-ЭВОЛЮЦИЯ ИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ.

В предыдущих главах я рассмотрел мифы о героях пяти народов, разделенных по местоположению, культуре и языку. Я показал странное сходство в их рассказах об их таинственном раннем благодетеле и учителе и их еще более странных, потому что верных, предчувствиях прихода бледнолицых завоевателей с Востока.

Я выбрал эти народы потому, что их мифы были записаны наиболее полно, а не потому, что они одни владели этой поразительной легендой. Это, я повторяю, фундаментальный миф в религиозных преданиях американских народов. На самом деле, это не значит, что его можно обнаружить во всех племенах, особенно по той распространенности, которой оно обладает среди некоторых. Но существует сравнительно немного местных мифологий, которые не передают некоторые из ее элементов, некоторые ее фрагменты, и этого достаточно часто, чтобы

оправдать наше предположение, что, будь у нас полный свод их священных историй, мы нашли бы эту мифологию во вполне определенной форме, которую я ей придал.

Изучающий американскую мифологию, к сожалению, сталкивается с особыми трудностями. Когда он ищет свой материал, он обнаруживает его чрезвычайную нехватку. Миссионеры обычно отказывались сохранять местные мифы, потому что считали их вредными или, по крайней мере, глупыми; в то время как люди науки, у которых были такие возможности, отвергали все те, которые меньше всего походили на библейские истории, поскольку подозревали, что они являются современными и бесполезными сочинениями, и таким образом теряли саму жизнь подлинных древних верований.

Еще одним недостатком является слабое внимание, уделяемое языкам коренных американцев, и печальный недостаток материала для их изучения. В настоящее время всеми признано, что ключ к мифологии следует искать в языке тех, кто в нее верит. Как замечает немецкий писатель, "формирование языка и эволюция мифа идут рука об руку".^[1] Мы должны знать язык племени, по крайней мере, понимать грамматическую конструкцию и иметь возможность проследить значение и происхождение названий, прежде чем мы сможем получить какое-либо точное представление о природе его религиозных верований. Никакая удобная общность нам не поможет.

Я делаю эти замечания как своего рода извинение за недостатки настоящего исследования, и особенно за несовершенства фрагментов, которые мне еще предстоит представить. Однако они достаточно определены, чтобы с уверенностью утверждать, что принадлежали к циклам мифов, близким к уже приведенным. Они послужат подтверждением моего тезиса о том, что кажущиеся запутанными и ребяческими басни коренных американцев столь же достойны внимания исследователя человеческой природы, как и более поэтичные повествования Вед или Эдды. Красный человек искал Бога такими же детскими поисками, как и его белый брат в Центральной Азии. Когда его курс был прерван, он шел тем же путем к открытию истины. По словам вдумчивого писателя: "В мире, полностью отделенном от того, который принято называть Старым Светом, религиозная эволюция человека происходила точно таким же образом, как и в тех условиях, которые породили цивилизацию Западной Европы".^[2]

Но это религиозное развитие красного человека было жестоко прервано насильственным навязыванием вероучения, которого он не мог понять и которое не соответствовало его потребностям, а также тяжелым игом священнослужителей, совершенно не сочувствующих его пути развития. Каков был результат? "Оказало ли христианство, - спрашивает писатель, которого я только что процитировал, - прогрессивное воздействие на эти народы? Продвинуло ли оно их вперед, помогло ли их естественной эволюции? Мы обязаны ответить: Нет".^[3] Этот печальный ответ повторяют внимательные наблюдатели, которые беспристрастно изучали местных жителей в их домах.^[4] Единственная разница в результатах двух великих разделений христианского мира, по-видимому, заключается в том, что в католических миссиях последовало унижение, в протестантских - уничтожение расы.

На это можно возразить, что не христианство, а сопутствующие ему алчные орды авантюристов, расточительных торговцев, эгоистичных священников и беспринципных чиновников привели к деградации местной расы. Да будет так. Тогда я просто изменяю свое утверждение, говоря, что христианство показало себя неспособным контролировать свои неизбежные дополнения, и что с моральной и социальной точки зрения для американской расы было бы лучше вообще

никогда не знать христианства, чем принять его на тех единственных условиях, на которых это было возможно предложить.

Поэтому с еще большей серьезностью, ввиду этого признанного провала христианских усилий, я обращаюсь к местным верованиям и желаю отстоять для них достойное положение среди верований, которые помогли поднять человека над уровнем животного и вдохновили его надеждой и стремлением к улучшению.

С этой целью я приведу некоторые дополнительные доказательства распространения мифа, который я изложил, а затем перейду к обсуждению его влияния на умы верующих.

Тараско были интересной нацией, жившей в провинции Мичоакан, к западу от долины Мехико. Это была утонченная раса, говорившая на звучном вокальном языке, настолько отважная в войне, что они хвастались тем, что никогда не терпели поражений, и все же их религиозные обряды были почти бескровными, и они предпочитали мир. Отважные ацтеки были отброшены назад при каждой попытке завоевать Мичоакан, но его правитель безропотно подчинился Кортесу, признав в нем противника общего врага и воина, превосходящего силы человека.

Среди этих тарасков мы находим ту же легенду о божестве-герое, который вывел их из состояния варварства, дал им законы, устроил их календарь, который по своим принципам был таким же, как у ацтеков и майя, и определил форму их правления. Его звали *Суритес* или *Курикаберис*, слова, которые из-за моих ограниченных возможностей в этом языке я не в состоянии разобрать. Он жил в городке Кромускуаро, название которого означает Сторожевая башня, и час, в который он давал свои указания, всегда приходился на восход солнца, как раз когда на восточном горизонте появлялся светящийся шар. Один из праздников, который он назначил отмечать в свою честь, назывался *Зитакуаренкуаро*, и это мелодичное слово, по словам испанских миссионеров, означает "воскресение из мертвых". Когда к этому добавляется, что он ясно предсказал, что белая раса людей прибудет в страну, и что он сам должен вернуться, [5] его идентичность со светлыми богами из аналогичных американских мифов слишком очевидна, чтобы требовать аргументации.

Король Тарасков считался всего лишь наместником отсутствующего бога-героя и был готов сложить скипетр, когда Курикаберис вернется на землю.

Мы не знаем, был ли миф о Четырех Братьях распространен среди тарасков; но вряд ли найдется на континенте народ, у которого число Четыре было бы более священным. Королевство было разделено на четыре части (как и у ица, квичуа и многих других племен), четыре правителя которых вместе с королем составляли священный совет пяти, в подражание, я едва ли могу сомневаться, богу-герою и четырем божествам ветров.

Богиней воды и дождей, женским аналогом Курикаберис, была богиня *Куэравапери*. "Ее имя упоминается, - говорит авторитет, которого я цитирую, - во всех их баснях и речах. Они говорят, что она - мать всех богов земли, и что именно она дарует урожай и прорастание семян". С ней всегда сопровождали четыре богини-служительницы, олицетворения дождей с четырех сторон света. На священных танцах, которые также были инсценировкой ее предполагаемого действия, эти служители были представлены четырьмя священниками, одетыми соответственно в белое, желтое, красное и черное, что символизировало четыре цвета облаков. [6] Другими словами, она, несомненно, имела такое же отношение к Курикаберис, какое Икшель имел к Ицамне в мифологии майя, или богиня радуги к Араме в религиозных легендах моксо. [7] Она была

божеством, управляющим дождями, а следовательно, плодородием и урожаями, находясь в близком родстве с богом солнечных лучей и четырех ветров.

Гватемальские киче не были дальними родственниками майя с Юкатана, и их мифология была сохранена до нас в переписке с их национальной книгой "*Пополь Вух*". Очевидно, они позаимствовали что-то из ацтекских источников, и в этих записях иногда заметен привкус христианского учения; но, несмотря на все это, это одно из самых ценных, которыми мы располагаем по этому вопросу.

Это начинается с того, что мы связываем сотворение людей и вещей с появлением света. Другими словами, как и во многих мифологиях, история мира - это история дня; каждая начинается с рассвета. Таким образом, *Пополь Вух* гласит:--

"Вот как существуют небеса, как существует Сердце Небес, он, бог, имя которому Кабауил".

"Его слово пришло во тьме к Господу, к Гукумацу, и оно говорило с Господом, с Гукумацем".

"Они говорили вместе; они советовались и планировали; они понимали; они объединились в словах и планах".

"Пока они совещались, наступил день, появился белый свет, появилось человечество, и таким образом они держали совет о росте деревьев и виноградных лоз, о жизни и человечестве, во тьме, ночью (сотворение было осуществлено) Сердцем Небес, имя которому Хуракан".^[8]

Но национальным культурным героем киче, по-видимому, был *Шбаланке*, имя, которое имеет буквальное значение "Маленький тигровый олень" и является символическим наименованием, относящимся к дням в их календаре. Хотя многие из его деяний описаны в "*Пополь Вух*", это произведение не дает нам полной мифической истории о нем. Из этого и других источников мы узнаем, что он был одним из близнецов, предположительно родившихся от матери-девственницы в Утатлане, центральной провинции киче, был проводником и защитником их нации и в ее интересах совершил путешествие в Подземный мир, чтобы отомстить своим могущественным врагам, ее правителям. Ему сопутствовал успех, и, победив их, он освободил Солнце, которое они захватили, и вернул к жизни четыреста юношей, которых они убили, и которые, на самом деле, были звездами небесными. По возвращении он вышел из недр земли и места тьмы в точку далеко к востоку от Утатлана, в каком-то месте, расположенном у киче недалеко от Кобана, в Вера-Пас, и снова пришел к своему народу, надеясь, что его примут с подобающими почестями. Но, как и Виракоча, Кецалькоатль и другие из этих достойных людей, история гласит, что они относились к нему без особой вежливости, и в гневе на их неблагодарность он покинул их навсегда, чтобы найти более благородный народ.

Мне нет необходимости вдаваться в подробное обсуждение этого мифа, многие моменты которого неясны, тем более что я подробно изложил их в монографии, легко доступной читателю, который захочет продолжить свои расспросы. Достаточно, если я процитирую вывод, к которому я там прихожу. Он следующий:--

Достаточно сказать, что бог-герой, чье имя, таким образом, составлено из двух знаков в календаре, который является одним из близнецов, рожденных девственницей, который совершает множество удивительных подвигов на земле, который нисходит в мир тьмы и освобождает солнце, луну и звезды для их ежедневных и ночных странствий по небесам,

представляет в этих и других чертах такое многочисленное сходство с Божеством Света, Создателем Дня у северных охотничьих племен, появляющимся в стольких американских легендах, что я без колебаний отождествляю повествование о нем с рассказом о нем самом. Шбаланке и его деяния - всего лишь еще одна версия этого широко распространенного, почти универсального мифа".[9]

Немногие из наших мифов о героях давали повод для более диких спекуляций, чем история Вотана. Он был культурным героем цендалов, ветви расы майя, чей дом находился в Чьяпасе и Табаско. Даже обычно осторожный Гумбольдт предположил, что его имя может быть формой Одина или Будды! Что касается писателей с более богатым воображением, то они без малейшего труда обнаружили, что оно идентично одону тарасков, отону отоми, пудану тамульцев Восточной Индии, воду негров Луизианы и т. Д. Все это было сделано без каких-либо попыток установить точное значение и происхождение имени Вотан. Единственным ориентиром было поверхностное фонетическое сходство.

Мы не очень хорошо знакомы с мифом о вотанах. По-видимому, он был записан где-то в семнадцатом веке туземцем, принявшим христианство. Его рукопись, состоящая из пяти или шести фолиантов на языке цендаль, попала во владение Нуньеса де ла Веги, епископа Чьяпаса, около 1690 года, а позже в руки дона Рамона Ондонеса-и-Агиара, где ее увидел доктор Пол Феликс Кабрера, около 1790 года. Что с ним стало, неизвестно.

Полного перевода этого не было сделано; а выдержки или тезисы, приведенные только что названными авторами, в высшей степени неудовлетворительны и искажены невежеством и предрассудками. Никто из них, вероятно, не был знаком с языком цендаль, особенно в его древней форме. То, что они говорят нам, звучит следующим образом: --

В какую-то бесконечно отдаленную эпоху Вотан пришел с дальнего Востока. Он был послан Богом, чтобы разделить и распределить между различными расами людей землю, на которой они обитают, и дать каждой свой собственный язык. Земля, откуда он пришел, смутно называлась *уалум уотан*, земля Вотана.

Его послание было обращено в первую очередь к цендалам. До его прибытия они были невежественными, варварскими и не имели постоянного жилья. Он собирал их по деревням, учил выращивать кукурузу и хлопок и изобрел иероглифические знаки, которые они научились вырезать на стенах своих храмов. Говорят даже, что он написал в них свою собственную историю.

Он установил гражданские законы для их правления и передал им надлежащие церемонии религиозного богослужения. По этой причине его также называли "Мастером Священного барабана", инструмента, с помощью которого они созывали приверженцев на ритуальные танцы.

Они особенно запомнили его как изобретателя их календаря. Его имя стояло третьим в двадцатидневной неделе и было первым доминантным знаком, по которому они отсчитывали свой год, что соответствовало *Кану* майя.

О нем как о градостроителе говорили как об основателе Паленке, Нахана, Уэуэтлана - фактически, любого древнего места, происхождение которого было забыто. Сообщалось, что недалеко от последнего упомянутого населенного пункта, Уэуэтлана в Соконуско, он построил

подземный храм, просто дуя своим дыханием. В этом мрачном особняке он сложил свои сокровища и назначил охранять их жрицу, для помощи которой создал тапиров.

Согласно одному утверждению, Вотан привез с собой, или, согласно другому, за ним последовали из его родной страны некие сопровождающие или подчиненные, называемые в мифе *цекиль*, одетые в нижние юбки из-за длинных и ниспадающих одежд, которые они носили. Они помогали ему в работе на благо цивилизации. Четыре раза он возвращался в свой бывший дом, разделив страну, когда собирался уезжать, на четыре округа, во главе которых он поставил этих слуг.

Когда, наконец, пришло время его окончательного ухода, он не прошел через долину смерти, как должны были бы сделать все смертные, но проник через пещеру в подземелье и нашел свой путь к "корню небес". Этим таинственным выражением местный миф завершает свой рассказ о нем.[\[10\]](#)

Цендалы поклонялись ему как своему главному божеству и благодетельному покровителю. Но у него был соперник в их религиозных обрядах, внушающий страх *Ялахау*, Повелитель Тьмы, или Владыка Вод. Он был представлен как ужасный воин, жестокий к людям и один из первых людей.[\[11\]](#)

Согласно неопубликованной работе Фуэнтеса, Вотан был одним из четырех братьев, общих предков юго-западных ветвей семьи майя.[\[12\]](#)

Все эти черты этого популярного героя слишком точно похожи на черты других представителей этого мифа, чтобы они оставляли какие-либо сомнения относительно того, что мы должны думать о Вотане. Как и все остальные, он и его слуги в длинных одеждах являются олицетворениями восточного света и его лучей. Хотя сохранились лишь не критические воплощения фрагментарного мифа о нем, их достаточно, чтобы запечатлеть его как то, что встречается с нами так постоянно, куда бы мы ни повернулись в Новом Мире.[\[13\]](#)

Вряд ли мне кажется необходимым указывать, что его имя Вотан никоим образом не имеет отношения к корням отоми или тараско, и тем более к скандинавскому Водан или индийскому Будда, но происходит от корня чистой майи. И все же я сделаю это, чтобы, по возможности, положить конец таким призрачным этимологиям.

Как нам сообщил епископ Нуньес де ла Вега, *уотан* на цендальском означает *сердце*. О Вотане говорили как о "сердце или душе своего народа". Это происхождение было поставлено под сомнение, потому что слово, обозначающее сердце, в других диалектах майя иное, и было высказано предположение, что это был всего лишь пример "отосиса", когда иностранное имя собственное было превращено в знакомое нарицательное. Но эти возражения несостоятельны.

Что касается происхождения, то *уотан* происходит от чисто майяйского корневого слова *тан*, которое означает прежде всего "грудь" или то, что находится спереди или в середине тела; с притяжательной приставкой оно становится *утан*. На цендальском это слово означает одновременно *грудь* и *сердце*. Это хорошо иллюстрируется находящейся в моем распоряжении древней рукописью, датированной 1707 годом. Это руководство для священников по совершению таинств на испанском и цендальском языках. Я цитирую отрывок из пункта[\[14\]](#):--

"Con todo tu corazón, hiriendote
en los pechos, di, conmigo."

*Та зпизил ауотан, хатиг зны
ауотан, згойок, алаг гойок.--*

Здесь *а* является притяжательным именем второго лица, а *уотан* используется как для обозначения сердца, так и груди. Таким образом, происхождение этого слова от корня майя ясно.

Фигура речи, с помощью которой главное божество именуется "сердцем земли", "сердцем неба", распространена в этих диалектах и неоднократно встречается в *Пополь Вух*, священной легенде гватемальских киче.

Здесь я могу повторить то, что я уже писал в другом месте об этом образном выражении в языках майя: "Буквальный или физический смысл слова "сердце" - это не то, что здесь подразумевается. В этих диалектах это слово имеет более богатое метафорическое значение, чем в нашем языке. Оно обозначает все психические силы, память, волю и способности к рассуждению, жизнь, дух, душу. Правильнее было бы перевести эти названия как "Дух" или "Душа" озера и т.д., Чем как "Сердце". Они указывают на смутно понимаемое чувство единства духа или энергии во всех различных проявлениях органического и неорганического существования". *Имена богов в мифах киче, Центральная Америка*, Дэниел Г. Бринтон, в *Трудах Американского философского общества*, том. хix, 1881, с. 623.[\[15\]](#)

Непосредственными соседями цендалов были миксы и зоки, первые обитали в центральных горах перешейка Теуантепек, вторые - в низинах и ближе к восточному побережью. В настоящее время миксы насчитывают всего несколько деревень, жители которых, по слухам, пьяны и никчемны, но было время, когда они были могущественной и воинственной нацией. Они ни в коей мере не родственны племени майя, хотя именно так их классифицируют в превосходной работе мистера Х.Х. Бэнкрофта.[\[16\]](#) Однако у них особое родство с зоками, поскольку около тридцати процентов слов в этих двух языках схожи.[\[17\]](#) Зоки, о мифологии которых мы, к сожалению, знаем мало или вообще ничего, примыкали к цендалам и находились с ними в постоянном общении.

У нас есть лишь слабые следы ранней мифологии этих племен; но они сохранили несколько легенд, которые показывают, что они также разделяли столь распространенную среди их соседей веру в благотворного культурного бога.

Этот миф повествует о том, что их праотец, который также был их Верховным Богом, вышел из пещеры в высокой горе в их стране, чтобы управлять ими. Он покрыл землю лесами, нашел источники и ручьи, населил их рыбой, а леса - дичью и птицами и научил племя ловить их. Они не верили, что он умер, но что по прошествии определенного времени он со своими слугами и пленниками, нагруженный ярко сверкающим золотом, удалился в пещеру и закрыл ее вход, но не для того, чтобы остаться там, а для того, чтобы вновь появиться в какой-нибудь другой части света и оказать подобные милости другим народам.

Имя или одно из имен этого благодетеля было Кондой, значение которого мои возможности не позволяют мне установить.[\[18\]](#)

Этого едва ли достаточно, чтобы раскрыть точные черты их героя; но, если мы можем судить по этим фрагментам, приведенным Карриедо, он, по-видимому, относится точно к тому же классу, что и другие мифы о героях, которые я собрал в этом томе. Авторитетные историки уверяют нас, что миксы, зоки и сапотеки объединились в ожидании, основанном на их древних мифах и пророчествах, прибытия когда-нибудь людей с Востока, прекрасных по цвету кожи и могучих по силе, повелителей молний, которые займут эту землю.[19]

На высоком плато Анд, в Новой Гранаде, где, хотя и почти под экватором, температура соответствует температуре вечной весны, был счастливый дом муйсков. Это настоящее американское Эльдorado; каждый горный ручей - пустыня, а каждый холм - золотая жила. Туземцы были миролюбивы, умели выплавлять и чеканить драгоценный металл, который был повсюду под рукой, любили сельское хозяйство и разбирались в искусстве прядения, ткачества и крашения хлопка. Сохранившиеся скульптуры доказывают, что они были недюжинными конструкторами, и утверждается, что у них была форма письма, из которой сохранились только их знаки для обозначения цифр.

Знание этих различных искусств они приписывали наставлениям мудрого незнакомца, который жил среди них за много циклов до прихода испанцев. Он пришел с Востока, из льянос Венесуэлы или из-за их пределов, и говорили, что проложенный им путь был широким и длинным, протяженностью в сто лиг, и вел прямо к святому храму в его усыпальнице в Согамосо. В провинции Убаке на следы его ног на твердой скале благоговейно указывали еще долго после завоевания. У него были пышные волосы, борода доходила до пояса, и он был одет в длинные ниспадающие одежды. Он ходил среди народов плато, обращаясь к каждому на его собственном диалекте, учил их жить в деревнях и соблюдать справедливые законы. Недалеко от деревни Кото находился высокий холм, пользовавшийся особым почитанием, поскольку с его выдающейся вершины он имел обыкновение обращаться к людям, собиравшимся у его подножия. Поэтому он почитался святилищем, святым для живых и мертвых. Княжеские семьи издавна приносили туда своих умерших для погребения, потому что этот учитель сказал, что человек не погибает, когда умирает, но воскресает снова. Считалось, что это с большей вероятностью произойдет в том самом месте, где он провозгласил эту доктрину. На каждом закате, закончив свою речь, он удалялся в горную пещеру, чтобы не появляться до следующего утра.

В течение многих лет, некоторые говорили, что в течение двух тысяч лет, он справедливо правил народом, а затем он ушел, вернувшись на Восток, откуда он пришел, говорили некоторые авторитеты, но другие утверждали, что он вознесся на небеса. Во всяком случае, перед своим уходом он назначил преемника на посту главы государства и порекомендовал ему идти по пути справедливости.[20]

То, что заставило испанских миссионеров заподозрить, что это был один из двенадцати апостолов, заключалось не только в этих доктринах, но и в том несомненном факте, что они сочли символ креста уже религиозной эмблемой этого народа. Это было изображено на их священных картинах, и особенно на могиле человека, умершего от укуса змеи.

Небольшое тщательное исследование позволит нам принять эти утверждения как вполне верные и все же дать им совершенно иную интерпретацию.

То, что этот культурный герой прибыл с Востока и возвращается обратно на Восток, сразу же наводит на подозрение, что он был олицетворением Света. Но когда мы переходим к его именам, никаких сомнений оставаться не может. Они были разными, но одним из самых распространенных был *Чимизапагуа*, что, как нам сказали, означает "посланец от *Чиминигагуа*". В космогонических мифах муйсков это был дом или источник Света, и это было название, применяемое к демиургической силе. В этом таинственном жилище, как гласил их рассказ, свет был закрыт, и мир погрузился в первобытный мрак. В определенное время проявился свет, и наступила заря первого утра, свет был разнесен по четырем сторонам земли большими черными птицами, которые выдували воздух и порывы ветра из своих клювов. Современные грамматисты заявляют, что не могут объяснить точное значение названия *Чиминигагуа*, но это составное слово, в котором, очевидно, фигурируют слова *чие*, свет, и *гагуа*, Солнце.[21]

Другими именами, применявшимися к этому богу-герою, были Немтерекетеба, Бочика и Зухе, или Суа, причем последнее упомянутое также является обычным словом, обозначающим Солнце. Сообщалось, что у него был светлый цвет лица, и когда испанцы впервые прибыли, предполагалось, что они были его посланцами и назывались *суа* или *гагуа*, точно так же, как в память о похожем мифе в Перу к ним обращались Виракочас.

В своей форме Бочки он представлен как верховное мужское божество, чьим женским партнером является Радуга, Кучавива, богиня дождей и вод, плодородия полей, медицины и деторождения у женщин, взаимосвязь, которую я уже объяснял.[22]

Везде, где распространялась широко распространенная раса тупи-гуаранай - от устья Рио-дела-Плата и бескрайних равнин Пампасов на север до самых северных островов Вест-Индского архипелага, первые исследователи обнаружили, что туземцы благочестиво приписывали свои познания в искусстве жизни почтенному и доброжелательному старику, которого они называли "Нашим Предком", *Таму*, или *Туме*, или *Зуме*.

Ранним миссионерам-иезуитам, посещавшим гуарани и связанные с ними племена Парагвая и южной Бразилии, есть что сказать об этом персонаже, и некоторые из них были убеждены, что он не мог быть никем иным, как апостолом Святым Фомой в его прозелитическом путешествии по миру.

Легенда гласила, что Пай Зуме, как его называли в Парагвае (*Пай* = маг, прорицатель, священник), пришел с Востока, с восходом Солнца, в давно минувшие годы. Он обучал людей искусству охоты и сельского хозяйства, особенно выращиванию и приготовлению маниоки, их основного источника растительной пищи. Недалеко от города Успения находится высокая скала, вокруг которой, как гласит миф, он имел обыкновение собирать людей, стоя над ними на ее вершине и передавая свои наставления и свои законы, точно так же, как это делал Кецалькоатль с вершины горы Цацитепек, Холма Восклицания. Место, где он стоял, до сих пор отмечено отпечатками его стоп, на которые благочестивые туземцы более поздних времен с гордостью указывали как на убедительное доказательство того, что их предки принимали и помнили проповеди святого Фомы.[23] Это было не предположение об их более позднем обучении, а просто христианизированный термин, данный их подлинной древней легенде. Еще в 1552 году, когда отец Эмануэль Нобрега посещал миссии Бразилии, он услышал легенду и узнал о местности, где на твердом камне были неизгладимо отпечатаны не только следы ног, но и рук бога-героя. Не удовлетворившись простым сообщением, он посетил это место и увидел их собственными глазами, но отнесся к их происхождению с некоторым скептицизмом.[24]

История заключалась в том, что куда бы ни шел этот бог-герой, он оставлял за собой хорошо обозначенный путь, который был постоянным, и как муйски Новой Гранады указали путь Бочики, так же поступили гуаранайцы с путем Зуме, на который миссионеры смотрели "не без удивления".[25] Он прожил определенное время со своим народом, а затем покинул их, отправившись обратно за океан на Восток, согласно некоторым источникам. Но, по словам других, его прогнали упрямые и невольные слушатели, которым надоели его советы. Они преследовали его до берега реки и там, думая, что самое быстрое избавление от него - это убить, выпустили в него свои стрелы. Но он поймал стрелы в свою руку и отбросил их назад, и, разделив воды реки своей божественной силой, он прошел между ними на другой берег, обутый досуха, и скрылся из виду вдалеке.

Подобно всем богам-героям, он оставил после себя хорошо запомнившееся обещание, что когда-нибудь в будущем он вернется к ним и что вовремя придет раса людей, чтобы собрать их в города и править ими в мире.[26] Миссионеры тщательно записали эти предсказания и сочли их "бессознательными пророчествами язычества" о пришествии христианства; но для меня они слишком безошибочно несут на себе отпечаток легкого мифа, которому я следовал во многих местах Нового Света, чтобы я сомневался в их происхождении и значении.

Я еще не исчерпал источники, из которых мог бы привести доказательства широкого присутствия элементов этого мифического творения в Америке. Но, вероятно, я сказал достаточно, чтобы удовлетворить читателя по этому вопросу. В любом случае будет достаточно, если я завершу список некоторыми явными фрагментами мифа, выбранными из имеющихся у нас путаных и в целом современных сообщений о религиях расы атабасков. Этот стебель - один из наиболее широко распространенных в Северной Америке, простирающийся по всему континенту к югу от эскимосов и разбросанный в более теплых широтах вплоть до Мексики. Он находится на низком уровне интеллектуального развития, составляющие его племена обычно являются мигрирующими дикарями, а его диалекты чрезвычайно синтетичны и имеют сложную фонетику, требующую целых шестидесяти пяти букв для их правильной орфографии. Поэтому неудивительно, что мы располагаем лишь ограниченными знаниями об их ментальной жизни.

Особое место в их мифах занимает история о Двух братьях. Эти таинственные существа появились на земле еще до появления человека. Хотя они и поодиночке, они не соглашались, и один нападает на другого и убивает его. На сцене появляется другой брат, который, кажется, тот самый убитый, который ожил, и им двоим дают жен Существо, которое было Создателем всего сущего. Эти две женщины были безупречно красивы, но невидимы для глаз смертных. Одна была названа Женщиной Света или Женщиной Утра; другая была Женщиной Тьмы или Женщиной Вечера. Братья жили вместе в одной палатке с этими женщинами, каждая из которых по очереди выходила на работу. Когда Женщина Света была за работой, был день; когда Женщина Тьмы трудилась, была ночь.

Со временем один из братьев исчез, а другой решил выбрать жену из двух женщин, поскольку, похоже, он еще не сделал выбора. Он наблюдал за тем, что делала Женщина Тьмы в ее отсутствие, и обнаружил, что она спустилась в воду и наслаждалась объятиями чудовища, в то время как Женщина Света проводила время, кормя белых птиц. Со временем первая произвела на свет черных людей-змей, в то время как Женщина Света произвела на свет красивых мальчиков с белой кожей. Хозяин дома убил первого своими стрелами, но сохранил последнего

и, женившись на Женщине Света, стал отцом человеческого рода, и особенно Дене Динджие, которые сохранили память о нем.[27]

В другом мифе этого рода, явно являющемся версией первого, этот прародитель расы представлен в виде могучей птицы, называемой *Йель*, или *Йель*, или *Орельбейл*, от корня *ell*, термина, который они применяют ко всему сверхъестественному. Он взял в жены дочь Солнца (Женщину Света), и от нее произошла раса людей. Он создал сушу для того, чтобы они могли жить на ней, и наполнил реки лососем, чтобы у них была пища. Когда он входит в свое гнездо, наступает день, но когда он покидает его, наступает ночь; или, согласно другому мифу, у него в женах две женщины, одна из которых создает день, другая - ночь.

Вначале Йель был в белом оперении, но у него был враг по имени *Каннук*, с которым у него были различные соревнования, и из-за махинаций которого он стал черным. Йель также представлен как бог ветров и бурь, а также грома и молнии.[28]

Таким образом, даже у этого крайне низкого представителя местной расы мы находим ту же основу для их мифологии, что и у наиболее культурных народов Центральной Америки. Не только это; это та же основа, на которой построена большая часть священных историй всех ранних религий на обоих континентах; и превосходный отец Петито, на которого эти сходства произвели такое сильное впечатление, что он основывает на них ученый аргумент в доказательство того, что дене восточного происхождения,[29] написал бы больше для этой цели, если бы его знакомство с американскими религиями было таким же обширным, как и с религиями азиатского происхождения.

Во всех этих мифах есть один момент, который я хочу подчеркнуть с особой силой. Это различие, которое повсюду проводится между Богом Света и Солнцем. Если это различие не будет полностью понято, американская мифология утратит большую часть своего значения.

Утверждение о том, что американские индейцы почти все были солнцепоклонниками, так часто повторялось, вплоть до новейших авторов, что я беру на себя труд официально опровергнуть его. Ни Солнце, ни Дух Солнца не были их главным божеством.

Конечно, повседневная история появления и исчезновения света тесно связана с видимым движением солнца. Следовательно, в мифах часто наблюдается кажущееся отождествление этих двух понятий, чего я не прилагал никаких усилий, чтобы избежать. Но отождествление носит лишь поверхностный характер; оно полностью исчезает в других частях мифа, и концепции, как фундаментально отличающиеся друг от друга, должны изучаться отдельно, чтобы достичь точных результатов. Это простой, но ни в коем случае не глубокий метод рассмотрения этих религий - отвергать их все с помощью поверхностных объяснений "анимизма" и "поклонения солнцу и луне".

Я сказал и процитировал авторитетные источники, подтверждающие это мнение, что коренные племена Америки утратили моральные устои и отступили в своей религиозной жизни с момента введения христианства. Их собственные верования, хотя и более низкие по форме, имели в себе зародыши религиозной и моральной эволюции, которые, при надлежащем регулировании, с большей вероятностью могли привести этих людей к более высокому уровню мышления, чем навязанные им арийские доктрины.

Это может показаться смелым, даже неортодоксальным утверждением, но я думаю, что большинство современных этнологов согласятся с тем, что для рас на всех этапах развития культуры и с совершенно разными способностями принять с пользой какую-либо одну религию так же невозможно, как для них процветать при одной форме правления или с выгодой принять единый план строительства домов. Нравственная и религиозная жизнь - это поросль, и дерзкая древесина древнего финика не может быть привита к зеленому стволу. Хорошо бы помнить, что языческие государства Америки были очень далеки от того, чтобы нуждаться в живых семенах здоровой морали и здорового умственного воспитания. Я попытаюсь указать на это в нескольких кратких абзацах.

По своему происхождению в человеческом разуме религия и мораль не имеют ничего общего. Они даже антагонистичны. В основе всех религий лежит страстное стремление к как можно более широкой жизни, к самому неограниченному проявлению всех своих сил. Основой любой морали является самопожертвование, готовность отказаться от своих желаний ради воли другого. Критерием могущества религии является ее способность повелевать на эту жертву; критерием превосходства религии является степень, в которой ее заповеди совпадают с благом расы, с высоким стандартом "категорического императива".

Хорошо помня об этих аксиомах, мы можем с уверенностью продвигаться к изучению утверждений религии. Масштабы этого будут возрастать ровно настолько, насколько его предписания, будь они приняты повсеместно, надолго увеличили бы счастье человеческой расы.

По своему происхождению, как я уже говорил, мораль и религия противоположны; но это противоположности, которые неизбежно притягиваются и объединяются. Первый урок всех религий заключается в том, что мы приобретаем, отдавая, что для достижения какой-либо цели мы должны чем-то пожертвовать. Этому также учат все социальные контакты, и поэтому проницательный немецкий психолог вывел формулу "Все манеры нравственны",^[30] потому что все они подразумевают подчинение личной воли индивида общей воле тех, кто его окружает, что выражается в обычаях.

Даже религия, требующая кровавых жертвоприношений, принуждающая своих приверженцев к бесполезным и отвратительным обрядам, по крайней мере, воспитывает в своих приверженцах такие добродетели, как послушание и самоотречение, стойкость и уверенность.

Но что касается американских религий, то мне нет необходимости прибегать к такому сомнительному оправданию. В них были гораздо более благородные элементы, что без всяких придилок подтверждается словами многих из самых первых миссионеров. Фанатичные и ожесточенные ненавистники местных верований, какими бы они ни были, они обнаружили в них так много хорошего, так много такого, что соответствовало более чистым доктринам, которым они сами пришли учить, что они оставили в записях множество попыток доказать, что в какую-то отдаленную и неизвестную эпоху в Новый Свет должны были приезжать христианские учителя, святой Фома, святой Варфоломей, монахи из Ирландии или азиатские ученики, чтобы познакомить местных жителей с такими спасительными доктринами. Именно в связи с мифами, которые я излагаю в этом томе, были выдвинуты эти теории, и я ссылаясь на них в различных отрывках.

Факты таковы, как указано, но нельзя отказывать красной расе в заслуге развития этих возвышенных моральных концепций. Они - его собственная собственность, законный рост его собственного религиозного чувства.

Бог-герой, воплощение Дневного Света, по сути, является нравственным и благотворным созданием. Будь его имя Мичабо, Иоскеха или Кецалькоатль, Ицамна, Виракоча или Таму, он всегда является законодателем, наставником в искусстве общественной жизни, основателем государств, покровителем сельского хозяйства. Он использует свое влияние в пользу мира, а также против войн и актов насилия. Он наказывает тех, кто совершает беззаконие, и благоволит тем, кто трудится на благо общества.

Во многих случаях он подает пример целомудренной жизни, строгого воздержания, полного подчинения похотям и влечениям. Мне достаточно сослаться на то, что я уже сказал о Кукулькане майя и ацтекском Кецалькоатле, чтобы показать это. Оба особенно известны как личности, свободные от налета снисходительности.

Таким образом, первые монахи часто выражали удивление по поводу того, что те, кого они предпочитали называть дикарями и язычниками, выработали моральный закон неоспоримой чистоты. "Вопросы, которым учил Бочика, - говорит хронист Пьедрахита, - были, безусловно, превосходны, поскольку эти туземцы считали своим правом поступать точно так же, как и мы". "Священники этих муисков, - продолжает он, - вели самый целомудренный и очень чистый образ жизни, настолько, что даже в еде их пища была простой и в небольшом количестве, и они полностью воздерживались от женщин и брака. Если кто-то преступал в этом отношении, он был отстранен от священства".[31]

Молитвы, обращенные к этим божествам, дышат таким же чистым духом преданности, какой многие сейчас слышат в христианских странах. Измените названия, и некоторые формулы, сохраненные Кристобалем де Молиной и Саагуном, не будут резать слух прихожан ни в одной из наших собственных церквей.

Хотя кровавые обряды были обычным явлением, они не были обычными при поклонении этим высшим божествам, а скорее служили умилованием демонам тьмы или духам ужасных явлений природы. Кроткий бог света не требовал их.

Чтобы оценить влияние всего этого на разум расы, давайте вспомним, что эти культурные герои были также творцами, первичными и наиболее могущественными божествами, и что обычно им поклонялись во многих храмах и большом корпусе жрецов, по крайней мере, в странах с более высокой цивилизацией. Эти приверженцы были заняты поддержанием жизни мифа, внушением людям предполагаемых повелений божества и подражанием ему в образе и наставлениях. Таким образом, они сформировали высокий идеал человека и распространяли этот идеал среди своих собратьев. Конечно, это не могло не послужить на благо нации, а также возвышению и очищению ее моральных представлений.

Тому, что так оно и было, у нас есть достаточно доказательств в подлинных рассказах о древнем обществе, каким оно существовало до того, как европейцы разрушили и извратили его, и в сборниках законов, на всех которых отчетливо видна печать религии, которые сохранились в том виде, в каком они были в моде в Анауаке, Утатлане, Перу и других местностях.[32] Любой, кто прочтет их, увидит, что великие моральные принципы, радикальные доктрины индивидуальной добродетели, были четко признаны и сознательно насаждались как божественные и

гражданские заповеди в этих сообществах. Более того, им обычно с радостью подчинялись, и жители многих из этих земель были трудолюбивы, миролюбивы, нравственны и счастливы, гораздо больше, чем когда-либо с тех пор.

Также наблюдался явный прогресс в определении идеи Бога, то есть единого бесконечного разума как источника и управляющей силы явлений. У нас есть записи о том, что в Перу это было прямым следствием мифа о Виракоче. Рассказывают, что инка Юпанги объявил своему народу, что ему явился Виракоча, с предостережением о том, что он один является владыкой мира и творцом всего сущего; что он создал небеса, солнце и человека; и что было бы неправильно, если бы этим его произведениям воздавалось такое же почтение, как и ему самому. Поэтому инка постановил, что с этого момента изображение Виракочи должно быть присвоено главенству над изображениями всех других божеств, и что ему не должны выплачиваться ни дань, ни жертвы, ибо Он был хозяином всей земли и мог брать с нее все, что ему заблагорассудится.^[33] Это, очевидно, была прямая попытка просвещенного правителя поднять свой народ от низшей формы религии к высшей, от идолопоклонства к теизму. Инка даже зашел так далеко, что изгнал все изображения Виракочи из своих храмов, чтобы этому величайшему из богов поклонялись только как нематериальному духу.

Параллельный пример приводится в ацтекских летописях. Несаяуалькойоцин, просвещенный правитель Тецкоко около 1450 года, был одновременно философом и поэтом, и песни, которые он оставил, числом семьдесят, некоторые из которых сохранились до сих пор, дышат духом освобождения от идолопоклоннических суеверий его времени. Он объявил, что есть только один бог, который поддерживает и сотворил все сущее и который обитает на девятом небе, вне поля зрения человека. Ни один образ не подходил для этого божества, и он никогда не появлялся телесно перед глазами людей. Но он внял их молитвам и принял их души.^[34]

Эти традиции подвергались сомнению только по той причине, что предполагалось, что подобные мысли были выше уровня красной расы. Но имена собственные и титулы, несомненно древние и подлинные, которые я проанализировал на предыдущих страницах, опровергают это предположение.

Мы можем с уверенностью утверждать, что можно было бы привести и другие, более убедительные примеры подобного рода, если бы ранние миссионеры более тщательно сохраняли священные песнопения и молитвы туземцев. На языке майя Юкатана определенное количество из них избежало уничтожения, и хотя есть некоторые подозрения, что они были цветными в целях обращения в свою веру, есть прямые свидетельства от туземцев, которые были взрослыми на момент Завоевания, что некоторые из их священников предсказывали, что придет время, когда восторжествует поклонение одному-единственному Богу. Это был не более чем еще один пример того, как монотеистическая идея нашла свое выражение, и ее появление на Юкатане или в Перу не более необычно, чем в древнем Египте или Греции.

Фактический религиозный и моральный прогресс местных жителей намеренно игнорировался и принижался ранними миссионерами и завоевателями. Епископ Лас Касас прямо обвиняет современников в преувеличении пороков индейцев и жестокости их богослужения; и даже такой либеральный мыслитель, как Роджер Уильямс, говорит нам, что он не присутствовал бы на их церемониях, "чтобы не стать участником сатанинских изобретений и богослужений".^[35] Тот же самый предрассудок полностью ослепил первых посетителей Нового Света, и только

экстравагантное представление о том, что здесь когда-то проповедовалось христианство, спасло нам большую часть того немногого, что у нас есть.

И все же время от времени правда прорывается даже сквозь эту плотную завесу предрассудков. Например, в этой главе я процитировал свидетельства испанских хронистов о чистоте учения, приписываемого Бочике. Влияние таких доктрин не могло остаться незамеченным для людей, которые смотрели на него одновременно как на образец и божество. И это было не так. Испанцы оставили убедительные свидетельства мирного и добродетельного характера этой нации и ее свободы от пороков, столь распространенных среди низших рас.[36]

Теперь, когда я оставляю за рамками реальных фактов всех этих легендарных наставников, остается вопрос, откуда эти уединенные племена почерпнули чувства справедливости и нравственности, которые они любили приписывать своим божественным основателям и, в некоторой степени, практиковать сами?

Вопрос уместен, и ответом на него я могу завершить это исследование по религиям коренных народов Америки.

Если теория, которую я отстаиваю, верна, то сначала эти мифы имели отношение просто к естественным явлениям, приходу и уходу дневного света, ветрам, буре и дождям. Благоприятные и пагубные результаты этих явлений приписывались их олицетворениям. Особенно важным событием, наиболее благоприятным для человека, считалось рассеяние тьмы светом. Удобства, которые это давало ему, были приписаны доброте персонифицированного Духа Света, и благодаря естественной ассоциации идей благожелательные эмоции и привязанности, развившиеся благодаря улучшению социальных отношений, также были связаны с этим добрым Существом. Они стали восприниматься как его заветы, и в народном сознании он превратился в учителя дружеских отношений человека к человеку и идеал тех сил, которые "ведут к праведности". Жрецы и вожди одобряли принятие этих взглядов, потому что чувствовали их внутреннюю мудрость, и, следовательно, моральная эволюция нации неуклонно происходила из ее мифологии. То, что достигнутые результаты были подобны тем, которым учат лучшие религии восточного мира, не должно вызывать никакого удивления, поскольку основные принципы этики одинаковы везде и во все времена.

[Footnote 1: "In der Sprache herrscht immer und erneut sich stets die sinnliche Anschauung, die vor Jahrtausenden mit dem gläubigen Sinn vermählt die Mythologien schuf, und gerade durch sie wird es am klarsten, wie Sprachenschöpfung und mythologische Entwicklung, der Ausdruck des Denkens und Glaubens, einst Hand in Hand gegangen." Dr. F.L.W. Schwartz, *Der Ursprung der Mythologie dargelegt an Griechischer und Deutscher Sage*, p. 23 (Berlin, 1860).]

[Footnote 2: Girard de Rialle, *La Mythologie Comparée*, vol. I, стр. 363 (Париж, 1878).]

[Сноска 3: Жирар де Риаль, *там же*, стр. 862.]

[Сноска 4: Те, кто хочет убедиться в этом, могут прочитать работу д-на Франсиско Пиментеля "Собрание воспоминаний о причинах возникновения реальной ситуации коренных жителей Мексики" (Мексика, 1864) и работу лиценциата Аполинара Гарсия-и-Гарсия "История герры Кастас де Юкатан", Prologo (Мерида, 1865). То, что индейцы Соединенных Штатов прямо и положительно выродились в моральном смысле как раса с момента введения христианства, также было весьма определенным мнением покойного профессора. Теодор Вайц, самый

компетентный этнолог. See *Die Indianer Nordamerica's. Eine Studie*, von Theodor Waitz, p. 39, etc. (Leipzig, 1865). Такого же мнения придерживался и комитет по посещению Общества друзей, который делал доклад об индейских племенах в 1842 году; см. *Отчет о посещении некоторых индейских племен к западу от реки Миссисипи* Джоном Д. Лэнгом и Сэмюэлем Тейлором-младшим (Нью-Йорк, 1843). Язык этого Отчета спокоен, но позитивен в отношении возросшей моральной деградации племен как прямого результата контактов с белыми.]

[Footnote 5: P. Francisco Xavier Alegre, *Historia de la Compañia de Jesus en la Nueva España*, Tomo i, pp. 91, 92 (Mexico, 1841). Авторитетами, которых цитирует Алегре, являются П.П. Алонсо де ла Ри, *Хроника Мехоакана* (Мексика, 1648) и Д. Басаленке, *Хроника Сан-Августина де Мехоакана* (Мексика, 1673). Я сожалею, что мне не удалось найти ни одну из этих книг ни в одной библиотеке Соединенных Штатов. Очень жаль, что изучающий американскую историю так часто ограничен в своих исследованиях в этой стране из-за нехватки материала. Грустно думать, что такая богатая и интеллигентная страна не обладает ни одной полной библиотекой своей собственной истории.]

[Footnote 6: *Relacion de las Ceremonias y Ritos, etc., de Mechoacan*, in the *Coleccion de Documentos para la Historia de España*, vol. liii, стр. 13, 19, 20. Это анонимное сообщение, но оно было написано в шестнадцатом веке кем-то, знакомым с предметом. Красивая рукопись с цветными иллюстрациями (впрочем, они не представляют большой ценности) находится в Библиотеке Конгресса и была получена из коллекции покойного полковника. Питер Форс.]

[Сноска 7: См. выше, глава iv, §1]

[Footnote 8: *Popol Vuh, le Livre Sacré des Quichés*, p. 9 (Paris, 1861).]

[Сноска 9: Имена богов в мифах киче, *Центральная Америка*, автор Дэниел Г. Бринтон, доктор медицины, в *Трудах Американского философского общества* за 1881 год.]

[Сноска 10: Ссылки на миф о Вотане: Нуньес де ла Вега, *Епархиальные уставы, Продолжение* (Романы, 1702); Ботурины, *Идея новой истории Америки сентябрьская*, стр. 114, и последующие, которые обсуждают первое; доктор Пол Феликс Кабрера, *Критический театр Америки*, переведенный, Лондон, 1822; Брассер де Бурбур, *История. des Nations Civilisées de Mexique*, vol. i, chap, ii, who gives some additional points from Ordoñez; and H. de Charencey, *Le Mythe de Votan; Etude sur les Origines Asiatiques de la Civilization Américaine*. (Алансон, 1871).]

[Сноска 11: Епископ Нуньес де ла Вега упоминает Ялахау как почитаемый в Окчуке и других цендальских городах Чьяпаса. Он переводит это как "Сеньор де лос Негрос". Конечное ахау - чистая Майя, означающая царя, правителя, господя; Ял также Майя и означает воду. Бог вод, тьмы, ночи и мрака часто является одним и тем же в мифологии, и, вероятно, если бы мы завершили миф, он оказался бы братом и антагонистом Вотана.]

[Сноска 12: Цитируется по книге Эметерио Пинеда, *Географическое описание Чьяпаса и Соконуско*, стр. 9 (Мексика, 1845).]

[Сноска 13: Название рукописи Цендаля, по словам Кабреры, является "Доказательством того, что я чан". Автор пишет от лица самого Вотана и доказывает свое утверждение о том, что он чан, "потому что он чивим". Чан был переведен как змея; на чивиме комментаторы почти отказались. Предположим, что змей был тотемом одного из кланов Цендаль, тогда попытка состояла бы в

том, чтобы показать, что их бог-герой принадлежал к этому тотему; но как это доказывается тем, что он был *чивимом*, не очевидно. Термин *уалум чивим*, земля *чивимов*. по-видимому, это относится в рукописи к стране цендалов или к ее части. Слова *chi uinic* означали бы "люди берега" и могли бы быть местным названием, применяемым к клану на побережье. Но за неимением оригинального текста мы можем лишь догадываться о точном значении автора.]

[Footnote 14: *Modo de Administrar los Sacramentos en Castellano y Tzendal*, 1707. 4to MS., p. 13.]

[Сноска 15: Таким образом, мы имеем (*Пополь Вух*, Часть i, стр. 2) *у кух чо*, Сердце Озер, и *у кух пало*, Сердце океана, как имена высшего божества; позже мы находим *у кух ках*, Сердце Неба (стр. 8), *у кух улеу*, Сердце Земли, стр. 12, 14 и т.д.]

[Сноска 16: "Михес, нация майя", *Коренные народы Тихоокеанских Штатов*, Том v, стр. 712.]

[Сноска 17: *Подробное описание болезни*, в моих руках К.Х. Берендт, доктор медицины, мисс. Сравнение проводится по 158 словам в двух языках, из которых 44 имеют заметное сходство, не считая цифр, восемь из десяти которых совпадают. Многие из оставшихся слов относятся к сапотекскому языку, и в них очень мало и слабо сходных с диалектами майя. Однако одно из них, возможно, заключено в этом имени, Вотан (*уотан*), сердце. В Миксе слово, обозначающее сердце, *горячее*. Я отмечаю это просто для того, чтобы завершить свои наблюдения над мифом о вотане.]

[Footnote 18: Juan B. Carriedo, *Estudios Historicos y Estadisticos del Estado Libre de Oaxaca*, p. 3 (Оахаса, 1847).]

[Сноска 19: Там же, стр. 94, *примечание*, цитирую работы Лас Касаса и Франсиско Бургоа.]

[Footnote 20: "Afirman que fue trasladado al cielo, y que al tiempo de su partida dexó al Cacique de aquella Provincia por heredero de su santidad i poderio." Lucas Fernadez Piedrahita, *Historia General de las Conquistas del Nueoo Reyno de Granada*, Lib. i, cap. iii (Амбеpec, 1688).]

[Footnote 21: Uricoechea says, "al principio del mundo la luz estaba encerrada en una cosa que no podian describir i que llamaban *Chiminigague*, ó El Criador." *Gramatica de la Lengua Chibcha*, Introd., p. xix. *Чуе* на этом языке означает свет, луну, месяц, честь, а также является первым лицом множественного числа личного местоимения. Там же, стр. 94. Отец симон говорит, что *агуа* - это "эль номбре дель мисмо соль", хотя обычно Солнце - это *Суа*.]

[Сноска 22: Главным авторитетом в области мифологии майска, или чибча, является падре Педро Симон, "*Исторические записки конкистов Огненной Земли в Нуэво Рейно де Гранада*", Глава iv, загл. ii, iii, iv, напечатано в Kingsborough, *Mexican Antiquities*, vol. viii, и Пьедрахита, процитированный выше.]

[Footnote 23: "Juxta Paraquariae metropolim rupes utcumque cuspidata, sed in modicam planitiem desinens cernitur, in cujus summitate vestigia pedum humanorum saxo impressa adhuc manent, affirmantibus constanter indigenis, ex eo loco Apostolum Thomam multitudini unde quaque ad eum audiendum confluenti solitum fuisse legem divinam tradere: et addunt mandiocae, ex qua farinam suam ligneam conficiunt, plantandae rationem ab eodem accepisse." P. Nicolao del Techo, *Historia Provincial Paraquariae Societatis Jesu*, Lib. vi, cap. iv (folio, Leodii, 1673).]

[Сноска 24: "Ipse abii", - пишет он в своем хорошо известном Письме, - "ipse propriis oculis inspexi, quatuor pedum et digitorum satis alté impressa vestigia, quae nonnunquam aqua excrescens cooperit". Читатель, вероятно, помнит похожее событие в истории Кецалькоатля (см. выше, глава iii, §3)]

[Footnote 25: "E Brasiliâ in Guairaniam euntibus spectabilis adhuc semita viditur, quam ab Sancto Thoma ideo incolae vocant, quod per eam Apostolus iter fecisse credatur; quae semita quovis anni tempore eundem statum conservat, modicé in ea crescendibus herbis, ab adjacenti campo multum herbescenti prorsus dissimilibus, praebetque speciem viae artificiosè ductae; quam Socii nostri Guairaniam excolentes persaepe non sine stupore perspexisse se testantur." Николао дель Техо, *ubi* выше, Библиотека vi, глава iv.

Связь этого мифа с движением солнца по небу, "путем светлого Бога", как это называется в Ведах, кажется очевидной. Точно так же в более поздней легенде мы читаем о чудесной расщелине или тропе дракона Фафнира через Сверкающую Пустошь и о многих родственных примерах, которые мифологи теперь объясняют той же ссылкой.]

[Footnote 26: "Ilium quoque pollicitum fuisse, se aliquando has regiones revisurum." Отец Нобрега, *ubi* supra. Другие сведения, которые я привел, см. у Николао дель Течо, *Historia Provinciae Paraquariae*, Lib. vi, cap. iv, "De D. Thomae Apostoli itineribus;" and P. Antonio Ruiz, *Conquista Espiritual hecha por los Religiosos de la Compañía de Jesus en las Provincias del Paraguay, Parana, Uruguay y Tape*, fol. 29, 30 (4to., Madrid, 1639). Замечательная идентичность слов, относящихся к их религиозным верованиям и обрядам, у всей этой широко распространенной группы племен была продемонстрирована и убедительно прокомментирована Альсидом Д'Орбини, "Человек по-американски", vol. ii, стр. 277. Виконт де Порто-Сегуру отождествляет зуме с семи с Антильских островов, и эта этимология, во всяком случае, не столь причудлива, как большинство тех, которые он приводит в своем творческом труде "Происхождение туранской Америки Тупо-Карибских островов", стр. 62 (Вена, 1876).]

[Footnote 27: *Monographie des Dènè Dindjié*, par C.R.P.E. Petitot, pp. 84-87 (Paris, 1876). Elsewhere the writer says: "Tout d'abord je dois rappeler mon observation que presque toujours, dans les traditions Dènè, le couple primitif se compose de deux frères." Там же, с. 62.]

[Сноска 28: О масштабах и подробностях этого мифа, многие детали которого я опускаю, см. Petito, *ubi* выше, стр. 68, 87, примечание; Мэтью Макфи. *Путешествия по острову Ванкувер и Британской Колумбии*, стр. 452-455 (Лондон, 1865); и Дж.К. Лорд, *Натуралист с острова Ванкувер и Британской Колумбии* (Лондон, 1866). На это ссылаются Маккензи и другие ранние авторы.]

[Сноска 29: Смотрите его "Очерк происхождения Дене-Динджи" в его монографии, процитированной выше.]

[Footnote 30: "Alle Sitten sind sittlich." Лазарь, *Пружина положения*, С. 5, цитируется Роскоффом. Вряд ли мне нужно упоминать, что наше слово мораль, происходящее от мос, по этимологии означает просто то, что принято и используется в настоящее время. Нравственный человек - это тот, кто приспосабливается к мнению большинства. Это также лежит в основе определения народа Робертом Браунингом: "Народ - это всего лишь попытка многих возвыситься до более полной жизни одного" (*Трагедия души*).]

[Footnote 31: "Las cosas que el Bochica les enseñaba eran buenas, siendo assi, que tenian por malo lo mismo que nosotros tenemos por tal." Piedrahita, *Historia General de las Conquistas del Nuevo Reyno de Granada*, Lib. i, Cap. iii.]

[Сноска 32: Читатель, желающий продолжить спор, может найти эти сборники древних американских законов в "Саагуне", "Истории Новой Испании", для Мексики; в "Джеронимо Романе", "Республике Западной Индии", для Утатлана и других народов; для Перу в "Связи Оригена, происхождения, политики и Гобьерна инков", для лицензии Фернандо де Сантильяна (опубликовано в Мадриде в 1879 году). ; и для муйсков в Пьедрахите, *Hist. Gen. del Nuevo Reyno de Granada*, Lib. ii, cap. v.]

[Footnote 33: P. Joseph de Acosta, *Historia Natural y Moral de las Indias*, Lib. vi, cap. 31 (Barcelona, 1591).]

[Сноска 34: см. Фернандо де Альва Иштлильшочитль, "История чичимеков", глава xlix; и Джозеф Хоакин Гранадос-и-Гальвес, "Тардес Американ", стр. 90 (Мексика, 1778).]

[Сноска 35: Роджер Уильямс, *Ключ к языку Америки*, стр. 152.]

[Сноска 36: См., в частности, *Сборник заметок Нового короля Гранады* в *Сборнике документов Индийского архива*, том v, стр. 529.]

КОНЕЦ.